МАРК ЛЕВИ

Первая ночь

Annotation

«Первая ночь» – продолжение романа «Первый день». Эдриен летит в Китай и находит Кейру. Несмотря на нависшую над ними опасность, они вновь отправляются в путь. Разгадка тайны все ближе, но каждый шаг дается все тяжелее. Герои понимают, что шансов уцелеть у них почти не осталось…

- Марк Леви
  -
  -
  -
  -
  - Дневник Эдриена
    -
    - Париж
    - Лондон
    - Париж
    - Мяньян, Китай
    - Афины
    - Монастырь Гартар
    - Афины
    - Гартар
    - Афины, Университетский клинический центр, пульмонологическое отделение
    - Париж, остров Сен-Луи
    - Лондон, Сент-Джеймс-сквер
    - Лондон, отель «Дорчестер», вечер
    - Афины, на следующий день
    - Пекин
    - Гидра
    - Тюрьма Гартар
    - Гидра
    - Амстердам
    - Афины

- Амстердам
- Париж
- Лондон
- Париж
- Лондон
- Париж
- Лондон
- Амстердам
- Париж
- Лондон
- Амстердам
- Лондон
- Москва
- Лондон
- Мадрид
- Москва
- Мадрид
- Транссибирская магистраль
- Лондон
- Иркутск
- Листвянка…
- Кент
- Париж
- Россия
- Мань-Пупу-нёр
- Мань-Пупу-нёр
- Малый Каменный мост
- Мань-Пупу-нёр
- Лондон
- Кент
- Стоянка «Конкорда», Хитроу
- Лондон
- Сент-Моус
- Амстердам
- Лондон
- Амстердамский свободный университет
- Лондон
- Амстердамский свободный университет

        - Аддис-Абеба
        - Париж
        - Лондон
        - Неизвестное место
        - Лондон
        - Греция
        - Первая ночь
        - Эпилог
    - Мои благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

Марк Леви
Первая ночь

Marc Levy
La première nuit
www.marclevy.info
© Marc Levy/Susanna Lea Associates, 2009
© Клокова Е., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017
Издательство Иностранка®

***

Книги одного из самых популярных французских писателей Марка Леви переведены на сорок пять языков и расходятся многомиллионными тиражами.

За право экранизации первого его романа, супербестселлера «Между небом и землей», Стивен Спилберг заплатил два миллиона долларов.

***

Полине и Луи

В каждом из нас живет
Робинзон, жаждущий
открыть для себя новый мир
и встретить своего Пятницу.

Элеонора Вулфилд

Эта история – правда, потому
что я ее придумал.

Борис Виан

Меня зовут Уолтер Гленкорс, я сотрудник Лондонской Королевской Академии наук. Мы познакомились с Эдриеном чуть меньше года назад, когда его в экстренном порядке вернули в Англию из Чили, где он работал в астрономическом городке в Атакаме – искал изначальную звезду.

Эдриен – талантливейший астрофизик. Довольно скоро мы стали настоящими друзьями.

Эдриен жаждал вернуться к исследованию происхождения Вселенной, моя карьера в Академии находилась в плачевном состоянии из-за недостатка финансирования, и я убедил его принять участие в конкурсе, объявленном неким богатым научным фондом.

Мы несколько недель готовили презентацию проекта Эдриана и очень сблизились… Впрочем, это я уже говорил…

Мы проиграли, и грант достался молодой отважной женщине, которая вела археологические раскопки в долине Омо в Эфиопии, пока песчаная буря, уничтожившая лагерь, не вынудила ее вернуться во Францию.

В тот вечер, когда все началось, она тоже находилась в Лондоне – ждала решения жюри в надежде получить деньги, вернуться в Африку, продолжить раскопки и найти прародителей человечества.

Жизнь любит играть с нами в кошки-мышки, преподнося неожиданные сюрпризы. Когда-то у Эдриена с Кейрой случился бурный роман, но потом они расстались и больше не виделись.

Она праздновала победу, он переживал поражение, они провели вместе ночь, а утром Кейра уехала, оставив Эдриену воспоминание о былой идиллии и привезенный из Африки странный кулон: этот камень нашел в кратере вулкана маленький эфиопский мальчик по имени Гарри, к которому Кейра очень привязалась.

Однажды грозовой ночью, после расставания с Кейрой, Эдриен обнаружил, что кулон наделен странными свойствами: если на камень

попадал яркий свет – например отблеск молнии, – он начинал светиться тысячами мельчайших точек.

Эдриен быстро разгадал загадку. Удивительно, но светящиеся точки на камне соответствовали карте звездного неба, вернее, отдельного участка неба, каким он был четыреста миллионов лет назад.

Пораженный невероятным открытием, Эдриен отправился в Эфиопию, к Кейре.

К несчастью, загадочный кулон интересовал не только Эдриена с Кейрой. Однажды, навещая в Париже сестру, Кейра познакомилась со стариком этнологом по фамилии Айвори. Этот человек связался со мной и убедил – самым гнусным, должен это признать, способом! – склонить Эдриена к продолжению поисков.

В качестве платы за услугу он передал мне небольшую сумму денег и пообещал сделать щедрое пожертвование Академии, если Эдриен и Кейра преуспеют в работе. Я заключил сделку. В тот момент я не знал, что за моими молодыми друзьями следит тайная организация, которая, в отличие от Айвори, стремится любой ценой помешать им добиться успеха и отыскать другие фрагменты.

Старый профессор открыл Эдриену и Кейре, что найденный в вулкане предмет – не единственный в своем роде и по планете разбросаны еще четыре или пять подобных фрагментов. Они решили найти их.

Поиски привели их из Африки в Германию, из Германии в Англию, из Англии на границу Тибета, потом они тайно пересекли территорию Бирмы, отправились на Андаманский архипелаг, где на острове Наркондам Кейра отыскала второй камень.

Они решили сравнить фрагменты, и тут случилось нечто необъяснимое: камни притянуло один к другому как магнитом, они засияли фантастическим синим светом, отбрасывая тысячи искр. Вдохновленные невероятным зрелищем, Эдриен и Кейра пренебрегли предостережениями и угрозами тайной организации и улетели в Китай.

Каждый член этого загадочного «ордена» называет себя именем столицы или иного крупного города той страны, которую представляет. Лондон – англичанин лорд Эштон – был самым непримиримым из всех, он решил любой ценой остановить Кейру и Эдриена.

Что я наделал, побуждая их продолжить поиски? Почему не внял грозному предупреждению, когда на наших глазах убили священника, как мог не осознать всю серьезность положения и не послать к черту профессора Айвори? Почему не предостерег Эдриена, а манипулировал им, как и старый этнолог, называя себя при этом его другом?

Перед самым отъездом из Китая Эдриен и Кейра стали жертвами жестокого покушения. Они ехали на джипе по горной дороге, автомобиль без номеров столкнул их с обрыва. Машина упала в Хуанхэ. Эдриена вытащили из воды находившиеся на берегу монахи, но тело Кейры так и не нашли.

Эдриен поправился и улетел в Англию. Он был так потрясен гибелью Кейры, что не захотел возвращаться к работе и отправился на Гидру – маленький остров, где прошло его детство: родителями Эдриена были англичанин и гречанка.

Прошло три месяца. Эдриен горевал по любимой, я терзался чувством вины, и тут в Академию на его имя пришла посылка из Китая.

Некто, не пожелавший сообщить свое имя, прислал вещи, оставленные Эдриеном и Кейрой в монастыре, и несколько снимков, на которых я без труда узнал молодую женщину. На лбу у нее был странный шрам, о чем я немедленно известил Айвори. Он сумел убедить меня, что Кейра, возможно, жива.

Я хотел промолчать, оставить Эдриена в покое, но разве можно было скрывать подобное?

Я отправился на Гидру, и обретший надежду Эдриен полетел в Пекин.

Я пишу эти строки, чтобы однажды передать их Эдриену как признание вины. Я каждый вечер молю Бога, чтобы ему довелось прочесть мою покаянную исповедь, и надеюсь, что он простит причиненное мною зло.

Афины, 25 сентября
Уолтер Гленкорс,
сотрудник Королевской Академии наук

Дневник Эдриена

Номер 307. Я не обратил внимания на вид из окна, когда впервые ночевал здесь, потому что был тогда очень счастлив, а счастье делает человека рассеянным. Я сижу у окна за узким письменным столом, смотрю на Пекин и чувствую себя потерянным, как никогда в жизни. Мне невыносима одна только мысль о том, чтобы взглянуть на кровать. Я потерял тебя, и эта утрата вошла в меня, как маленькая смерть, и пожирает изнутри, как мерзкий грызун. Я попытался заглушить боль, запив завтрак рисовой водкой, но алкоголь не помог.

За десять часов полета я ни разу не сомкнул глаз, так что мне обязательно нужно поспать перед дорогой. Забыться на несколько мгновений – о большем я не мечтаю, хочу провалиться в глухую пустоту и не вспоминать о пережитом.

«Ты здесь?»

Несколько месяцев назад ты задала мне этот вопрос через дверь ванной. Сегодня я слышу только мерный стук капель, стекающих из ржавого крана в старую раковину.

Я отталкиваю стул, надеваю пальто и выхожу из гостиницы. Беру такси, выхожу из парка Цзиншань, иду в розарий и поднимаюсь на перекинутый над прудом каменный мостик.

«Я так счастлива здесь».

Я тоже был счастлив. Если бы я только знал, какую участь мы, сами того не понимая, уготовили себе в жажде открытий и приключений. Если бы можно было остановить время, я остановил бы его в то самое мгновение. Если бы я мог вернуться назад, вернулся бы в тот день, в тот розовый сад…

Я вернулся туда, где дал обет, на аллею парка Цзиншань, к кусту белых роз. Но время не остановилось.

Я вхожу в Запретный город через северные ворота и бреду по аллеям, думая о тебе.

Я ищу каменную скамью под большим деревом, этакий одинокий риф, на котором совсем недавно сидела пожилая китайская пара. Может, найдя их, обрету и успокоение, их улыбка тогда показалась нам обещанием счастья, хотя они, возможно, смеялись над тем, что нас ждет.

Я отыскал скамью – она пустовала – и улегся на ней. Ветви ивы колыхались на ветру, укачивая меня своим беспечным танцем. Я закрыл глаза, мне привиделось твое лицо, и я уснул.

Наступил вечер, и полицейский попросил меня уйти.

Я вернулся в гостиницу и поднялся в номер. Городские огни разогнали темноту. Я сдернул с кровати покрывало, бросил его на пол и лег, свернувшись клубком. Свет фар проезжавших по улице машин рисовал на потолке затейливые узоры. Ни к чему попусту тратить время, уснуть все равно не получится.

Я сложил вещи, оплатил счет и забрал со стоянки машину.

Бортовой навигатор показал на экране маршрут на Сиань. На подъезде к большим городам ночь отступает и вновь вступает в свои права в сельской местности.

Я остановился в Шицзячжуане, чтобы заправиться, но еду покупать не стал. Ты назвала бы меня трусом – и была бы права, но я не чувствую голода, так зачем искушать дьявола.

Через сто километров я заметил на вершине холма заброшенную деревню и поехал по разбитой дороге, чтобы посмотреть, как над долиной встает солнце. Говорят, что улицы и дома хранят память о мгновениях счастья, пережитых любящими душами. Наверное, это просто красивая легенда, но сегодня утром мне необходимо в нее верить.

Я брожу по пустынным улочкам, прохожу мимо фонтана на центральной площади. Чаша, которую ты нашла в развалинах конфуцианского храма, исчезла. Как ты и думала, кто-то прибрал ее к рукам.

Я сажусь на камень у подножия утеса и караулю рассвет. Небо светлеет, и я снова отправляюсь в путь.

Дорога до Линьфеня так же мучительна, как и в первый раз, от пыли у меня першит в горле, и я достаю лоскут ткани, из которой ты тогда соорудила нам маски. Я нашел его в присланных в Грецию вещах, аромат твоих духов испарился, но я прикладываю шелк к губам и вспоминаю каждое твое движение, каждый жест.

Ты тогда пожаловалась, сказала:

«Адская вонь…»

…впрочем, ты ворчала по любому поводу. Как же мне хочется услышать сегодня твои попреки…

Когда мы проезжали эти места в прошлый раз, ты полезла в сумку, уколола палец и обнаружила спрятанный микрофон. Мне тогда же следовало сказать тебе: мы не готовы к тому, что нас ждет, мы не искатели приключений, а ученые, поэтому мы возвращаемся.

Видимость просто ужасная, нужно прогнать печальные мысли и сосредоточиться на дороге.

Я помню, как, выехав из Линьфеня, остановился на обочине и просто выбросил микрофон. Меня взбесило вторжение в нашу личную жизнь, но я не задумался об опасности. Именно там я признался, что хочу тебя, но не рассказал, что́ люблю в тебе – скорее из целомудрия, чем из намерения затеять любовную игру.

Я подъезжаю к месту, где случилась авария, где убийцы столкнули нас с дороги, и у меня начинают дрожать руки.

«Лучше пропусти их».

Мой лоб покрывается испариной.

«Тормози, Эдриен, прошу тебя».

У меня щиплет глаза.

«Это невозможно, они висят у нас на хвосте».

«Ты пристегнута?»

Ты ответила утвердительно на мой вопрос, больше напоминавший приказ. Первый удар бросил нас вперед. Ты так крепко держишься за ремень, что от напряжения побелели пальцы. Сколько раз нас ударили буфером, прежде чем мы пробили ограждение и свалились в пропасть?

Я обнял тебя, когда мы начали погружаться в воды Хуанхэ, смотрел на тебя, глаза в глаза, пока мы тонули, я не покидал тебя до самого последнего мгновения, любовь моя. Я еду по горной дороге, стараясь совладать с нервами и держать руль покрепче. Неужели я пропустил ведущую к монастырю тропинку? С тех пор как я покинул Китай, это место занимает все мои мысли. Лама из монастыря – единственный, кого я знаю в чужой стране. Он один может навести меня на след, чтобы отыскать тебя, никто другой не поддержит теплящуюся в душе надежду, что ты все еще жива. Твоя фотография со шрамом на лбу – слабое утешение, но я достаю ее из кармана по сто раз на дню. Я замечаю въезд, не успеваю затормозить, проскакиваю и сдаю назад.

Колеса джипа буксуют в осенней грязи. Всю ночь шел дождь. Я оставляю машину на опушке и иду дальше пешком. Если память меня не подводит, надо перейти ручей вброд, подняться на холм, и я увижу с вершины крышу монастыря.

Мне понадобился час на то, чтобы перебраться по скользким, едва выступавшим из воды валунам на другой берег. Думаю, ты бы здорово повеселилась, глядя на мои не слишком ловкие пируэты.

Эта мысль дает мне мужество продолжать.

Ноги вязнут в жирной грязи, мне кажется, что я скорее отступаю, чем продвигаюсь вперед. Требуется немало сил, чтобы добраться до вершины холма. Я вымок, перепачкался и стал похож на бродягу; не знаю, какой прием окажут мне три спешащих навстречу монаха.

Они делают мне знак следовать за ними. Мы входим в ворота, и один из братьев – тот, что все время проверял, не отстал ли я, – ведет меня в тесную комнатку. Она напоминает ту, где ночевали мы с тобой. Монах приглашает меня сесть, наполняет тазик водой, омывает мне лицо, руки и ноги, потом кладет на постель льняные штаны и чистую рубаху и выходит; до вечера я его больше не увижу.

Чуть позже другой монах приносит мне поесть и раскатывает на полу циновку – значит, ночевать я буду тут же.

Когда последний луч солнца истаивает за горизонтом, появляется человек, которого я так жаждал увидеть.

– Не знаю, что вас сюда привело, – говорит он, – разве что желание удалиться от мира, в противном случае буду признателен, если вы завтра же уедете. У нас было достаточно неприятностей по вашей вине.

– Вам что-нибудь известно о Кейре, молодой женщине, что была тогда со мной? Вы ее потом видели? – с тоскливой тревогой в голосе спросил я.

– Случившееся с вами очень печально, но тот, кто сказал, что она выжила в катастрофе, солгал. Не стану утверждать, будто мне известно все, что происходит в окру́ге, но о таком событии я бы знал.

– Это не был несчастный случай! Ваша религия отвергает ложь, так что я повторю свой вопрос: вы уверены, что Кейра погибла?

– Не стоит повышать голос в этих стенах, крик не подействует ни на меня, ни даже на наших послушников. Нет, я не уверен, да и какая тут может быть уверенность? Река не вернула тело вашей подруги – вот все, что мне известно. Принимая во внимание скорость течения и глубину, это совершенно естественно. Прошу меня простить, вам мучительно слышать такие детали, но вы сами спросили.

– А машину выловили?

– Если ответ для вас принципиально важен, задайте вопрос властям, хотя я вам не советую.

– Почему?

– Я уже говорил – у нас были неприятности, но вас это, судя по всему, мало волнует.

– Какого рода неприятности?

– Думаете, приключившийся с вами несчастный случай остался без последствий? Секретная служба провела расследование. Исчезновение иностранной гражданки на территории Китая далеко не заурядное событие. Власти и так не благосклонны к монастырям: нас навестили весьма недружественные визитеры. Монахов допрашивали с пристрастием, и мы, не желая лгать, признали, что дали вам приют. Сами понимаете, послушникам не слишком нравится ваше возвращение сюда.

– Кейра жива, поверьте мне и помогите.

– В вас говорят чувства, вы цепляетесь за надежду, но, отказываясь смотреть правде в лицо, только длите пожирающую вас изнутри муку. Если бы ваша подруга выжила, нас бы об этом известили. В горах

ничего нельзя утаить. Боюсь, она осталась пленницей реки, о чем я искренне горюю и разделяю вашу печаль. Теперь я понимаю, зачем вы приехали, и мне совсем не нравится отчитывать вас. Человеку тяжко скорбеть, не совершив похоронного обряда, но душа вашей подруги пребывает рядом с вами и не покинет вас, пока вы ее помните.

– Избавьте меня от всей этой чуши! Я не верю ни в Бога, ни в лучший мир.

– И имеете на это полное право… Но для неверующего вы слишком часто оказываетесь в монастыре.

– Существуй ваш Бог, он бы не допустил ничего подобного.

– Послушайтесь вы меня, когда я уговаривал вас не взбираться на гору Хуашань, трагедии не случилось бы. Раз вы не ищете убежища от мира, не стоит далее оставаться в этих стенах. Переночуйте у нас и уезжайте. Я вас не гоню, это не в моей власти, но буду благодарен, если вы не станете злоупотреблять нашим гостеприимством.

– Если Кейра вдруг выжила, где она может быть?

– Возвращайтесь домой!

Монах ушел.

Ночью я не сомкнул глаз, пытаясь найти решение. Фотография не может быть подделкой. Я изучал ее все десять часов перелета из Афин в Пекин, продолжаю и теперь – при свете свечи. Шрам у тебя на лбу кажется мне неоспоримым доказательством. Я не могу заснуть, встаю, стараясь не шуметь, отодвигаю перегородку из рисовой бумаги, заменяющую дверь. Иду по коридору на слабый свет к келье, где спят шестеро монахов. Один из них, должно быть, почувствовав мое присутствие, переворачивается на другой бок, глубоко вздыхает, но, к счастью, не просыпается. Я на цыпочках перешагиваю через лежащие на полу тела и выхожу во двор. Почти полная луна отражается в воде колодца. Я присаживаюсь на приступку.

За спиной раздается какой-то шум, я вздрагиваю, и мне зажимают рот рукой. Я узнаю моего ламу, он знаком зовет меня за собой. Мы покидаем стены монастыря, бредем по поляне, останавливаемся под старой ивой, где он наконец поворачивается ко мне.

Я показываю ему фотографию Кейры.

– Когда вы поймете, что подвергаете опасности всех нас? И в первую очередь себя? Вам следует уехать, вы натворили достаточно бед.

– Каких бед?

– Разве вы не сказали, что несчастный случай не был таковым? Почему, как вы думаете, я увел вас из монастыря? Я никому не могу доверять. Те, кто на вас напал, в следующий раз не промахнутся, если вы снова подставитесь. Вы не слишком осторожны, и ваше присутствие в наших местах наверняка не осталось незамеченным – я бы удивился обратному. Возвращайтесь поскорей в Пекин и садитесь в первый самолет до Лондона.

– Я не уеду без Кейры.

– Вам следовало лучше ее защищать, теперь слишком поздно. Не знаю, что вы двое обнаружили, и не хочу знать, но еще раз заклинаю – уносите отсюда ноги!

– Скажите мне хоть что-нибудь, намекните, укажите след, и я обещаю, что покину монастырь на рассвете.

Монах пристально взглянул на меня и, не сказав ни слова, пошел к храму. Я последовал за ним. Во дворе по-прежнему царили тишина и покой, и он проводил меня до комнаты.

Разница во времени и усталость сделали свое дело – я проспал. Около полудня лама принес мне чашку бульона и миску риса на деревянном подносе.

– Если кто-нибудь увидит, как я подаю вам завтрак в постель, решат, что я хочу превратить келью в гостиничный номер, – сказал он и улыбнулся. – Подкрепитесь перед дорогой. Вы ведь покидаете нас сегодня, не так ли?

Я кивнул. Упираться бессмысленно, больше он ничего мне не скажет.

– Счастливого возвращения домой, – пожелал лама и покинул меня.

Взяв с подноса пиалу с бульоном, я обнаружил сложенный вчетверо листок; повинуясь инстинкту, спрятал его в ладони и незаметно опустил в карман. Проглотив завтрак, быстро оделся, умирая от желания прочесть записку, но двое послушников ждали у двери и довели меня до опушки.

При расставании они передали мне завернутый в крафтовую бумагу и перевязанный пеньковой веревкой пакет. Я сел в машину, дождался, когда монахи скроются из виду, и развернул листок.

Если вы откажетесь последовать моим советам, знайте: я слышал, что в монастыре Гартар появился молодой монах – через несколько месяцев после случившейся с вами аварии. Вряд ли этот факт имеет отношение к вашим поискам, но в эту обитель редко принимают новых послушников. Мне также сообщили, что молодого человека, судя по всему, не радовала жизнь в монастыре. Никто не знает, кто он и откуда. Если решили упорствовать и продолжать бессмысленные поиски, езжайте в Чэнду. Добравшись до места, бросьте машину. Люди, живущие в тех краях, очень бедны, и ваш джип привлечет ненужное внимание. Переоденьтесь в одежду, что я послал, это поможет вам затеряться среди жителей долины. Садитесь в автобус до горы Яла. Больше мне нечего вам посоветовать, иностранцев не допускают в монастырь Гартар, но кто знает, возможно, удача вам улыбнется.

Будьте осторожны, вы не один. И главное, сожгите эту записку.

От Чэнду меня отделяли восемьсот километров, за девять часов доберусь.

Слова ламы не слишком меня обнадежили, он мог написать все это с единственной целью – заставить неудобного гостя убраться из монастыря, но вряд ли монах способен на подобную жестокость. Сколько раз я буду возвращаться к этой мысли по дороге в Чэнду…

Высящиеся слева от дороги горы отбрасывают на пыльно-серую долину грозные тени. Дорога идет с востока на запад по равнине, посреди которой высятся трубы двух доменных печей.

Угольные разработки под хмурым, нависающим над карьерами небом – невыносимо печальное зрелище заброшенных рудников.

Дождь идет не переставая, «дворники» не справляются с работой, дорога скользкая. Когда я обгоняю грузовики, водители странно на меня поглядывают. Вряд ли в этот район Китая приезжает много туристов.

За спиной двести километров, впереди еще шесть часов пути. Мне хочется позвонить Уолтеру, позвать его сюда; одиночество угнетает, я с трудом справляюсь с собой. Эгоизм молодости утонул в мутных водах Хуанхэ. Я бросаю взгляд на свое отражение в зеркале и понимаю, что мое лицо изменилось. Уолтер скажет, что все дело в усталости, но я знаю, что перешел черту и пути назад нет. Как бы мне хотелось встретиться с Кейрой намного раньше и не потратить впустую время,

много времени, когда я верил, что счастье заключается в работе. Нет, счастье в другом, оно куда проще.

На краю долины стоят горы. Указатель сообщает, что до Чэнду еще шестьсот километров (текст написан латиницей – дань времени!). Шоссе уходит в туннель в скале, и радио перестает работать. Плевать, азиатская попса успела надоесть. На протяжении двухсот пятидесяти километров над глубокими каньонами нависают мосты. Остановлюсь на заправке в Гуанъюане.

Кофе не так плох.

Возвращаюсь в машину с пачкой печенья и еду дальше.

По узким долинам разбросаны крохотные деревушки. До Мяньяна добираюсь к восьми вечера. Этот город науки и высоких технологий выглядит таким современным, что потрясает воображение. На берегу реки выстроились в ряд башни из стекла и стали. Близится ночь, и усталость все сильнее давит на плечи. Нужно остановиться и поспать хоть несколько часов, чтобы восстановить силы. Смотрю в карту: путешествие автобусом из Чэнду в Гартар продлится несколько часов. Даже при самом удачном стечении обстоятельств сегодня вечером я туда не попаду.

Я нашел гостиницу. Оставил машину на стоянке и отправился прогуляться по бетонной эспланаде вдоль реки. Дождь перестал. Несколько ресторанчиков обслуживают посетителей на промокших, обогреваемых газовыми лампами верандах.

Еда, на мой вкус, жирновата. Где-то далеко с оглушающим грохотом взлетает самолет, поднимается над городом и уходит на юг. Куда направляются все эти пассажиры, что сидят в креслах за ярко освещенными иллюминаторами? Лондон и Гидра так далеко… Тоска смертная. Если Кейра жива, почему не подает о себе вестей? Что такого случилось, чтобы вот так исчезнуть? Возможно, тот монах прав и я лишился рассудка, раз цепляюсь за иллюзорную надежду. Недосыпание усиливает меланхолию, и ночная темень затягивает меня. Ладони становятся влажными, все тело покрывается потом. Я дрожу, меня кидает то в жар, то в холод. Подходит официант, я догадываюсь, что он спрашивает, все ли со мной в порядке. Хочу ответить, но не могу вымолвить ни слова. Продолжаю вытирать затылок салфеткой, спина взмокла, голос официанта отдаляется; свет на веранде меркнет, все вокруг кружится, потом – пустота.

Помрачение рассеивается, свет возвращается, я начинаю слышать голоса – два или три? Со мной говорят на незнакомом языке. Лица касается прохлада, нужно открыть глаза.

Старая женщина гладит меня по щеке, кивает, мол, худшее позади. Она дает мне попить, шепчет слова утешения.

По всему телу бегут мурашки, кровь снова несется по венам. У меня был обморок. Наверное, от усталости, а может, съел что-нибудь несвежее, не знаю, я сейчас слишком слаб, чтобы думать. Меня уложили на молескиновом диванчике в задней комнате ресторана. К старой даме, что заботится обо мне, присоединился ее муж. Морщинистое, как печеное яблоко, лицо лучится улыбкой.

Мне хочется поблагодарить их, и я пытаюсь заговорить.

Старик подносит к моим губам чашку и заставляет сделать глоток. Питье горчит, однако китайская медицина, как известно, творит чудеса, и я подчиняюсь.

Хозяева ресторана как две капли воды похожи на ту пару, что мы с Кейрой встретили в парке Цзиншань, и это меня успокаивает.

Лучшее, что я могу сейчас сделать, – это выспаться и набраться сил.

Париж

Айвори безостановочно ходил по гостиной. Он проигрывал партию: Вакерс передвинул коня, угрожая его королеве. Айвори подошел к окну, отодвинул штору и взглянул на плывущий вниз по Сене речной трамвайчик.

– Хотите об этом поговорить? – спросил Вакерс.

– О чем – об этом?

– О том, что занимает все ваши мысли.

– У меня озабоченный вид?

– Ваша манера игры заставляет сделать подобное предположение, если только вы не хотите поддаться, но в таком случае вы так явно дарите мне победу, что это почти оскорбительно. Лучше расскажите, что вас тревожит.

– Ничего. Я плохо спал прошлой ночью. Увы – раньше я мог не спать по двое суток. Чем мы провинились перед Богом, что он наказывает нас старением?

– Не то чтобы я был слишком высокого мнения о нас обоих, но нам Господь явно явил милосердие.

– Не сердитесь. Пожалуй, будет лучше закончить на сегодня. Тем более что через четыре хода вы поставите мне мат.

– Через три! Вы озабочены куда сильнее, чем я мог предположить, но не буду настаивать. Я ваш друг, расскажете, когда сочтете нужным.

Вакерс встал и направился к двери, надел в прихожей плащ и обернулся: Айвори по-прежнему смотрел в окно.

– Завтра я возвращаюсь в Амстердам. Приезжайте на несколько дней, прохлада каналов вернет вам сон. Будете моим гостем.

– Я полагал, что нам лучше не появляться вместе…

– Дело закрыто, так что больше нет нужды в тайных играх. И бросьте терзаться, вы ни в чем не виноваты. Мы должны были предвидеть реакцию сэра Эштона и его упреждающий удар. Я не меньше вашего удручен тем, как все закончилось, но тут вы бессильны.

– Все подозревали, что рано или поздно сэр Эштон вмешается, но позиция лицемерного умолчания всех устраивала. Вам это известно не хуже моего.

– Клянусь вам, Айвори, если бы я только мог предположить, что он станет действовать так жестоко и стремительно, сделал бы все, чтобы ему помешать.

– И что конкретно было в ваших силах?

Вакерс посмотрел на Айвори и отвел взгляд.

– Приглашение в Амстердам остается в силе, приезжайте когда захотите. И последнее: давайте не будем учитывать результат сегодняшней партии. Всего наилучшего.

Не дождавшись ответа, Вакерс покинул квартиру, сел в лифт и нажал на кнопку первого этажа. Его шаги отозвались гулким эхом в пустом холле. Он потянул на себя тяжелую дверь подъезда и перешел на другую сторону улицы.

Ночь была теплая. Вакерс спустился на Орлеанскую набережную и взглянул на фасад дома: на шестом этаже в окнах гостиной Айвори погас свет. Он пожал плечами и продолжил прогулку. Как только он свернул за угол улицы Ле-Регратье, припаркованный у тротуара «ситроен» дважды мигнул фарами. Вакерс открыл дверцу и устроился на пассажирском сиденье. Водитель протянул руку к ключу зажигания, но голландец жестом остановил его:

– Подождем несколько минут, если не возражаете.

Они не разговаривали. Тот, кто сидел за рулем, достал из кармана пачку сигарет и чиркнул спичкой:

– По какой причине мы торчим тут у всех на виду?

– Телефонная кабина прямо напротив.

– О чем вы? На набережных нет кабин.

– Будьте любезны, затушите сигарету.

– Вы стали борцом с курением?

– Нет, но огонек могут заметить с улицы.

На набережную вышел мужчина. Остановился, облокотился о парапет.

– Это Айвори? – спросил человек за рулем.

– Нет, папа римский!

– Он говорит сам с собой?

– Он звонит.

– Кому?

– Не валяйте дурака! Если человек вышел из дому среди ночи, чтобы сделать телефонный звонок с набережной, значит, хочет, чтобы имя собеседника оставалось тайной для остальных.

– Так зачем сидеть в засаде, раз мы все равно не можем услышать его разговор?

– Хочу проверить одну догадку.

– Проверили? Можем ехать?

– Нет, меня интересует, что будет дальше.

– Значит, у вас есть догадка?

– До чего же вы болтливы, Лоренцо! Как только он повесит трубку, выбросит симку сотового в Сену.

– Собираетесь нырять за ней?

– Вы и впрямь круглый идиот, дружище.

– Чем оскорблять, лучше объясните, чего мы ждем.

– Узнаете через несколько мгновений.

Лондон

В маленькой квартире на Олд-Бромптон-роуд зазвонил телефон. Уолтер поднялся с кровати, накинул халат и вышел в гостиную.

– Иду, иду! – закричал он, подходя к круглому столику, где стоял аппарат.

Он сразу узнал голос звонившего.

– По-прежнему ничего?

– Нет, я вернулся из Афин вечером. Он там всего четыре дня, надеюсь, скоро у нас будут хорошие новости.

– Я бы тоже хотел так думать, но не могу не тревожиться, я не спал всю ночь. Чувствую себя беспомощным, и это меня ужасает.

– Честно говоря, профессор, я тоже мало спал в последние дни.

– Думаете, он в опасности?

– Меня заверили в обратном, призвали к терпению, но видеть его в таком состоянии очень тяжело. Диагноз поставлен, это оказалось несложно.

– Я хочу знать, не покушался ли кто-то на его жизнь. Для меня это принципиально важно. Когда вы возвращаетесь в Афины?

– Завтра вечером, самое позднее – послезавтра, если не успею закончить все дела в Академии.

– Сразу же мне позвоните и постарайтесь хоть немного отдохнуть.

– Вы тоже. До свидания. Надеюсь, до завтра.

Париж

Айвори избавился от сим-карты и пошел назад. Вакерс и человек за рулем вжались в сиденья и инстинктивно пригнули головы, хотя он вряд ли мог их заметить. Через несколько мгновений силуэт Айвори исчез за углом.

– Ну что, мы можем наконец ехать? – поинтересовался Лоренцо. – Я проторчал тут весь вечер и голоден как волк.

– Придется вам еще немного потерпеть.

Свет фар разорвал завесу темноты над набережной, и к тому месту, где только что стоял Айвори, подъехала машина. Водитель вышел, перегнулся через парапет, пытаясь разглядеть что-то на берегу, пожал плечами и вернулся к своему автомобилю. Взвизгнули шины, и незнакомец скрылся из виду.

– Как вы узнали? – спросил Лоренцо.

– Гнусное предчувствие. К сожалению, теперь, когда я разглядел номер, опасения подтвердились.

– Что в нем такого ужасного, в этом номере?

– Вы действительно не понимаете или пытаетесь развеселить меня? Номерной знак принадлежит английскому посольству. Мне продолжить объяснения или вы ухватили суть?

– Сэр Эштон установил слежку за Айвори?

– Думаю, на сегодняшний вечер с меня довольно. Будьте так любезны, отвезите меня в гостиницу.

– Довольно, Вакерс, я не ваш личный шофер. Вы попросили меня посидеть в засаде, сказали, что это крайне важно, я два часа мерз в машине, пока вы в тепле и уюте пили коньяк, но узнал одно: ваш друг по неизвестной причине выбросил в Сену плату мобильника, а машина консульской службы Ее Величества почему-то следит за ним. Так что либо возвращайтесь в отель пешком, либо объясните, что происходит.

– Учитывая тьму, в которой вы блуждаете, мой дорогой Рим, так и быть, попробую вас просветить! Раз Айвори не поленился выйти из дому в полночный час, чтобы сделать телефонный звонок, значит, он принимает меры предосторожности. Раз англичане караулят у его дома, следовательно, дело, занимавшее нас все последние месяцы, отнюдь не завершено, как нам хотелось бы думать. Вы следите за моей мыслью?

– Не считайте меня глупее, чем я есть, – бросил Лоренцо, поворачивая ключ в замке зажигания.

Машина выехала на мост Мари.

– Если Айвори так осторожничает, значит, он опережает меня на ход, – продолжил Вакерс. – А я-то полагал, что сегодня вечером выиграл партию. Воистину этот человек не перестает меня удивлять.

– Что вы собираетесь предпринять?

– Сейчас – ничего, и вы тоже не скажете ни слова о том, что узнали сегодня вечером. Еще не время. Если мы предупредим остальных, каждый начнет интриговать и возникнет взаимное недоверие, как в недавнем прошлом. Я знаю, что могу полагаться на Мадрид. А кстати, Рим, на чьей стороне окажетесь вы?

– В данный конкретный момент я нахожусь слева от вас. Это в какой-то мере отвечает на ваш вопрос?

– Необходимо как можно скорее найти астрофизика. Готов поспорить, он уже не в Греции.

– Вернитесь и задайте этот вопрос вашему другу. Если нажмете, он, возможно, сообщит вам полезную информацию.

– Думаю, Айвори известно не больше нашего. Он сегодня был очень невнимателен за игрой и вообще выглядел озабоченным – наверное, потерял след. Мы так давно знакомы, что я готов поручиться: мой старый друг что-то замышляет. Как поживают ваши китайские источники? Можете к ним обратиться?

– Зависит от того, что мы хотим узнать и сколько готовы за это заплатить.

– Постарайтесь выяснить, находится ли Эдриен на территории Китая, брал ли он напрокат машину и не расплачивался ли, на наше счастье, кредиткой за гостиницу или за что-нибудь еще.

Все было сказано, и Лоренцо за десять минут довез Вакерса по пустынному Парижу до гостиницы «Монталамбер».

– Постараюсь добиться от китайцев всего, что смогу, но потребую от вас ответной услуги, – пообещал он.

– Представьте результат, мой дорогой Рим, а уж потом выставляйте счет. До скорой встречи и спасибо за прогулку.

Вакерс вышел из «ситроена» и направился в гостиницу. Вместе с ключом от номера портье вручил ему конверт:

– Это для вас, мсье.

– Давно принесли? – удивился Вакерс.

– Несколько минут назад. Таксист.

Заинтригованный Вакерс пошел к лифтам, поднялся в апартаменты на пятом этаже и только тогда распечатал письмо.

Дорогой друг!

Боюсь, что не смогу, как это ни жаль, принять Ваше любезное приглашение посетить Амстердам. Поверьте, мне бы очень хотелось приехать и сыграть еще одну партию в шахматы, но, как Вы догадываетесь, некое дело вынуждает меня задержаться в Париже.

И все же я надеюсь увидеться с Вами в самом скором времени. Уверен, так и будет.

Преданный Вам

Айвори.

P. S. К вопросу о моей короткой ночной прогулке: Вы приучили меня к осторожности. Кто курил, сидя в том красивом черном «ситроене»? Или он был темно-синий? Зрение все чаще подводит меня…

Вакерс сложил листок и усмехнулся. Монотонность жизни прискучила ему. Он знал, что эта операция станет последней в его карьере, и ему нравилось, что Айвори нашел способ подбросить угля в топку и «раскочегарить машину». Вакерс сел за маленький письменный стол, снял трубку и набрал номер телефона в Мадриде. Он извинился перед Исабель за поздний звонок, объяснив, что дело приняло неожиданный оборот и ждать до утра было невозможно.

Мяньян, Китай

Я очнулся на рассвете. Старая китаянка, не отходившая от меня всю ночь, спала в большом кресле. Я откинул плед и сел. Женщина открыла глаза, взглянула на меня с ласковым участием и приложила палец к губам, прося не шуметь. Потом принесла стоявший на чугунной плите чайник. От ресторанного зала комнату отделяет перегородка. Члены семьи спят на разложенных на полу матрасах. Двое мужчин – на вид им лет по тридцать – лежат у единственного в комнате окна. Я узнаю того, кто подавал мне вчера еду, и его брата – он заправлял на кухне. Их младшая сестра – я бы дал ей лет двадцать – устроилась на диванчике рядом с угольной печкой. Муж моей гостеприимной хозяйки ночевал на столе, подсунув под голову подушку; он лежит под одеялом в толстом шерстяном свитере и брюках. Когда я потерял сознание, меня перенесли на диван-кровать, на котором обычно спят супруги. Каждый вечер они сдвигают несколько столов и превращают заднюю комнату в спальню. Мне ужасно неловко за вторжение в их частную жизнь, если в данном случае уместно говорить о таковой. Кто из моих лондонских соседей по кварталу уступил бы свою кровать незнакомому человеку, да к тому же иностранцу?

Женщина подает мне дымящийся чай. Объясняемся мы жестами.

Я беру чашку и выхожу в зал. Она задвигает за мной перегородку.

На набережной пусто, я подхожу к парапету и смотрю на реку, плавно несущую свои воды на запад. Над поверхностью клубится утренний туман. Маленькая джонка медленно скользит по воде. Сидящий на носу лодочник приветствует меня взмахом руки, и я машу в ответ.

Замерзнув, сую руки в карманы и нащупываю фотографию Кейры.

Почему именно в этот момент в голове всплывает воспоминание о нашем вечере в Небре? Та бурная ночь очень нас сблизила…

Сейчас я отправлюсь в путь. Не знаю, когда доберусь до монастыря и как туда проникну, да и какая мне разница, ведь это единственная ниточка, которая может привести к тебе… если ты еще жива.

Почему я чувствую такую слабость?

В нескольких шагах от меня на набережной стоит телефонная кабина. Мне хочется услышать голос Уолтера. У кабины китчевый вид в стиле семидесятых годов. Аппарат принимает кредитные карты. Я набираю номер и слышу короткие гудки: должно быть, отсюда нельзя дозвониться за границу. Делаю еще две безрезультатные попытки и выхожу из кабины.

Пора распрощаться с моими гостеприимными хозяевами, оплатить счет за вчерашний ужин и ехать дальше. Они отказываются от денег, я рассыпаюсь в благодарностях, и мы расстаемся.

К полудню я добираюсь до Чэнду. Город выглядит грязным, неспокойным, агрессивно-напористым, но среди четырех башен и крупных застроек сохранились обветшавшие домишки. Нужно попасть на автовокзал.

Выхожу на облюбованную туристами Цзиньли-стрит в надежде встретить соотечественников и справиться у них о дороге в Гартар.

Парк Наньцзяо чудо как хорош, по озеру вдоль поросших печальными ивами берегов мирно скользят приплывшие из другого века лодки.

Я замечаю молодую пару – судя по всему, это американцы. Оба студенты, приехали в Чэнду по университетскому обмену.

Обрадовавшись случаю поговорить на родном языке, они объясняют, что вокзал находится на другом конце города. Девушка достает из рюкзака блокнот, делает запись на китайском, с каллиграфической точностью изобразив иероглифы, и я прошу написать название монастыря Гартар.

Я поставил машину на открытую стоянку. Переоделся, как велел мой лама, засунул в рюкзак свитер и кое-что из мелочей, вышел и запер дверцу.

В такси показал водителю записку, и через полчаса он доставил меня на автовокзал Угуйцяо. Прочитав написанное американской студенткой название, кассир берет с меня двадцать юаней, выдает билет, указывает на автобус № 12 и машет рукой, призывая поторопиться.

Я последним влезаю в не слишком новый и не очень чистый автобус, нахожу место в хвосте и втискиваюсь между крупной костистой женщиной и бамбуковой клеткой с тремя большущими

утками. В конце пути бедняжек ждет печальная участь, но помочь им я, увы, не в силах.

Автобус проезжает по мосту через реку Фунань и, скрежеща коробкой передач, выруливает на скоростное шоссе.

В Яане делаем остановку, один пассажир выходит. Не знаю, сколько мы будем добираться до монастыря, но мне почему-то кажется, что мое путешествие продлится вечно. Я показываю соседке записку и киваю на свои часы. Она стучит ногтем по циферблату в районе шести часов. Итак, я буду на месте в конце дня и не знаю, где смогу заночевать.

Дорога петляет между горами. Если Гартар находится на большой высоте, значит, ночью сильно похолодает, так что нужно будет поскорее найти приют.

Окружающий пейзаж становится бесплодным и унылым, и меня все сильнее терзают сомнения. Зачем Кейра отправилась на край света? Она ищет древнее захоронение, иного объяснения у меня нет.

Через двадцать километров автобус останавливается перед деревянным, висящим на стальных тросах мостом. Он в плачевном состоянии. Водитель велит всем пассажирам выйти, чтобы облегчить машину и свести риск к минимуму. Я смотрю через стекло на глубокую лощину и мысленно хвалю нашего шофера за предусмотрительность.

Я сижу на заднем сиденье, так что выходить буду последним. Автобус опустел. Я поднимаюсь, откидываю носком ботинка бамбуковую задвижку на дверце клетки, по которой суматошно мечутся птицы. Путь к свободе лежит под правым рядом кресел. Три утки весело крякают, следуя за мной по пятам. Каждая следует своим маршрутом: одна семенит по центральному проходу, другая забирает вправо, третья – влево; нужно успеть выскочить до них, иначе меня обвинят в организации побега! А вообще, не важно – их хозяйка на мосту, идет, жмурясь от страха и крепко цепляясь за канатное ограждение.

Я проявляю ничуть не больше храбрости. Преодолев раскачивающееся препятствие, пассажиры криками и жестами помогают нашему храброму водителю преодолеть опасное препятствие. Доски угрожающе скрипят, веревки трещат, настил прогибается, но выдерживает, и пятнадцать минут спустя все занимают свои места. Кроме меня. Я воспользовался случаем и занял освободившееся во втором ряду кресло. Автобус трогается, две утки так и не отозвались на

призывы хозяйки, третья – увы! – появляется в центральном проходе и как полная дура кидается под ноги крестьянке.

Мы проезжаем Дашэнцунь, и я не могу не улыбнуться, глядя, как женщина ползает на четвереньках в поисках улетучившихся пернатых. Она сойдет в Догуне в дурном расположении духа – по вполне понятной причине.

Города и деревни неспешно сменяют друг друга на нашем пути; мы едем вдоль реки, автобус взбирается все выше и выше. Я еще нездоров, меня то и дело пробирает дрожь. Время от времени я задремываю под урчание мотора, потом резкий толчок вырывает меня из забытья.

Слева заснеженная вершина Хайлогоу касается острием облаков. Мы приближаемся к знаменитому перевалу Чжэдо, конечной точке путешествия, находящейся на высоте четырех тысяч трехсот метров. Кровь стучит в висках, снова разыгрывается мигрень. Я возвращаюсь мыслями к Атакаме. Интересно, как поживает мой друг Эруэн? Я давно не получал от него известий. Если бы несколько месяцев назад, в Чили, я не заболел, не нарушил предписанных нам правил безопасности и прислушался к советам друга, не сидел бы сейчас в этом автобусе, а Кейра не сгинула бы в мутных водах Хуанхэ.

Помню, как утешала меня на Гидре мама: «Потерять любимого человека – это страшно, но еще страшнее так никогда его и не встретить». Говоря это, мама думала о моем отце, но дело принимает совсем иной оборот, когда чувствуешь себя виновником смерти любимой женщины.

В тихих водах озера Чанхайцзы как в зеркале отражаются заснеженные вершины. На спуске к долине Синьдунцяо водитель прибавил скорость. До чего же все здесь не похоже на природу Атакамы, повсюду растут вязы и белые березы, в густой траве бродят стада яков. Мы спустились с высоты четыре тысячи метров, и моя мигрень поутихла. Внезапно автобус останавливается. Водитель оборачивается и делает мне знак – пора выходить. Каменистая тропа ведет от серпантина к горе Гунгашань. Водитель жестикулирует, призывая меня поторопиться: из двери задувает ледяной ветер.

Я вылезаю, бросаю рюкзак у ног и, стуча зубами от холода, смотрю вслед исчезающему за поворотом автобусу.

Я остался один посреди бескрайней равнины, где среди холмов гуляет злой ветер. Вечный пейзаж, в котором преобладают розовато-

желтые оттенки цвета… и никаких следов монастыря. Ночевать под открытым небом нельзя, замерзну насмерть. Нужно идти. Но куда? В каком направлении? Даже не представляю, но понимаю: спасение в движении, руки и ноги уже начинают неметь от холода.

В нелепой попытке убежать от ночи я мелкими перебежками двигаюсь от холма к холму, на закат.

Я замечаю вдалеке – о чудо! – черную юрту кочевников. По огромной равнине ко мне идет тибетская девочка. Ей, должно быть, года три-четыре, кроха с румяными, как яблоки, щечками и блестящими глазами. Она меня не знает, но не боится, и никто, кажется, не боится за нее, она вольна гулять где вздумается. Девочку смешит мой необычный вид, ее звонкий смех наполняет долину. Она распахивает объятия и бежит мне навстречу, останавливается в нескольких метрах от меня и уносится прочь, к своим. Из юрты выходит человек и направляется ко мне. Я протягиваю руку, он складывает ладони, кланяется и приглашает меня следовать за ним.

Черная юрта-шатер стоит на столбах. Внутри просторно, в каменном очаге трещит хворост, женщина готовит ароматное жаркое. Мужчина знаком предлагает мне сесть, разливает рисовую водку, мы чокаемся и пьем.

Я делю с кочевниками ужин. Тишину нарушает лишь заливистый смех девчушки с румяными, как яблоки, щечками. Потом она засыпает, прижавшись к матери.

На землю опускается ночь, и мы с хозяином выходим из юрты. Он устраивается на камне, скручивает сигарету и угощает меня. Мы смотрим на небо. Как же давно я этого не делал… Нахожу одно из красивейших созвездий восточнее Андромеды, хорошо видное только осенью. Указываю пальцем на звезды и называю их моему хозяину. «Персей», – громко и отчетливо произношу я, и он повторяет: «Персей» и смеется – так же заливисто, как дочь, и раскаты его смеха подобны вспышкам на небесном своде у нас над головами.

Я переночевал в их юрте, укрывшей меня от холода и ветров. На рассвете показываю гостеприимному хозяину заветный листок бумаги; он не реагирует, потому что не умеет читать; начинается новый день, и у него много работы впереди.

Мы собираем хворост, и я произношу слово «Гартар» на разный манер – вдруг да отреагирует. Результат нулевой, он невозмутим и

непроницаем.

Покончив с хворостом, мы идем за водой. Кочевник протягивает мне бурдюк, вешает на плечо другой. Показывает, как удобней его пристроить, и мы выходим на ведущую к югу тропу. Дорога занимает два часа. С вершины холма видна текущая меж высоких трав река. Когда я добираюсь до берега, мой спутник уже плавает. Я снимаю рубаху и прыгаю в ледяную воду: должно быть, река берет начало из горного ледника.

Кочевник удерживает свой бурдюк под водой, пока тот не наполняется доверху, я следую его примеру, потом с натугой выволакиваю эту тяжесть на берег.

Кочевник насухо вытирается пучками травы, одевается и садится отдохнуть. «Персей», – говорит он, указывая пальцем на небо, потом кивает на излучину реки в нескольких сотнях метров ниже по течению, где купаются два десятка человек, другие – их около сорока – обрабатывают землю лемехами, прокладывая длинные борозды. На всех одинаковая одежда, которую я сразу узнаю.

– Гартар! – шепотом произносит мой спутник.

Я благодарю и срываюсь с места, но кочевник хватает меня за руку. Он хмурится, знаком дает понять, что идти туда нельзя, и тянет за собой в обратный путь. На его лице ясно читается страх, и я подчиняюсь. Дойдя до вершины, оборачиваюсь и смотрю на монахов. Те, кто плавал в реке, уже оделись и взялись за работу: борозды на вспаханном поле напоминают зубцы гигантской электрокардиограммы. Мы спускаемся вниз. При первой же возможности я оставлю моего кочевника и вернусь в эту долину.

Мои хозяева очень гостеприимны, но традиция велит, чтобы я заработал свою порцию еды.

Женщина вышла из юрты и, что-то вполголоса напевая, повела меня к пасущемуся на поле стаду яков. Я не обращал внимания на ведерко в ее руке, пока она не присела рядом с одним из этих странных четвероногих и не начала его доить. Несколько мгновений спустя она уступила мне место, сочтя, что урок был достаточно наглядным. Напоследок она выразительно взглянула на ведерко, ясно дав понять, что вернуться я смогу, когда наполню его до краев.

Простейшая, с точки зрения кочевницы, работа никак мне не дается. Не знаю, что тому виной – моя неопытность или мерзкий характер проклятой коровы-забияки, решившей во что бы то ни стало

помешать мне ухватить ее за вымя, – но как только я протягиваю руку, она переступает вперед или назад… Я прибегаю ко всем уловкам: пытаюсь ее обольстить, умоляю, сурово отчитываю, осыпаю бранью – но все напрасно.

Той, что приходит мне на помощь, года четыре, не больше. Унизительно, но деваться некуда.

Девчушка с круглыми, румяными, как яблочки, щечками появляется на поле совершенно неожиданно. Думаю, она долго сидела в засаде, наслаждаясь уморительным зрелищем, но потом не выдержала и расхохоталась, выдав свое присутствие. В качестве извинения за насмешку она слегка отталкивает меня плечиком, ловит строптивицу за сосок и весело смеется, глядя, как тугая молочная струя бьет в дно ведерка. Вот, значит, как все просто… Я должен принять вызов малышки, подталкивающей меня к теплому мохнатому боку. Я присаживаюсь на корточки и под ее аплодисменты выдавливаю из соска несколько капель молока. Девочка укладывается на траву и наблюдает за мной. Она совсем мала, но в ее присутствии мне как-то спокойней. В этом послеполуденном часе есть нечто утешительное и радостное. Чуть позже мы вместе направляемся к стойбищу.

Рядом с юртой, где я ночевал, появились еще люди, и три семьи объединились вокруг большого очага. Мы встречаем мужчин, и мой хозяин знаком показывает, что они должны собрать стадо, а меня ждут женщины. Я слегка раздосадован, что меня отстранили от мужской работы.

День подходит к концу, солнце клонится к закату, через час стемнеет. Я думаю лишь о том, как ускользнуть от гостеприимных кочевников, добраться до реки и проследить за монахами. Но тут возвращается мой хозяин, обнимает жену, подхватывает на руки дочку и уходит в юрту. Я устроился в сторонке и смотрю вдаль, на линию горизонта. Он садится рядом, предлагает мне сигарету. Я благодарю и отказываюсь. Он закуривает и, не говоря ни слова, устремляет взгляд на вершину холма. Не могу объяснить, почему я вдруг ощущаю непреодолимое желание показать ему тебя. Наверное, все дело в нестерпимой тоске по тебе, что поселилась в моем сердце; хороший предлог, чтобы еще раз взглянуть на фотографию. Она – самое ценное, что у меня есть, и я хочу, чтобы приютивший меня чужой человек тоже ее увидел.

Я достаю снимок из кармана и протягиваю ему. Он улыбается, возвращает мне фотографию, делает последнюю затяжку, тушит окурок пальцами и уходит.

Поздно вечером три семьи собираются вместе, и мы едим тушеное мясо. Девочка садится рядом со мной, и родители не возражают. Мать гладит малышку по волосам и называет мне ее имя – Ритар. Позже я узна́ю, что так называют младенца, чтобы отвести беду, если старший ребенок умер. Может, смех Ритар звучит так радостно, чтобы ее мать и отец все время помнили, что в семью вернулось счастье? Ритар уснула на коленях у матери, она спит очень крепко, но даже во сне улыбается.

После ужина мужчины надевают широкие шаровары, а женщины расшнуровывают рукава длинных рубах, и те крыльями трепещут на ветру. Все берутся за руки, образуя круг, мужчины с одной стороны, женщины с другой. Все поют, женщины машут рукавами, а когда песня кончается, танцоры дружно издают громкий крик. Круг начинает двигаться в противоположном направлении, ритм все ускоряется и ускоряется. Люди бегут, подпрыгивают, кричат и поют до полного изнеможения. Я очарован этим веселым представлением и опьянен рисовой водкой и тибетским танцем.

Кто-то трясет меня за плечо, я открываю глаза и узнаю в темноте лицо моего кочевника. Он знаком зовет меня за собой из юрты. Огромная долина окутана пепельно-серым светом отлетающей ночи. Гостеприимный хозяин упаковал мои вещи и несет баул на плече. Понятия не имею, что задумал этот человек, но думаю, он ведет меня туда, где наши пути разойдутся. Мы возвращаемся на тропу, по которой ходили накануне. Он молчит. Час спустя, добравшись до вершины самого высокого холма, мой поводырь забирает вправо. Мы пересекаем небольшой лесок; возникает ощущение, будто кочевнику знаком каждый вид, каждая лощина, все спуски и откосы. Мы выходим на опушку. День еще не вступил в свои права. Кочевник растягивается на земле, кивком велит мне лечь рядом и присыпает меня увядшей листвой и перегноем, показывая, как замаскироваться. Мы замираем, как охотники в засаде, вот только я не знаю, кого мы караулим. Может, это охота? Но у нас нет оружия. Или он решил проверить ловушки?

Я так и не пришел ни к какому выводу, но час спустя понял, зачем мы сюда пришли.

Предрассветный туман наконец рассеялся, и на фоне занимающейся зари стала видна стена, окружающая огромный, больше похожий на крепость монастырь.

– Гартар, – шепчет мой спутник, произнося это слово второй раз за время нашего недолгого знакомства.

Однажды ночью я назвал ему имя звезды, висевшей в небе над долиной, и вот теперь, на рассвете, тибетский кочевник сделал мне ответный подарок, сообщив имя места, которое я жаждал отыскать сильнее, чем любую звезду в необъятном космосе.

Мой спутник, судя по всему, очень боится: нас ни в коем случае не должны заметить. Мне это кажется странным – до храма больше сотни метров, но постепенно глаза привыкают к полумгле, и я вижу на верху стены дозорных монахов в просторных одеяниях.

Чего они опасаются? Что в этом отдаленном уголке высадится китайский десант? Я им точно не враг. Будь моя воля, вскочил бы на ноги и помчался к ним во всю прыть, но кочевник удерживает меня, схватив за руку.

Ворота распахиваются, пропуская колонну монахов в рабочей одежде. Они сворачивают на восточную дорогу, которая ведет к монастырским садам. Тяжелые створки медленно закрываются.

Кочевник вскакивает и отступает в лес. Укрывшись за стволом огромного вяза, он отдает мне мою поклажу, и я понимаю, что настал момент прощания. Я сжимаю его руки в своих, он улыбается, смотрит мне в глаза, отворачивается и уходит.

Нигде, ни в одном самом отдаленном уголке планеты я не был так одинок, как в Чэнду, когда шел по горам и долам, убегая от ночи и холода. Иногда дружба рождается из взгляда, жеста, прикосновения, преодолевающего различия и превозмогающего страхи. Достаточно бывает протянуть человеку руку, и в памяти навечно запечатлевается его лицо. Пусть в последние мгновения жизни мне привидятся лица тибетского кочевника и девчушки со щечками, румяными, как красные яблочки.

Я выхожу на опушку и, держась на расстоянии, следую за монахами, направляющимися в глубь ложбины. Позицию выбрал удачно и могу сосчитать тех, за кем наблюдаю: их человек шестьдесят, не меньше. Как и накануне, они начали с купания и лишь потом принялись за работу.

Солнце стоит высоко в небе, а я вдруг замерзаю, испарина покрывает все тело. Меня бьет дрожь, я хватаю мешок, достаю вяленое мясо – подарок моего кочевника, съедаю половину, оставив вторую на вечер. Как только монахи уйдут, можно будет напиться у реки, а пока придется терпеть жажду: мясо было очень соленое.

Почему во время этого путешествия я так остро ощущаю холод, голод, жару и усталость? Видимо, все дело в разреженном воздухе гор. Остаток дня я провожу в размышлениях о том, как попасть в монастырь. В голову приходят самые что ни на есть безумные идеи. Неужели я схожу с ума?

В шесть вечера монахи останавливают работу и отправляются в обратный путь. Как только спина последнего исчезает за гребнем холма, я бегу через поля к реке, прыгаю в воду и жадно пью.

Напившись, выбираюсь на берег. Где я буду сегодня спать? Ночевка в роще не лучший вариант. Вернуться в долину, к моим друзьям-кочевникам, означало бы признать поражение и, что еще хуже, злоупотребить их щедростью. Они дважды кормили меня сытным ужином, а это для них немалый расход.

Я замечаю расселину на склоне холма и решаю устроиться там на ночлег. Натяну на себя всю одежду, зароюсь в землю и, даст бог, доживу до утра. В ожидании ночи приканчиваю вяленое мясо, карауля первую звезду. Я жду ее, как любимую женщину, что придет и прогонит тоску-печаль.

Ночь окутывает землю. Я вздрагиваю и наконец засыпаю.

Как долго я спал? Что меня разбудило? Какой-то шорох, звук, прикосновение. Нечто приближается. Необходимо совладать со страхом, чтобы не стать добычей вышедшего на охоту хищника; я не помчусь в темноте по полю, петляя, как заяц, в норе шансов уцелеть больше. Все правильно, но когда сердце вот-вот разорвется от страха, трудно вести себя разумно. Что за хищник подкарауливает тут добычу? Что я сам делаю в этой земляной норе, в тысячах километров от родного Лондона? Голова грязная, пальцы заледенели, из носа течет, я затерялся на просторах чужой страны, гонюсь за призраком женщины, в которую безумно влюблен, хотя еще полгода назад она ничего для меня не значила… Хочу вернуться к Эруэну, на плато Атакама, снова увидеть свой дом и улицы Лондона, не хочу, чтобы меня сожрал голодный волк. Не шевелиться, не дрожать, не дышать, закрыть глаза, чтобы не блеснули в лунном свете. Правильно, но трудновыполнимо,

когда ужас вползает за шиворот и вы дрожите как осиновый лист. Мне кажется, я снова стал двенадцатилетним, беззащитным, беспомощным. По склону холма движется огонек. Может, это факел в руке грабителя, позарившегося на мой жалкий скарб? Тем лучше, я буду защищаться.

Нужно выбраться из ямы и встретиться с опасностью лицом к лицу. Я проделал весь этот долгий путь не для того, чтобы стать жертвой грабителя или ужином голодного хищника.

Я открыл глаза.

Огонек плывет по воздуху к реке. Человек с факелом прекрасно знает дорогу, он идет твердым, уверенным шагом, не боясь оступиться, втыкает факел в рыхлую землю, и на склоне отражаются две тени, одна совсем тоненькая, но обе изящные, словно на берег пришли подростки. Один замирает на месте, другой снимает одеяние и входит в холодную воду. Страх в моей душе уступает место надежде. Возможно, эти монахи, нарушившие правила ради ночного купания, помогут мне проникнуть за крепостные стены. Я ползу в траве, пробираясь поближе к реке, и внезапно у меня перехватывает дыхание.

Это изящное тело знакомо мне до боли. Стройные ноги, округлые ягодицы, изгиб спины, живот, плечи, затылок, гордая посадка головы.

Это ты купаешься обнаженной в реке, подобной той, что едва тебя не убила. Твое тело в лунном свете похоже на призрак. Я узнал бы тебя среди тысячи других женщин. Ты здесь, всего в нескольких метрах от меня, но как приблизиться к тебе, не напугав своим жутким видом, иначе ты закричишь и поднимется тревога. Ты зашла в реку по пояс, зачерпываешь ладонями воду, и струйки медленно льются на лицо.

Я наклоняюсь, чтобы смыть грязь, благо сопровождающий тебя монах стоит довольно далеко и спиной к реке, чтобы невзначай не увидеть твоей наготы. Сердце бешено колотится, зрение мутится, я подбираюсь еще ближе. Ты выходишь из воды прямо на меня. Мы встречаемся взглядом, ты замедляешь шаг, склоняешь голову набок, смотришь мне в глаза и… проходишь мимо, словно меня тут нет.

Взгляд у тебя совершенно отсутствующий, нет – еще хуже! Ты никогда *так* на меня не смотрела. Ты оделась – молча, как немая, и вернулась к своему спутнику. Он взял факел, и вы начали подниматься по склону. Я бесшумно следовал за вами, стараясь оставаться невидимкой, один раз скатившийся из-под ноги камень насторожил монаха, он обернулся, но, к счастью, не заметил меня, и вы продолжили свой путь. Добравшись до монастыря, вы пошли вдоль стены, миновали

ворота и спустились в ров. Пламя затрепетало на ветру и вдруг погасло. Я ждал сколько мог, цепенея от холода, потом кинулся к тому месту, где вы исчезли, надеясь увидеть проход, но натолкнулся на низкую деревянную дверь, запертую на замок. Я присел на корточки, чтобы отдышаться и отдохнуть, а потом как раненый зверь уполз в свою нору на опушке рощи.

Позже, той же ночью. Ощущение удушья вырывает меня из тяжелого, тупого забытья. Ноги и руки затекли. Стало очень холодно. Не могу развязать узел на мешке, чтобы достать свитер. Все движения замедленны. Вспоминаю истории об альпинистах, насмерть убаюканных горой. Мы на высоте четырех тысяч метров, как я мог быть так беспечен и решить, что переживу ночь в горах? Я сдохну в этой рощице среди вязов и лещин, в нескольких десятках метров от тебя, но, увы, по другую сторону стены. Говорят, в момент смерти перед человеком открывается темный туннель, в конце которого сияет свет. Ничего подобного я не вижу, единственной вспышкой света стало для меня зрелище твоего обнаженного тела в плещущейся воде.

В последнем проблеске сознания я чувствую, как чьи-то руки хватают меня, тянут наверх, тащат. Нет сил выпрямиться, поднять голову, чтобы взглянуть на тех, кто меня уводит. Меня под руки ведут на тропинку, и я то и дело теряю сознание. Последнее, что я помню: монастырская стена и открывающиеся перед нами высокие ворота. Возможно, ты умерла и мы сейчас воссоединимся. Наконец-то.

Афины

– Не будь вы так встревожены, не стали бы рисковать, приходя сюда. И не говорите, что пригласили меня поужинать из нежелания проводить вечер в одиночестве. Уверен, обслуживание номеров в «Короле Георге» не идет ни в какое сравнение с этим китайским рестораном. Учитывая обстоятельства, столик вы выбрали необдуманно.

Айвори молча посмотрел на Уолтера, подцепил дольку маринованного имбиря и предложил угощение собеседнику.

– Дурной пример заразителен – мне, как и вам, стало казаться, что время тянется слишком медленно. Беспомощность совершенно выбивает из колеи.

– Можете с уверенностью сказать, стоит за этим Эштон или нет? – спросил Уолтер.

– Я ни в чем не уверен. Трудно представить, что он зашел так далеко. Думаю, он удовлетворился исчезновением Кейры, но потом узнал о путешествии Эдриена и нанес упреждающий удар. Чудо, что не преуспел.

– Едва не преуспел, – проворчал Уолтер. – Полагаете, Эштону о Кейре сообщил лама? Но зачем ему было так поступать? Он прислал Эдриену вещи Кейры – значит, хотел помочь?

– Мы не знаем наверняка, что «подарок» отправил именно лама. Кто-то из его окружения вполне мог стянуть камеру, снять нашу подругу-археолога, когда она купалась в реке, а потом вернул фотоаппарат на место, и никто ничего не заметил.

– Кто этот таинственный отправитель и зачем ему так рисковать?

– Один из монахов общины мог стать свидетелем купания и не захотел, чтобы были попраны принципы, которым он поклялся хранить верность.

– Что за принципы?

– Во-первых и в-главных – никогда не лгать. Возможно, наш лама, принужденный хранить секрет, побудил одного из учеников сыграть роль вестника.

– Тут я перестаю вас понимать.

– Вы должны научиться играть в шахматы, Уолтер. Для победы нужно думать не на ход вперед, а на три, четыре хода, упреждение – залог победы. Но вернемся к нашему ламе. Возможно, он разрывается между двумя заповедями, которые при определенных обстоятельствах начинают противоречить друг другу. Не лгать и не делать ничего такого, что могло бы подвергнуть опасности человеческую жизнь. Предположим, слух о гибели Кейры был распущен и поддерживается ради ее собственной безопасности, что ставит нашего мудреца в затруднительное положение. Сказав правду, он подвергнет опасности жизнь человека и нарушит святая святых своей религии. Солгав, то есть позволив считать ее мертвой, когда она жива, он нарушит другой завет. Досадно, не правда ли? В шахматах такую ситуацию называют патовой. Мой друг Вакерс терпеть этого не может.

– Как у ваших родителей родился ребенок с таким извращенным умом? – поинтересовался Уолтер и взял с тарелочки ломтик имбиря.

– Боюсь, они тут ни при чем. Был бы рад считать это наследственной чертой, но я не знал ни отца, ни матери. Если не возражаете, рассказ о моем детстве отложим до другого раза, речь сейчас не обо мне.

– Итак, вы считаете, что перед лицом возникшей дилеммы наш лама побудил одного из учеников обнародовать истину, а сам хранил молчание, чтобы сберечь жизнь Кейре?

– Нас в этой головоломке интересует не лама. Надеюсь, это от вас не ускользнуло?

Уолтер скривился, из чего следовало, что ход рассуждений Айвори остался для него тайной за семью печатями.

– Вы безнадежны, старина, – усмехнулся старый профессор.

– Может, и так, но именно я заметил, что снимок намеренно положили *поверх* вещей, я сравнил его с другими фотографиями, и именно я сделал из этого выводы, которые мы сегодня обсуждаем.

– Не спорю, но, как вы сами сказали, она лежала на самом видном месте!

– Лучше бы я промолчал, как ваш лама! Мы бы сейчас не ждали новостей об Эдриене, и нам бы не пришлось молить Бога, чтобы он сохранил ему жизнь.

– Рискуя повториться, скажу: фотография лежала сверху! Трудно поверить в простое совпадение, это, вне всяких сомнений, было послание. Остается выяснить, узнал ли о нем Эштон.

– А вы не думаете, что мы выдаем желаемое за действительное и узрели бы знак свыше даже в кофейной гуще?! Вы вполне способны «воскресить» Кейру, чтобы Эдриен продолжал работать на вас…

– Умоляю, обойдемся без грубостей! Вы бы предпочли, чтобы он губил свой талант, влача жалкое существование в Англии? – Айвори повысил голос: – Считаете меня жестокой сволочью, думаете, я послал бы его искать подругу, если бы не верил – совершенно искренне! – что она жива? Я не чудовище!

– Ничего подобного я в виду не имел, – возмутился Уолтер.

Их короткая стычка привлекла внимание людей за соседним столиком. Уолтер продолжил, сбавив тон:

– Вы сказали, что нас интересует не лама. Тогда кто же?

– Тот, кто подверг жизнь Эдриена опасности, тот, кто боялся, что он найдет Кейру, тот, кто в этом случае был бы готов на все. Ничего не приходит на ум?

– Не говорите со мной таким надменным тоном, я не ваш подчиненный.

– Привести в порядок кровлю Академии стоит целое состояние. Полагаю, щедрый благодетель, чудесным образом пополнивший бюджет сего уважаемого учреждения и оставивший ваше начальство в счастливом неведении относительно ваших более чем скромных успехов в управлении делами Академии, заслуживает толики уважения?

– Ладно, я понял. Итак, вы обвиняете сэра Эштона!

– Знает ли он, что Кейра жива? Возможно. Решил ли действовать с осторожностью? Вероятно. Должен вам признаться: если бы я подумал об этом раньше, то не стал бы подвергать Эдриена такой опасности. Теперь я волнуюсь за него больше, чем за Кейру.

Айвори оплатил счет и вышел из-за стола. Уолтер забрал из гардероба пальто и догнал его на улице:

– Держите, вы забыли плащ.

– Увидимся завтра, – бросил Айвори и остановил проезжавшее мимо такси.

– Благоразумно ли это?

– Предпочитаю забыть о благоразумии. Я чувствую себя ответственным и должен его увидеть. Когда мы получим очередные результаты анализов?

– Как всегда, утром. Худшее, похоже, миновало, но рецидив возможен.

– Позвоните мне в гостиницу, как только что-нибудь узнаете, но не с мобильного, а из кабины.

– Думаете, меня прослушивают?

– Понятия не имею, дорогой Уолтер. Прощайте.

Айвори сел в такси. Уолтер решил вернуться пешком. Осенний афинский вечер был теплым, по городу гулял легкий ветерок. Свежий воздух поможет ему собраться с мыслями.

Вернувшись в гостиницу, Айвори попросил портье, чтобы ему в номер принесли шахматы из бара, в этот поздний час они вряд ли понадобятся кому-нибудь еще.

Час спустя Айвори оставил недоигранную с самим собой партию и отправился спать. Лежа в постели, он перебирал в голове контакты, которые завел в Китае за долгую жизнь. Список был длинным, но – увы! – все, кого он вспомнил, были мертвы. Старику стало жарко, он зажег свет, откинул одеяло, надел тапочки и взглянул на свое отражение в зеркале платяного шкафа.

«Боже, Вакерс, ну почему я не могу рассчитывать на вас, когда мне это жизненно необходимо? Да потому, что ты ни на кого не можешь рассчитывать, старый дурак, ведь ты никому не способен доверять! Видишь, до чего довела тебя спесь? Остался один, но все еще претендуешь играть первую скрипку».

Он принялся ходить по комнате.

«Если это отравление, вы дорого, очень дорого заплатите, Эштон».

Айвори в бешенстве смахнул фигуры с доски.

Второй раз за вечер он вышел из себя, и это заставило его задуматься. Он взглянул на ковер: черный слон лежал рядом с белым. В час ночи Айвори наконец решился нарушить собственное правило, снял трубку, позвонил в Амстердам и задал Вакерсу более чем странный вопрос: может ли яд вызвать симптомы острой пневмонии?

Вакерс не знал, но пообещал навести справки, как только сможет. По дружбе или из чувства такта он не попросил у Айвори объяснений.

Монастырь Гартар

Два человека поддерживают меня, третий энергично растирает грудь. Я сижу на стуле, поставив ноги в таз с горячей водой, и прихожу в себя. Меня раздели, сняли грязную, промокшую одежду и надели что-то вроде саронга. Зубы все еще стучат, но я почти отогрелся. В комнату входит монах и ставит на пол две пиалы – с бульоном и рисом. Когда он подносит чашку к моим губам, я осознаю, как ослаб. Поев, вытягиваюсь на циновке и погружаюсь в сон.

Рано утром другой монах выводит меня из комнаты на галерею под аркадами, через каждые десять метров здесь расположены большие классы, где проходит обучение послушников. Похоже на какой-нибудь религиозный колледж в старой доброй Англии; миновав еще одно крыло гигантского четырехугольника, мы входим в пустую, без мебели, комнату.

Я на несколько часов остаюсь один. Окно выходит во внутренний двор монастыря. Выглядываю и вижу странное представление: звучит полдневный удар гонга, и примерно сотня монахов колоннами выходят из дверей, усаживаются на землю на равных расстояниях друг от друга и замирают. Не могу удержаться и воображаю, что одна из фигурок в монастырском одеянии – моя Кейра. Если воспоминания о пережитом прошлой ночью реальны, она должна скрываться где-то в этом храме – возможно, в этом дворе, среди собравшихся на молитву тибетских монахов. Зачем ее здесь держат? Я думаю лишь о том, как забрать ее и увезти подальше.

На полу возникает полоска света, я оборачиваюсь: на пороге монах и послушник. Я не верю своим глазам.

У тебя на лбу длинный шрам, нисколько тебя не уродующий. Я хочу обнять тебя, но ты делаешь шаг назад. Твои волосы коротко острижены, лицо ужасно бледное. Смотреть на тебя, не имея возможности прикоснуться, – худшее из наказаний, ощущать твою близость и не сметь прижать к груди, сжать в объятиях – невыносимо жестокая пытка. Ты смотришь, не отводя взгляда, но не позволяешь приблизиться, словно время объятий миновало, твоя жизнь пошла иным путем и мне в ней нет места. Твои слова ранят еще сильнее, чем отстраненность.

– Ты должен уйти отсюда, – бесцветным голосом шепчешь ты.

– Я пришел забрать тебя.

– Я ни о чем тебя не просила, ты должен уйти и оставить меня в покое.

– А твои раскопки, а остальные фрагменты… можешь отречься от нас, но не от своего дела!

– Это теперь не важно, сюда меня привел мой кулон, здесь я нашла куда больше, чем искала во внешнем мире.

– Я тебе не верю; твоя жизнь не здесь, не в этом монастыре на краю света.

– Вопрос перспективы, земля круглая, тебе это известно лучше, чем кому бы то ни было другому. Что до моей жизни – я едва не лишилась ее по твоей вине. Мы не понимали, что делаем. Второго шанса не будет. Уходи, Эдриен!

– Не раньше, чем сдержу данное слово. Я поклялся отвезти тебя в долину Омо.

– Я не хочу! Возвращайся в Лондон или куда хочешь, только подальше отсюда.

Ты накинула капюшон, опустила голову и медленно пошла прочь, но на пороге оглянулась и сказала с отстраненным видом, кивнув на рюкзак:

– Твои вещи выстирали. Можешь здесь переночевать, но завтра утром ты должен уехать.

– А Гарри? Ты и от него отрекаешься?

По твоей щеке скатилась слеза, и я понял безмолвный призыв.

– Та маленькая дверь, выходящая в ров, – спросил я, – через которую ты выходишь ночью к реке, где она находится?

– В подземелье, прямо под нами, но не ходи туда, умоляю.

– Когда ее отпирают?

– В 23.00, – отвечаешь ты и уходишь.

Остаток дня я провел взаперти в этой комнате, где снова обрел тебя, чтобы тут же потерять. Остаток дня я кружил по ней как помешанный.

Вечером за мной явился монах. Он повел меня во двор: послушники завершили последнюю молитву, и мне позволили подышать воздухом. На улице свежо, и я понимаю, что ледяная ночь будет верным стражем тюрьмы. Я по опыту знаю, что пересечь долину

ночью и не замерзнуть невозможно, но, каким бы ни был риск, решение необходимо найти.

Я пользуюсь возможностью оглядеться. Помещения монастыря расположены на двух этажах, вернее, на трех, если считать упомянутое Кейрой подземелье. Во внутренний двор выходят двадцать пять окон. Высокие аркады обрамляют нижний этаж. На каждом углу – крутая каменная лестница. Я считаю шаги. Добраться до одной из лестниц от двери моей камеры можно за пять-шесть минут, если никто не встанет на пути.

Съев ужин, я ложусь на циновку и притворяюсь спящим. Мой охранник почти сразу начинает громко храпеть. Дверь не заперта, никому не придет в голову покинуть это место ночью.

Галерея пуста. Монахи, несущие стражу на крыше, увидеть меня в темноте не могут. Я крадусь вдоль стен.

На часах 22.50. Если Кейра назначила мне встречу, если я правильно истолковал ее послание, у меня есть десять минут, чтобы пробраться в подземелье и найти дверцу, которую видел накануне, когда прятался в лесу.

22.55, я у лестницы. Путь к ней преграждает дверь, закрытая на тяжелый крюк. Нужно бесшумно его откинуть – рядом, в комнате, спят два десятка монахов. Дверь скрипит на петлях, я слегка приоткрываю ее и протискиваюсь в щель.

На ощупь спускаюсь в темноте по стертым, скользким каменным ступеням, с трудом удерживая равновесие и не имея ни малейшего понятия о том, какое расстояние отделяет меня от монастырских подземелий.

Светящиеся стрелки часов приближаются к одиннадцати. Наконец я чувствую под ногами мягкую землю; в нескольких метрах от меня на стене горит большой факел, освещая проход. Чуть дальше я замечаю следующий и начинаю пробираться вперед. Внезапно за спиной раздается шорох, я резко оборачиваюсь и замечаю у себя над головой выводок летучих мышей. Они то и дело задевают меня крыльями, их тени трепещут на стенах. Нужно торопиться, уже пять минут двенадцатого, я опаздываю, но все еще не нашел дверь. Неужели выбрал неправильное направление?

«Второго шанса не будет», – сказала Кейра. Нет, я не мог ошибиться, только не сейчас.

Меня хватают за плечо и тянут за собой. Укрывшись в нише, Кейра обнимает меня, крепко прижимает к себе.

– Боже, как мне тебя не хватало, – шепчешь ты.

Я молча обхватываю твое лицо ладонями, и мы целуемся. У этого долгого поцелуя вкус земли и пыли, соли и пота. Ты кладешь голову мне на грудь, я глажу тебя по волосам, и ты плачешь.

– Ты должен уйти, Эдриен, должен, должен, мы оба в опасности. Меня должны считать мертвой, иначе твоя жизнь будет под угрозой; если о твоем присутствии здесь и нашей встрече узнают, они тебя убьют.

– Монахи?

– Нет, – всхлипываешь ты, – они наши союзники, они спасли меня, выловили из Хуанхэ, выходили и прячут. Я говорю о тех, кто хотел нас убить, Эдриен, они не отступятся. Не знаю, что мы им сделали и за что нас преследуют, но они пойдут на все, лишь бы не дать нам продолжить поиски. Если им станет известно, что мы снова вместе, они обязательно найдут нас. Тот лама, которого мы встретили, помнишь, он еще смеялся, узнав о наших поисках белой пирамиды, именно он вытащил нас из беды… и я дала ему обещание.

Афины

В дверь позвонили, и Айвори вздрогнул от неожиданности. Коридорный вручил ему срочный телекс, пояснив, что кто-то позвонил портье и попросил немедленно передать это послание. Айвори вскрыл конверт только после ухода молодого человека.

РИМ просил как можно скорее связаться с ним по защищенной линии.

Айвори торопливо оделся, вышел на улицу и купил в киоске телефонную карту, чтобы поговорить с Лоренцо из кабины на другой стороне улицы.

– У меня странные новости.

Айвори обратился в слух.

– Мои друзья в Китае отыскали след вашей археологини.

– Она жива?

– Да, но вряд ли сможет вернуться в Европу.

– Но почему?

– Вам это не понравится: ее арестовали, судили, осудили и посадили.

– Полный абсурд! За что?

Лоренцо, он же Рим, сообщил Айвори недостающие детали головоломки. Монахи с горы Хуашань находились на берегу Хуанхэ, когда джип Эдриена и Кейры упал в реку. Трое из них нырнули в бурные воды, чтобы спасти пассажиров потерпевшего аварию автомобиля. Эдриена вытащили первым, и проезжавший мимо грузовик с рабочими доставил его в больницу. Насчет дальнейшего Айвори был в курсе, поскольку сам летал в Китай и занимался отправкой Эдриена на родину. С Кейрой получилось иначе. Монахам только с третьей попытки удалось вытащить ее из машины, и грузовик уже уехал. Она была без сознания, и ее отнесли в монастырь. Ламе сразу донесли, что покушение заказала местная триада, могущественная преступная организация со связями аж в самом Пекине. Он спрятал Кейру, а несколько дней спустя в обитель заявились какие-то люди и устроили ему допрос с пристрастием. Он поклялся, что его ученики действительно пытались помочь тонувшим европейцам, но женщина погибла. Трех спасителей Кейры тоже трясли, но ни один не

проговорился. Кейра десять дней была в коме, инфекция замедлила выздоровление, но монахам удалось победить болезнь.

Когда она поправилась и была готова к путешествию, лама отправил ее в другое место, переодев для безопасности в монашеское одеяние.

– И что произошло дальше? – спросил Айвори.

– Вы не поверите, – хмыкнул Лоренцо. – План настоятеля осуществился не вполне.

Они говорили еще десять минут, пока у Айвори не кончилась карта. Повесив трубку, он поспешил назад в гостиницу, собрал вещи и уже из такси позвонил Уолтеру – сообщил, что едет к нему.

Полчаса спустя Айвори оказался у стоявшего на афинском холме высокого здания, поднялся на лифте на четвертый этаж, торопливо прошел по коридору к номеру 307, постучал и вошел. Уолтер с изумленным видом выслушал его рассказ.

– Ну вот, мой дорогой, теперь вам известно все или почти все.

– Полтора года? Ужасно! Как вы собираетесь ее освобождать?

– Не имею ни малейшего понятия. Но не будем забывать о положительной стороне дела: теперь нам доподлинно известно, что она жива.

– Не знаю, как Эдриен воспримет такое известие, боюсь, это его добьет.

– А я рад уже тому, что он сможет узнать эту новость, – со вздохом произнес Айвори. – Как его дела?

– Врачи настроены оптимистично, говорят, его можно будет навестить – если не сегодня, то завтра уж точно.

– Будем уповать на лучшее. Я сегодня возвращаюсь в Париж, нужно придумать способ вытащить Кейру. А вы позаботьтесь об Эдриене: если вас к нему пустят, держите язык за зубами… пока.

– Я не могу скрывать от него новости о Кейре, иначе он меня придушит.

– Об этом я не подумал. Во всяком случае, не делитесь с Эдриеном нашими опасениями, не сейчас, у меня есть на то свои причины. Прощайте, Уолтер, я с вами свяжусь.

Гартар

– Что за обещание ты дала ламе?

Ты удрученно смотришь на меня и пожимаешь плечами. Говоришь, что покушавшиеся на нас люди возобновят охоту и за пределами Европы, если узнают, что ты выжила. Если не сумеют достать тебя, займутся мной. В обмен на все оказанные услуги лама попросил отдать ему два года твоей жизни. Два года отшельничества, которые ты сможешь провести в размышлениях о том, как жить дальше. «Второго шанса не будет, – сказал он тебе. – Два года на подведение промежуточных итогов чудом спасенной жизни – недурная сделка». Когда все успокоится, лама найдет способ переправить тебя за границу.

– Два года за спасение наших жизней – таково было условие, и я его приняла. Я выдержала, потому что знала, что ты вне опасности. Знал бы ты, сколько раз за время вынужденного уединения я представляла, как ты живешь, бродила вместе с тобой по нашим любимым местам, заходила в твой маленький лондонский дом… Я заполняла свои дни драгоценными моментами, воображая, будто я с тобой.

– Обещаю тебе…

– Потом, Эдриен… – Ты закрываешь мне рот рукой. – Завтра ты уедешь. Мне осталось терпеть полтора года. Не тревожься, жизнь здесь не такая уж и тяжелая, я гуляю, и у меня есть время подумать, много-много времени. Не смотри на меня как на святую или бесноватую. И не преувеличивай собственную значимость: я делаю это не ради тебя, а ради себя.

– Ради себя? Но зачем?

– Чтобы не потерять тебя второй раз. Ты погиб бы в лесу прошлой ночью, не скажи я о тебе монахам.

– Значит, это ты их предупредила?

– Я не могла дать тебе замерзнуть!

– Не важно, что ты там пообещала ламе, мы сматываемся. Я тебя забираю – добром или силой, даже если мне придется тебя оглушить.

Впервые за все время я вижу у тебя на лице прежнюю улыбку. Ты нежно гладишь меня по щеке:

– Хорошо, согласна. Я в любом случае не выдержу, если увижу, как ты уходишь. И возненавижу тебя за то, что ты оставил меня здесь.

– Когда тюремщики заметят, что тебя нет в камере?

– Они не тюремщики, я вольна ходить где хочу.

– А разве тот монах, что сопровождал тебя ночью к реке, не надзирал за тобой?

– Он меня охранял, чтобы ничего не случилось. Я единственная женщина в монастыре, вот и хожу каждую ночь на реку, чтобы искупаться. Так было все лето и в начале осени, но теперь конец.

Я достал из рюкзака брюки и свитер и протянул тебе.

– Что, зачем?

– Надевай, мы уходим, немедленно.

– Тебе мало вчерашнего? На улице ноль градусов, через час будет минус десять. У нас нет ни малейшего шанса пересечь эту равнину ночью.

– Как и днем – нас обязательно заметят! Как ты думаешь, час продержимся?

– Первая деревня в часе… езды на машине! Которой у нас нет.

– Я говорю не о деревне, а о становище кочевников.

– Кочевники вполне могли перекочевать.

– Они там! И помогут нам.

– Не будем спорить, отправляемся в кочевье! – говоришь ты, одеваясь.

– Где эта проклятая дверь? – спрашиваю я.

– Прямо перед тобой… Вперед!

Мы выходим, и я увлекаю тебя к лесу, но ты тянешь меня за рукав, кивая на ведущую к реке тропинку.

– Не стоит тратить время, петляя между деревьями, скоро станет совсем холодно.

– Ты знаешь местность лучше меня, так что веди. У реки я найду тропинку, которая ведет к холму. Нам понадобится десять минут, чтобы добраться до вершины, еще сорок пять на то, чтобы пройти перевал и выйти к долине, где находится становище. Пятьдесят пять минут – и дело в шляпе.

Ночь холоднее, чем я мог предположить. Не могу сдержать дрожь, а мы еще даже до реки не добрались. Ты молчишь, полностью сконцентрировавшись на дороге. Все правильно, нужно беречь силы, ибо мои тают на глазах.

Когда мы оказываемся на краю участка, где работали монахи, я начинаю всерьез беспокоиться о том, что вовлек тебя в опасную авантюру. Уже несколько минут я пытаюсь справиться с оцепенением.

– Я не смогу, – произносишь ты задыхающимся голосом.

При каждом слове у тебя изо рта вылетает облачко белого пара. Я обнимаю тебя, начинаю растирать тебе спину. Хочу поцеловать, но губы замерзли… да и ты не даешь расслабиться.

– Нельзя терять ни минуты, нельзя стоять на месте, идем к твоим кочевникам, иначе погибнем.

Мне так холодно, что я дрожу всем телом.

Кажется, что склон холма вытягивается по мере того, как мы поднимаемся. Держаться, еще несколько усилий, еще десять минут – и мы на вершине, откуда наверняка увидим вдали юрты, ночь очень светлая. Одна только мысль о том, как тепло внутри, вернет нам мужество и придаст сил. Я знаю, что спуск в долину займет не больше четверти часа, так что, даже если кончатся силы, я позову на помощь. Если повезет, мои друзья-кочевники услышат крики в ночи.

Ты трижды падаешь, и я трижды помогаю тебе подняться, а на четвертый раз замечаю, как ты бледна. Губы у тебя посинели, как в тот раз, когда ты у меня на глазах тонула в Хуанхэ. Я поднимаю тебя, подхватываю и несу, умоляя не закрывать глаза.

– Не кричи на меня, – жалобным голосом просишь ты. – И без того тяжело. Я ведь говорила, а ты не слушал.

Сто метров, до гребня холма осталось сто метров. Я ускоряю шаг – ты немного отдохнула и идешь сама.

– Последний вздох, – говоришь ты, – последний рывок перед смертью. Давай, поторопись, вместо того чтобы смотреть на меня со скорбным видом. Тебе больше не смешно?

Ты бодришься, онемевшие губы не слушаются, но ты распрямляешься, отталкиваешь меня и идешь вперед, одна, ведя меня за собой.

– Отстаешь, Эдриен, отстаешь!

Пятьдесят метров! Ты меня обгоняешь, а я едва тащусь и не могу тебя догнать. Ты окажешься наверху раньше меня.

– Идешь? Прошу тебя, поторопись!

Тридцать метров! Перевал совсем близко, ты почти добралась. Нужно тебя обогнать, я хочу первым увидеть спасительное стойбище.

– Ты не дойдешь, если не прибавишь шагу, Эдриен, я больше не могу за тобой возвращаться, прошу тебя, постарайся!

Десять метров! Ты уже наверху, стоишь, выпрямив спину и уперев руки в бока, и молча осматриваешь долину. Пять метров! Мои легкие сейчас взорвутся. Четыре метра! Я уже не дрожу, у меня начались судороги. Силы закончились, я сдаюсь и падаю. Ты на меня не смотришь. Нужно встать и пройти последние два или три метра, но мне так уютно лежать на мягкой земле, смотреть на полную луну на небе и чувствовать, как легкий ветерок ласкает мне лицо и укачивает.

Ты склоняешься надо мной. Грудь сотрясает приступ ужасного кашля. Ночь светлая, такая светлая, как ясный день. Я почти ничего не вижу, должно быть, от холода. Свет яркий, такой яркий, что слепит глаза.

– Смотри, – говоришь ты, указывая на долину, – я была права, твои друзья ушли. Не сердись на них, Эдриен, это кочевники, а кочевники, если даже они твои друзья, надолго на одном месте не задерживаются.

Я с трудом разлепляю веки: среди долины, там, где я надеялся увидеть юрты моих кочевников, стоит монастырь. Мы сделали круг и вернулись. Нет, невозможно, это другая долина, я не вижу леса.

– Мне ужасно жаль, – шепчешь ты, – только не сердись. Я обещала и должна сдержать слово. Ты поклялся вернуть меня в Аддис-Абебу и, если бы мог сдержать слово, наверняка сдержал бы, ведь так? Ты страдаешь от собственного бессилия, так что пойми меня и не злись. Договорились?

Ты целуешь меня в лоб ледяными губами, улыбаешься и уходишь. Идешь уверенно, словно холод вдруг утратил над тобой власть. Спокойно шагаешь в ночи к монастырю. Я не могу ни удержать тебя, ни идти следом. Я пленник собственного тела, которое отказывается подчиняться, кажется, что руки и ноги стянуты прочными путами. Я бессилен – так ты сказала, прежде чем оставить меня. Огромные ворота монастыря распахиваются, ты в последний раз оборачиваешься и исчезаешь за стенами.

Ты слишком далеко, и я не могу тебя слышать, но твой звонкий голос звучит у меня в ушах.

– Будь терпелив, Эдриен. Возможно, мы снова встретимся. Полтора года – не слишком долгий срок, когда любишь. Ничего не бойся, ты справишься, ты сильный, и потом, кто-то идет, он совсем близко. Я люблю тебя, Эдриен, я тебя люблю.

Тяжелые ворота Гартара медленно закрываются, за ними исчезает твой хрупкий силуэт.

Я выкрикиваю твое имя в ночной темноте, я вою, как попавший в капкан волк, почуявший свою смерть. Я отбиваюсь, вырываюсь из последних сил, хотя руки и ноги по-прежнему не слушаются. Я кричу, и кричу, и кричу, а потом вдруг слышу, как кто-то произносит среди пустынной равнины: «Успокойтесь, Эдриен». Голос мне знаком, это голос моего друга. Уолтер снова повторяет ту же бессмысленную фразу:

– Черт побери, Эдриен, да успокойтесь же наконец, поранитесь!

Афины, Университетский клинический центр, пульмонологическое отделение

– Черт побери, Эдриен, да успокойтесь же наконец, поранитесь!

Я открыл глаза, попытался сесть, но оказалось, что меня привязали к кровати. Склонившийся надо мной Уолтер выглядел совершенно растерянным.

– Вы и впрямь к нам вернулись или снова бредите?

– Где мы? – прошептал я.

– Сначала ответьте на простой вопрос: с кем вы говорите, кто я?

– Вы что, совсем рехнулись, Уолтер?

Он хлопал в ладоши. Я не понимал причины столь бурной реакции. Он бросился к двери, выкрикивая ликующим тоном: «Он очнулся, очнулся!» – высунулся в коридор, а когда обернулся, на его лице читались разочарование и досада.

– Не понимаю, как вы живете в этой стране: в обеденный час здесь все останавливается, замирает. Медсестру и ту не дозовешься, с ума можно сойти! Ах да, я обещал сказать, где мы находимся. Мы на четвертом этаже афинской больницы, в инфекционно-пульмонологическом отделении, в палате 307. Когда наберетесь сил, полюбуйтесь видом – очень красиво! Из вашего окна видна гавань, не всякая больница может похвастаться такой панорамой. Ваша мать и ваша прелестная тетушка Элена всех на ноги подняли, чтобы поместить вас в отдельную палату… словами не опишешь! У больничной администрации не было ни секунды покоя. Ваша прелестная тетушка и ваша мать – святые женщины.

– Что я здесь делаю и почему меня привязали?

– Поверьте, это было непростое решение, но вы метались в горячке, бредили, впадали в буйство, и я счел необходимым защитить вас от вас самого. Медсестры устали поднимать вас с пола по ночам. Просто невероятно, до чего беспокойно вы спали! Ладно, хоть мне и не положено по штату, но, раз уж у всех сиеста и я единственное правомочное лицо, освобожу вас.

– Уолтер, вы скажете, что я делаю в больничной палате?

– Вы ничего не помните?

– Помнил бы – не задавал вопросов!

Уолтер отошел к окну.

– Не уверен, что стоит это делать, – задумчиво произнес он. – Наберитесь сил, и мы поговорим, обещаю.

Я попытался сесть на кровати, голова закружилась, Уолтер подбежал и подхватил меня, не дав упасть на пол.

– Видите, я был прав, немедленно ложитесь и успокойтесь. Ваша мать и ваша прелестная тетушка много пережили, так что уж будьте любезны, соберитесь с силами и встретьте их с улыбкой на лице, когда они придут вас навестить во второй половине дня. Берегите силы, это приказ! Пока врачи, медсестры и все Афины дрыхнут, парадом командую я!

У меня пересохло во рту, и Уолтер подал мне стакан воды.

– Не жадничайте, старина, вы много дней под капельницей, я вообще не уверен, что вам можно пить. И не капризничайте, умоляю!

– Даю вам одну минуту, Уолтер: не скажете, как я сюда попал, вырву все эти провода!

– Мне не следовало вас отвязывать!

– Пятьдесят секунд!

– Шантаж, Эдриен? Какое разочарование!

– Сорок!

– После того как увидитесь с матерью!

– Тридцать!

– После обхода, пусть врачи подтвердят, что вы поправляетесь.

– Двадцать!

– Вы чудовищно нетерпеливы. Я столько дней не отходил от вас, могли бы сменить тон!

– Десять!

– Эдриен! – завопил Уолтер. – Немедленно уберите руку от капельницы! Предупреждаю, я за себя не отвечаю, если увижу хоть каплю крови на этих белоснежных простынях.

– Пять!

– Ладно, ваша взяла. Я все расскажу, но никогда вам этого не забуду.

– Я слушаю, Уолтер!

– Вы совсем ничего не помните?

– Совсем.

– А мой приезд на Гидру?

– Приезд помню.

– А кофе, что мы пили на террасе бистро по соседству с магазином вашей прелестной тетушки?

– Кофе тоже помню.

– А фотографию Кейры, которую я вам показал?

– Конечно, помню.

– Хороший признак… А то, что было потом?

– Смутно. Мы уплыли на катере в Афины и простились в аэропорту – вы возвращались в Лондон, я улетал в Китай. Но теперь я не уверен, было это наяву или мне приснился кошмар.

– Никакого кошмара, вы действительно сели в самолет, вот только улетели недалеко. Но давайте вернемся к моему приезду на Гидру. Впрочем, к черту Гидру! У меня для вас две новости.

– Начните с плохой.

– Не могу! Не узнав хорошую новость, вы не поймете другую.

– Ну, раз выбора все равно нет, валяйте…

– Кейра жива, теперь мы уверены!

Я подскочил на кровати.

– Ну вот, главное сказано. Как насчет короткого перерыва на отдых, пока не придет ваша матушка, или доктора́, или все вместе?

– Прекратите ваши дурацкие ужимки, Уолтер, и выкладывайте плохую новость.

– Давайте будем последовательны. Вы спросили, почему находитесь в больнице, так позвольте мне объяснить. Из-за вас командир «Боинга-747» повернул назад – на такое не каждый решится. Жизнью вы обязаны бортпроводнице. Через час после взлета вам стало плохо. Очевидно, подцепили заразу, купаясь в Хуанхэ, и она вызвала редкое легочное заболевание. Но вернемся к пекинскому рейсу. Вы сидели и, казалось, мирно спали, но когда та смышленая бортпроводница принесла вам поднос с обедом, ее насторожили ваша бледность и испарина на лбу. Она безуспешно пыталась вас разбудить, дыхание было затрудненным, а пульс редким. Пилот, приняв во внимание серьезность положения, развернул самолет, вас срочно доставили сюда, сообщили мне, и я вернулся, пробыв в Лондоне всего два дня.

– Я не попал в Китай?

– Сожалею.

– А где Кейра?

– Ее спасли те самые монахи, что дали вам приют у горы… забыл название.

– Хуашань!

– Вам виднее! Кейру лечили, и она поправилась, но, к несчастью, ее сразу же задержали и неделю спустя судили, обвинив в незаконном проникновении и пребывании на китайской территории по поддельным документам, то есть без ведома правительства.

– У Кейры не могло быть при себе документов – они остались на дне реки, в машине!

– Конечно, но государственный адвокат, увы, не упомянул об этом в своей речи. Кейру приговорили к полутора годам тюремного заключения. Ее держат в Гартаре: этот древний монастырь в провинции Сычуань, недалеко от Тибета, превратили в тюрьму.

– Полтора года?

– Полтора года и, по словам сотрудника нашей консульской службы, все могло быть гораздо хуже.

– Хуже? Полтора года, Уолтер! Вы понимаете, что значит провести полтора года в китайском застенке?

– Тюрьма – она и есть тюрьма, но вообще-то я с вами согласен.

– На нашу жизнь покушаются, но за решетку попадает она, а не убийцы?

– Китайские власти считают ее виновной. Мы обратимся за помощью в посольство, сделаем все возможное. Я не отступлюсь.

Уолтер отвернулся к окну.

– Полагаете, наши посольства захотят вмешаться и поставят под угрозу экономические интересы ради свободы одного человека?

– Боюсь, ваши беды и горести мало кого волнуют. Придется запастись терпением и молиться, чтобы Кейра выдержала выпавшее на ее долю испытание. Я искренне сожалею, Эдриен, все это просто ужасно, но… что вы делаете с капельницей?

– Я ухожу. Мне нужно отправиться в Китай, добраться до Гартара и дать знать Кейре, что я буду сражаться за ее освобождение.

Уолтер подскочил к кровати и схватил меня за руки; я был слишком слаб, чтобы совладать с ним.

– Слушайте меня внимательно, Эдриен. Когда вас привезли в больницу, ваш организм уже не сопротивлялся инфекции, и она стремительно распространялась, представляя угрозу для жизни. У вас началась горячка, вы бредили и несколько раз были при смерти. Врачам

пришлось ввести вас в искусственную кому, чтобы защитить мозг. Мы с вашей матерью и прелестной тетушкой Эленой несли вахту, сменяя друг друга. За десять дней ваша матушка постарела на десять лет, так что перестаньте ребячиться и ведите себя как взрослый!

– Ладно, Уолтер, я усвоил урок, можете меня отпустить.

– Предупреждаю – если тронете катетер, я вам нос расквашу!

– Обещаю лежать смирно.

– Так-то лучше, я сыт по горло и вашей горячкой, и вашим бредом.

– Вы не представляете, какие странные сны я видел.

– Ошибаетесь, я не только следил за вашей температурной кривой и давился мерзкой едой в больничном кафетерии, но и выслушивал дичайшую чушь, которые вы несли в бреду. Единственным утешением были пирожные вашей прелестной тетушки Элены.

– Простите, Уолтер, что это еще за «прелестная тетушка»?

– Не понимаю, о чем вы.

– О моей прелестной тетушке.

– Разве я не имею права находить вашу тетушку прелестной? У нее замечательное чувство юмора, она восхитительно готовит, чудесно смеется, умно́ беседует, так что не вижу, в чем проблема!

– Она на двадцать лет старше…

– Браво, друг мой! Не знал, что вы так ограниченны! Кейра на десять лет моложе, но вас это, кажется, не смущает? Ретроград, вот вы кто!

– Хотите сказать, что поддались чарам моей тетки? А как же мисс Дженкинс?

– С мисс Дженкинс мы обсуждаем достоинства наших ветеринаров. Согласитесь, в этом мало чувственного.

– А с моей тетушкой, выходит… Не отвечайте, ничего не хочу знать!

– А вы не приписывайте мне того, что я не говорил! С вашей тетушкой у нас масса тем для бесед, нам весело вместе. Вы же не станете попрекать нас тем, что мы пытаемся развеяться после всего пережитого по вашей милости? Это было бы неблагородно.

– Делайте что хотите. Кто я такой, чтобы вмешиваться…

– Рад это слышать.

– Я должен сдержать слово, Уолтер, я не могу сидеть сложа руки. Нужно лететь в Китай на поиски Кейры и вернуть ее в долину Омо. Мне не следовало увозить ее из Эфиопии.

– Сначала поправьтесь, потом посмотрим. Скоро придут врачи, вам нужно отдохнуть, а у меня есть дела.

– Уолтер… Что я говорил в бреду?

– Семьсот шестьдесят три раза произнесли имя Кейры – впрочем, это весьма приблизительный подсчет; меня вы звали в бреду всего трижды, что довольно обидно. Большую часть времени вы бормотали нечто невнятное. Иногда между двумя судорожными припадками вы открывали глаза и смотрели невидящим взглядом в пустоту – страшноватое зрелище! – а потом снова теряли сознание.

В палату вошла медсестра, прервав наш разговор, и Уолтер испытал явное облегчение.

– Наконец-то вы пришли в себя, – сказала она, подвешивая новый пакет с лекарством на штангу.

Она сунула мне в рот термометр, измерила давление и записала показатели в карту.

– Доктора осмотрят вас через час, – сообщила она.

Лицом и телосложением медсестра смутно кого-то напоминала. Женщина вышла, покачивая бедрами, и я понял, что она похожа на пассажирку автобуса, на котором я ехал в Гартар. Уборщик, мывший пол в коридоре, одарил нас с Уолтером широкой улыбкой. Одет он был в свитер, толстую шерстяную куртку и как две капли воды походил на мужа хозяйки ресторана, привидевшегося мне в горячечном бреду.

– Ко мне кто-нибудь приходил?

– Ваша мать, ваша тетушка и я. К чему этот вопрос?

– Ни к чему. Вы мне снились.

– Боже, какой ужас! Запрещаю вам говорить об этом!

– Не будьте идиотом. Я видел вас в компании старого профессора, которого встречал в Лондоне, он знакомый Кейры. Я перестал различать грань между реальностью и сновидением.

– Успокойтесь, все мало-помалу наладится. Старика профессора я, увы, никак объяснить не могу, но так и быть, словом не обмолвлюсь об этом вашей тетушке, ибо она может оскорбиться, узнав, что в ваших снах была стариком.

– Думаю, все дело в горячке.

– Наверное, хотя не уверен, что Элена удовлетворится подобным объяснением… Отдыхайте, мы слишком долго разговаривали. Пойду позвоню в консульство насчет Кейры – я делаю это каждый день, в одно и то же время, – а после шести вернусь.

– Уолтер…

– Что еще?

– Спасибо.

– Дождался, благодарение Господу!

Как только Уолтер вышел из палаты, я попытался встать. Ноги подкашивались, но я все-таки добрался до окна, держась попеременно за спинку кровати, столик на колесах и батарею.

Вид из окна и впрямь открывался фантастический. Больница стояла на холме над бухтой. Вдалеке можно было различить Пирей. Я несчетное число раз видел этот порт, но не удосуживался вглядеться, счастье делает нас рассеянными. Сегодня, из окна больничной палаты номер 307, я смотрел на порт совсем другими глазами.

Внизу я заметил Уолтера, он вошел в телефонную кабину – должно быть, собрался звонить в консульство.

Выглядит Уолтер нелепо, но он отличный парень. Хорошо, что мы дружим.

Париж, остров Сен-Луи

Зазвонил телефон. Айвори снял трубку.

– Есть новости?

– Две. Одна хорошая, другая – скорее неприятная.

– Начните со второй.

– Как странно…

– Что именно вы находите странным?

– Вашу привычку всегда выслушивать сначала дурные вести… Но я начну с хорошей, иначе другая потеряет смысл! Сегодня утром температура упала, и он пришел в себя.

– Новость и впрямь замечательная, у меня просто камень с души свалился.

– Еще бы! Без Эдриена на ваших поисках можно было бы поставить жирный крест. Я прав?

– Я искренне беспокоился о нашем друге. Иначе не стал бы рисковать, навещая его в больнице.

– Возможно, не стоило этого делать. Боюсь, в палате мы слишком увлеклись разговором и кое-что запало ему в голову.

– Память возвращается? – встревожился Айвори.

– Образы слишком смутные, чтобы Эдриен придал им значение. Я убедил его, что это просто бред.

– Я проявил непростительную беспечность.

– Вы хотели взглянуть на него, оставшись незамеченным, к тому же врачи уверяли, что он без сознания.

– Медицина – весьма неточная наука. Вы уверены, что он ни о чем не догадывается?

– Можете не волноваться, Эдриена сейчас заботит совсем другое.

– Это и есть вторая, досадная, новость?

– Нет, наш молодой друг твердо намерен отправиться в Китай. Я вам говорил, он не станет полтора года сидеть сложа руки, ожидая освобождения Кейры. Уж скорей проведет это время под окном ее камеры. Пока девушка в тюрьме, Эдриен будет думать только о ее освобождении, и тут вы бессильны. Как только врачи отпустят его, он улетит в Китай.

– Сомневаюсь, что он получит визу.

– Значит, отправится туда пешком, через Бутан.

– Эдриен должен продолжить поиски, я не могу ждать так долго.

– Он сказал мне те же слова о любимой женщине, но боюсь, вам обоим придется смириться.

– В моем возрасте полтора года – огромный срок. Не уверен, что окажусь долгожителем.

– Полноте, вы в отличной форме. А жизнь в ста случаях из ста заканчивается смертью, – пошутил Уолтер. – Я, например, могу через мгновение погибнуть под колесами автобуса, выйдя из телефонной кабины.

– Задержите Эдриена любым способом, убедите ничего не предпринимать в ближайшие дни. И главное – не пускайте в консульство и не позволяйте общаться с китайскими властями.

– Зачем вам это?

– А затем, что партия, которую нам предстоит разыграть, требует дипломатического такта, а Эдриен в этой области талантом не блещет.

– Могу я узнать, что вы задумали?

– В шахматах это называют рокировкой, подробней расскажу через день-два. Прощайте, Уолтер, и будьте осторожны, переходя через улицу…

Закончив разговор, Уолтер решил прогуляться.

Лондон, Сент-Джеймс-сквер

Черное такси остановилось перед фасадом элегантного викторианского особняка. Айвори вышел, расплатился с шофером, взял свой багаж, дождался, когда машина уедет, и потянул за висевшую справа от кованой двери цепочку. Зазвенел колокольчик, Айвори услышал приближающиеся шаги, и дворецкий открыл дверь. Айвори протянул ему визитную карточку:

– Не сочтите за труд передать вашему нанимателю, что я прошу принять меня и что дело не терпит отлагательств.

Слуга ответил, что очень сожалеет, но хозяина нет дома и связаться с ним будет затруднительно.

– Не знаю, уехал ли сэр Эштон в Кент, в охотничий домик или к одной из любовниц, – мне, честно говоря, на это плевать. Но знайте: если я уеду, не повидавшись с вашим, как вы его называете, хозяином, он может очень на вас рассердиться. Итак: я прогуляюсь по вашему шикарному кварталу, а когда вернусь и снова позвоню в дверь, вы сообщите мне адрес, где сэр Эштон со мной встретится.

Айвори сошел с крыльца и зашагал по улице, небрежно помахивая сумкой. Через десять минут, когда он прогуливался вдоль ограды, у тротуара остановилась роскошная машина. Водитель вышел и распахнул перед Айвори дверцу: ему приказали доставить гостя в поместье, находящееся в двух часах езды от Лондона.

Английская деревня осталась такой же прекрасной, какой ее помнил Айвори; конечно, здесь не было ни просторов, ни сочной зелени его родной Новой Зеландии, но пейзаж за окном радовал глаз.

Удобно устроившись на заднем сиденье, Айвори отдыхал. Около полудня скрип гравия под колесами автомобиля разбудил его. Машина проехала по широкой, обсаженной аккуратно подстриженными эвкалиптами аллее и остановилась у портика с колоннами, обвитыми штокрозами. Слуга провел Айвори в маленькую гостиную, где его ждал хозяин дома.

– Коньяк, бурбон, джин?

– Стакана воды будет достаточно. Приветствую вас, сэр Эштон.

– Кажется, мы не виделись двадцать лет?

– Двадцать пять, и не говорите, что я не изменился, будем смотреть правде в глаза – мы оба постарели.

– Думаю, вы пришли не для того, чтобы сетовать на старость.

– Представьте себе, именно для этого! Сколько у нас времени?

– Вы мне скажите, раз уж навязались в гости.

– Я не о том. Я спрашивал, сколько нам осталось на этой Земле. В нашем возрасте – лет десять. Или больше?

– Почем мне знать? Да я об этом и не думаю.

– У вас великолепное поместье, – похвалил Айвори, разглядывая парк за большими окнами. – Говорят, ваша резиденция в Кенте ничуть не хуже.

– Я передам ваши лестные слова моим архитекторам. Вы об этом хотели со мной побеседовать?

– Одна беда со всей этой собственностью – на тот свет ее с собой не заберешь. Копишь богатства, выбиваешься из сил, приносишь жертвы, а в последний день жизни все это становится никому не нужным. Даже если вы навечно припаркуете перед кладбищем ваш красавец «ягуар», так изящно отделанный кожей и деревянными панелями!

– Эти богатства, дорогой мой, перейдут по наследству к следующим поколениям, как мы получили их от наших отцов.

– Недурное наследство в вашем случае, я полагаю.

– Не хочу сказать, что ваше общество мне неприятно, но я очень занят, так что объясните, к чему вы клоните.

– Времена изменились, вот о чем я размышлял вчера за чтением газет. Крупные финансисты попадают за решетку и до конца дней гниют в тесных камерах. Прощайте, особняки и роскошные палаццо – девять метров квадратных, да и то, если это VIP-отсек! А наследнички сорят деньгами, пытаются сменить имя, чтобы смыть семейный позор. Хуже всего то, что никому больше не гарантирована неприкосновенность. Уйти от наказания – бесценная роскошь даже для самых богатых и сильных мира сего. Головы летят, одна за другой, это нынче в моде. Вы лучше меня знаете, что политики больше не генерируют идей, а те, что они выдают, малоприемлемы. Ущербность социальных проектов проще всего замаскировать, подпитывая низменные чувства народных масс, в том числе нетерпимость к «иным». Невероятное богатство одних в ответе за нищету других, сегодня все это знают.

– Надеюсь, вы приехали не для того, чтобы докучать мне революционной прозой и жаждой социальной справедливости?

– Революционной прозой? Боже упаси, я консерватор до мозга костей. Все дело в справедливости.

– Переходите к делу, Айвори, вы начинаете меня утомлять.

– Хочу предложить вам сделку, нечто из области справедливости, как вы говорите. Могу обменять ключ от камеры, куда вы обязательно попадете и где закончите свои дни, если я опубликую в «Дейли ньюс» или в «Обсервер» досье, которое собрал на вас, на свободу молодой археологини. Теперь понимаете, о чем я?

– Что за досье? И по какому праву вы угрожаете мне в моем доме?

– Торговля влиянием, незаконное участие в делах, подкуп депутатов парламента, конфликт интересов в ваших компаниях, злоупотребление бюджетными средствами, уход от налогов… вы тот еще тип, старина, ни перед чем не останавливаетесь, даже перед заказным убийством ученого. Что за яд использовал ваш киллер, чтобы избавиться от Эдриена, и как он его ввел? С выпитым в аэропорту соком? В стаканчике с водой перед взлетом? Или это был контактный яд? Укольчик во время паспортного контроля? Теперь уже все равно, так удовлетворите мое любопытство!

– Вы просто смешны, мой бедный друг.

– Легочная эмболия на борту самолета, совершающего длительный перелет в Китай. Для шпионского романа заголовок длинноват, тем более что идеального убийства не получилось!

– Ваши нелепые и необоснованные обвинения мне глубоко безразличны, уходите, пока я не приказал выкинуть вас вон.

– В наше стремительное время редакторы не успевают проверять подлинность информации, былая щепетильность принесена в жертву большим тиражам. Трудно их за это упрекнуть, Интернет – опасный конкурент. Газета с разоблачительной статьей о лорде Эштоне будет отлично продаваться! И не надейтесь умереть раньше окончания работы комиссии по расследованию вашей деятельности! Реальная власть перешла от парламента и судов к газетам: они затевают процессы, предоставляют доказательства, выслушивают показания жертв; судьям остается лишь вынести приговор. Что до личных связей, ни на кого нельзя положиться. Ни одно правительство не рискнет скомпрометировать себя, особенно ради одного из своих чиновников. Слишком силен страх перед гангреной. Судебная власть отныне

независима – слава демократии! Вспомните того американского финансиста, затеявшего крупнейшую аферу века: не прошло и двух, ну, может, трех месяцев, как его осудили и посадили.

– Чего вы от меня хотите, черт бы вас побрал?

– Вы что, не слушали? Я ведь сказал – пустите в ход свои связи и освободите мою молодую подругу. А я, так уж и быть, никому не скажу о том, как вы, старый безумец, злоумышляли против нее и ее друга! Если я сообщу, что вы приказали убить Кейру, а когда не вышло, подстроили все так, чтобы ее бросили в тюрьму, вас вышвырнут из совета и заменят кем-нибудь пореспектабельней.

– Вы чудовищно смешны, и я не понимаю, о чем вы.

– Тогда мне остается лишь откланяться, сэр Эштон. К чему злоупотреблять вашим великодушием? Буду признателен, если ваш шофер довезет меня до станции: не подумайте, что я не люблю ходить пешком, но если на обратном пути со мной вдруг что-нибудь случится, это произведет гнетущее впечатление.

– Моя машина в вашем распоряжении, езжайте куда хотите, только убирайтесь поскорее!

– Очень благородно с вашей стороны. Не хочу оставаться в долгу. Даю вам время подумать до вечера, я остановился в «Дорчестере», звоните, не стесняйтесь. Мой человек произведет рассылку доверенных ему документов только завтра – конечно, если я не отменю свое поручение. Уверяю вас, учитывая содержание документов, моя просьба вполне разумна.

– Вы совершаете грубую ошибку, пытаясь шантажировать меня подобным образом.

– Кто говорит о шантаже? Я не извлекаю никакой личной выгоды из этой маленькой сделки. Сегодня чудесный день, не правда ли? Оставляю вас наслаждаться погодой.

Айвори взял сумку и, не дожидаясь дворецкого, пошел по коридору к выходу. Куривший у розария шофер бросился к машине и открыл дверцу.

– Не торопитесь, друг мой, курите в свое удовольствие, – сказал Айвори, – я никуда не спешу.

Из окна кабинета сэр Эштон наблюдал, как Айвори устраивается на заднем сиденье «ягуара». Когда машина скрылась из виду, он дал волю гневу. Скрытая стеллажом дверь открылась, и в комнату вошел человек.

– Я совершенно потрясен, должен признаться, что не ожидал ничего подобного.

– Этот старый дурак явился в мой дом и угрожал мне! Кем он себя возомнил?

Гость сэра Эштона ничего не ответил.

– В чем дело? Почему вы на меня так смотрите? Только не говорите, что согласны с ним! – вскипел сэр Эштон. – Если эта развалина осмелится в чем бы то ни было обвинить меня публично, свора моих адвокатов сожрет его живьем. Мне не в чем себя упрекнуть, надеюсь, вы в этом не сомневаетесь?

Его собеседник налил себе из хрустального графина стакан портвейна и выпил залпом.

– Вы скажете наконец хоть что-нибудь? – грозным тоном вопросил сэр Эштон.

– Предпочел бы выругаться. Уверен, через несколько дней, максимум недель, вы бы меня простили.

– Уйдите, Вакерс, вы мне надоели – вы, ваша спесь и ваша дерзость.

– Помилуйте, какая дерзость? Я искренне огорчен случившимся, но на вашем месте не стал бы недооценивать Айвори; как вы сами сказали, он слегка безумен, а значит, вдвойне опасен.

И Вакерс вышел, не добавив ни слова.

Лондон, отель «Дорчестер», вечер

Айвори разбудил телефонный звонок. Он открыл глаза и взглянул на стоявшие на каминной полке часы. Разговор вышел коротким. Выждав несколько минут, он достал сотовый и набрал номер:

– Хочу вас поблагодарить: он только что звонил, вы очень помогли.

– Ничего особенного я не сделал.

– Напротив, друг мой. Что скажете насчет партии в шахматы? В Амстердаме, у вас, в следующий четверг. Договорились?

Поговорив с Вакерсом, Айвори сделал последний звонок. Уолтер внимательно выслушал его инструкции и не преминул поздравить с мастерским ходом.

– Не питайте иллюзий, Уолтер, наши проблемы куда как далеки от разрешения. Даже если мы вытащим Кейру, ее жизнь не будет в безопасности. Сэр Эштон не отступится после того, как я «достал» его на его же территории, но выбора не было. Он отыграется при первом удобном случае, уж вы мне поверьте. Пусть все останется между нами, Эдриена тревожить ни к чему. Незачем ему знать, как он попал в больницу.

– А что мне говорить о Кейре?

– Сочиняйте, пустите в ход фантазию, скажите, что получили сведения от вашего «осведомленного источника».

Афины, на следующий день

Элена и мама провели все утро у моей постели; с тех пор как я угодил в больницу, они каждый день садились на первый паром, уходивший с Гидры в семь часов, в восемь прибывали в Пирей и мчались на автобус, через полчаса доставлявший их к больнице. Наскоро позавтракав в кафетерии, они поднимались ко мне в палату с домашней едой, цветами и пожеланиями скорейшего выздоровления от всей деревни. К вечеру они уезжали на автобусе в Пирей, садились на последний паром и возвращались домой. За время моей болезни Элена ни разу не открывала магазин, а мама все время стояла у плиты, и любовно приготовленные блюда скрашивали жизнь ухаживающих за ее сыном медсестер.

Наступил полдень, и их нескончаемая болтовня утомила меня больше, чем рецидив этой гнусной пневмонии.

Когда в дверь постучали, они мгновенно умолкли. Я никогда ничего подобного не видел, это было так же удивительно, как если бы в солнечный день разом притихли все цикады. Вошедший Уолтер сразу заметил мое изумление.

– Что, в чем дело? – всполошился он.

– Ни в чем, все в порядке.

– Не все, судя по вашим лицам.

– Успокойтесь, Уолтер, мы с моей мамой и моей прелестной тетушкой Эленой кое-что обсуждали, когда вы вошли, только и всего.

– Что именно вы обсуждали?

Мама решила вмешаться:

– Я говорила, что эта болезнь может иметь неожиданные последствия.

– Но почему? Врачи что-то сказали? – разволновался Уолтер.

– О, они считают, что Эдриен сможет выписаться на следующей неделе, но я, его мать, утверждаю, что мой сын слегка поглупел: таков медицинский диагноз, если хотите знать. Пригласите мою сестру выпить чашечку кофе, Уолтер, а я пока скажу несколько слов Эдриену.

– Буду счастлив подчиниться, но сначала сам с ним поговорю. Не хмурьтесь, это мужской разговор.

– Ну что же, – сказала Элена вставая, – мы уходим, раз нам тут больше не рады!

И она увела мою мать, оставив нас с Уолтером наедине.

– У меня прекрасные новости, – сообщил он, присаживаясь на край кровати.

– Начните с плохой.

– Паспорт будет нужен через шесть дней, но мы не можем получить его без Кейры.

– Не понимаю, о чем вы.

– Конечно, не понимаете, но вы сами попросили начать с плохой новости. Ваш вечный пессимизм очень утомляет. Ладно, слушайте внимательно, потому что уж если я обещал хорошую новость, она и правда хорошая. Я говорил, что у меня есть кое-какие высокопоставленные друзья в Академии?

Уолтер объяснил, что у нашей Академии есть совместные исследовательские программы с несколькими крупными китайскими университетами. Я этого не знал. Он добавил, что после череды командировок появились дипломатические завязки разного уровня. Уолтеру удалось запустить закулисный механизм: китайская аспирантка, заканчивающая диссертацию в Академии, чей отец – высокопоставленный судья, дипломаты консульской службы Ее Величества, английский консул в Турции, много лет работавший в Пекине и сохранивший отношения с несколькими высокопоставленными функционерами… Колесики крутились, соединяя страны и континенты, последний щелчок прозвучал в провинции Сычуань. Отношение местных властей изменилось в лучшую сторону: с некоторых пор они стали интересоваться, насколько добросовестно сделал свою работу адвокат, защищавший молодую француженку. По-видимому, из-за проблем с переводом он не объяснил судье, что приговоренная к тюремному сроку за отсутствие документов иностранка в действительности имела оформленный честь по чести паспорт. Власти проявили добрую волю, судейского чиновника повысили, а Кейру помилуют, если мы быстро представим это новое доказательство в суд Чэнду. Дальше все просто: полетим и вывезем ее за пределы Китайской Народной Республики.

– Это правда? – Я вскочил и заключил Уолтера в объятия.

– Я похож на шутника? Могли бы из вежливости заметить, что я, не желая длить вашу муку, выпалил все на едином дыхании!

Я был так счастлив, что закружил Уолтера в вальсе по больничной палате, и тут вошла мама. Взглянула на нас и… закрыла дверь.

Мы слышали, как она вздыхает в коридоре, а тетушка Элена говорит ей: «Не начинай снова!»

Голова у меня закружилась, пришлось вернуться в постель.

– Но когда же ее освободят?

– Итак, вы забыли ту маленькую новость, которую я сообщил вам прежде хорошей. Придется повторить. Китайский судья согласен освободить Кейру, если мы предоставим ее паспорт через шесть дней. Поскольку пропуск на волю лежит на дне реки, нам нужен новый. В отсутствие заинтересованного лица и в такие короткие сроки его практически невозможно оформить. Теперь понимаете, какая у нас проблема?

– Всего шесть дней?

– Минус один на то, чтобы попасть в Чэнду; значит, на изготовление паспорта остается пять дней. Без чуда нам не обойтись.

– Паспорт непременно должен быть новым?

– На случай, если легочная инфекция затронула ваш мозг, сообщаю: я не пограничник! Вообще-то, если срок документа не истек, он вполне сгодится. Но к чему этот вопрос?

– У Кейры двойное гражданство – французское и английское. С мозгами у меня все в порядке, спасибо, что спросили, и я очень хорошо помню, что в Китай она въехала по британскому паспорту, в него ей поставили визу, я сам забирал наши документы в турагентстве. Паспорт Кейра всегда держала при себе. Мы перетряхнули ее сумку, когда нашли микрофон, и я уверен, что французского паспорта там не было.

– Радостная новость, но тогда где он? Не хочу вас огорчать, но у нас почти нет времени на поиски.

– Я понятия не имею, где может быть этот треклятый паспорт…

– Мы не слишком продвинулись. Я сделаю несколько звонков и вернусь. Ваша тетушка и ваша мама ждут за дверью, не хочу, чтобы они считали нас невежами.

Уолтер вышел, а мама и тетушка Элена вошли. Мама устроилась в кресле и молча включила телевизор, висевший на стене напротив кровати. Элена улыбнулась.

– Уолтер – очаровательный человек, правда? – спросила она, присаживаясь на краешек кровати.

Я бросил на нее многозначительный взгляд: не стоило говорить об этом при маме.

– И красивый, ты не находишь? – продолжила она, игнорируя мой намек.

Не отворачиваясь от экрана, мама ответила вместо меня:

– И к тому же молодой, если хочешь знать мое мнение! Но не обращайте на меня внимания! Мой сын «по-мужски» поговорил со своим другом, а теперь беседует с теткой, что может быть естественней; матери не в счет! Как только передача закончится, пойду поболтаю с сестрами. Кто знает, возможно, они сообщат мне новости о сыне.

– Теперь ты понимаешь истоки выражения «греческая трагедия»… – Элена украдкой подмигнула мне, а мама убрала звук, чтобы не упустить ни слова из нашего разговора.

Мама смотрела документальный фильм о кочевых племенах, населявших высокогорные тибетские плато.

– Надоело, в пятый раз показывают, – вздохнула она, выключая телевизор. – Почему у тебя такое лицо?

– В фильме была маленькая девочка?

– Не знаю, возможно, а что?

Я предпочел не отвечать. В дверь постучал Уолтер. Элена предложила ему сходить в кафетерий, чтобы ее сестра могла единолично насладиться общением с сыном. Уолтер не заставил себя уговаривать.

– Чтобы я насладилась общением с сыном… Как же, как же! – воскликнула мама, как только за ними закрылась дверь. – Ведет себя, как юная барышня. Просто смешно.

– Влюбиться можно в любом возрасте, к тому же она счастлива.

– Она счастлива не потому, что влюблена, а потому, что за ней ухаживают.

– А ты сама могла бы начать новую жизнь? Ты достаточно долго носишь траур. Впустив в свой дом другого человека, ты не забудешь папу.

– Удивительно слышать такое от тебя! В моем доме не будет другого мужчины, кроме твоего отца. Он лежит в могиле, но остается со мной, я говорю с ним каждый день, когда просыпаюсь, вожусь на кухне, занимаюсь цветами на террасе, иду по дороге в деревню и

вечером, перед сном. Твоего отца больше нет, но я не одинока. Элена – другое дело, ей не повезло встретить такого человека, как мой муж.

– Лишний повод позволить ей флиртовать, согласна?

– Я желаю твоей тетке счастья, но не с другом моего сына. Возможно, я старомодна, но каждый имеет право на недостатки. Ей следовало увлечься другом Уолтера, который приходил навестить тебя.

Я сел на постели. Мама тут же принялась поправлять мне подушки.

– Что за друг?

– Не знаю, я видела его в коридоре несколько дней назад, ты еще спал. Мы не познакомились – когда я вошла, он как раз уходил. Высокий, статный, загорелый, очень элегантный. И лет на двадцать старше Элены.

– И ты даже предположить не можешь, кто он такой?

– Я едва его видела. Теперь отдыхай и набирайся сил. Давай сменим тему, я слышу воркование наших голубков в коридоре, они вот-вот войдут.

Элене с мамой нужно было поторопиться, чтобы успеть на паром. Уолтер проводил их до лифта и вернулся.

– Ваша тетушка поведала мне несколько уморительных эпизодов из вашего детства.

– Да уж, веселья тогда хватало!

– Вас что-то беспокоит, Эдриен?

– Мама сказала, что несколько дней назад какой-то ваш друг приходил навестить меня. Кто это был, Уолтер?

– Ваша матушка, должно быть, ошиблась. Наверное, это был один из посетителей, да, именно так, пожилой господин искал палату родственницы, я послал его в сестринскую.

– Думаю, я знаю, как достать паспорт Кейры.

– Вот это уже интересно, рассказывайте.

– Попросим помощи у ее сестры Жанны.

– Вы знаете, как с ней связаться?

– Да… вернее, нет, – смущенно ответил я.

– Так да или нет?

– Я до сих пор не рассказал ей о случившемся.

– За три месяца?

– Мне не хватило мужества сообщить ей о смерти Кейры по телефону, а ехать в Париж не было сил.

– Позорное малодушие! Вы хоть понимаете, как она волнуется? Но почему она сама не дала о себе знать?

– Случалось, Жанна и Кейра месяцами не общались.

– Вам следует как можно скорее ей позвонить, сегодня же, вам ясно, Эдриен?

– Нет, я должен с ней увидеться.

– Не смешите меня, вы прикованы к постели, а времени у нас нет, – возразил Уолтер, протягивая мне телефонную трубку. – Договоритесь со своей совестью и звоните немедленно.

Я так и сделал: как только Уолтер оставил меня одного, набрал номер музея на набережной Бранли. Жанна была на совещании, и соединить меня с ней отказались. Я снова и снова набирал номер, пока телефонистка не сказала, что упорствовать бесполезно. Я понимал, что Жанна просто не желает со мной разговаривать, обвиняя в молчании Кейры и в том, что я тоже не давал о себе знать. Я сделал последнюю попытку и объяснил, что должен немедленно поговорить с Жанной и что от этого зависит жизнь ее сестры.

– С Кейрой что-то стряслось? – прерывистым голосом спросила Жанна.

– С нами обоими, – ответил я с тяжелым сердцем. – Мне нужна ваша помощь, Жанна.

Я поведал ей нашу историю, опустив подробности трагического происшествия на Хуанхэ, сказал, что Кейра вне опасности, но из-за нелепой истории с документами ее арестовали и задерживают в Китае. Я не произнес слова «тюрьма», чувствуя, что каждое мое слово убивает Жанну, она едва сдерживала рыдания, да и я разволновался. Я не слишком хорошо умею врать, и Жанна почти сразу поняла, что ситуация куда хуже, чем я описываю. Она заставила меня несколько раз поклясться, что ее младшая сестра жива и здорова. Я пообещал привезти Кейру домой целой и невредимой и объяснил, что для этого нужно как можно скорее найти ее паспорт. Жанна понятия не имела, где он, но сказала, что немедленно отправится домой, перевернет все вверх дном и перезвонит.

Повесив трубку, я впал в тоску. После разговора с Жанной во мне снова проснулся страх за судьбу Кейры.

Никогда еще Жанна не перемещалась по Парижу с такой скоростью. Она трижды проехала на красный свет на набережных, едва не врезалась в грузовик, на мосту Александра III ее маленькую машину

занесло, и вокруг возмущенно загудели клаксоны. Жанна мчалась по отведенной для автобусов полосе, ехала по тротуару вдоль забитого автомобилями бульвара, чуть не сбила велосипедиста, но каким-то чудом все-таки добралась до дома.

В парадном она постучала в дверь консьержки и упросила ее помочь в поисках. Мадам Эрейра впервые видела Жанну в подобном состоянии. Лифт стоял на четвертом этаже, и они побежали по лестнице. В квартире Жанна велела консьержке обыскать гостиную и кухню, а сама занялась спальней. Они открывали все шкафы, вытряхивали содержимое ящиков. Через час в квартире царил такой разгром, какого не удалось бы учинить ни одному грабителю. Книги были сброшены с полок, кресла перевернуты, одежда валялась на полу. Они искали даже в постели, и Жанна начала терять надежду, но тут из прихожей донесся победный клич мадам Эрейры. Служившая письменным столом консоль являла собой печальное зрелище, но консьержка торжествующе размахивала книжечкой в бордовой обложке. Жанна схватила женщину в объятия и звонко расцеловала в обе щеки.

Уолтер вернулся в гостиницу, так что, когда Жанна позвонила, я был в палате один и попросил ее поговорить со мной, рассказать что-нибудь об их с Кейрой детстве. Жанна с радостью согласилась – она скучала по сестре так же сильно, как я, пообещала отослать паспорт экспресс-почтой, я продиктовал адрес афинской больницы, и в конце разговора она наконец спросила, как я себя чувствую.

День спустя, во время обхода, врачи задержались в моей палате дольше обычного. Заведующий отделением пульмонологии все еще не был уверен в диагнозе. Ни один врач не мог объяснить, почему легочная инфекция развивалась так стремительно. Поднимаясь на борт самолета, я превосходно себя чувствовал. Профессор сказал, что, не оповести бортпроводница командира и не прими тот решения повернуть назад, живым я бы до Пекина не долетел. Доктора точно знали, что это не вирус, однако видели подобные симптомы впервые в жизни. Впрочем, главным было то, что мой организм хорошо отреагировал на лечение. Я находился на волосок от смерти, но теперь худшее позади. Еще несколько дней, и можно будет вернуться к нормальной жизни. Завотделением пообещал выписать меня через

неделю. Врачи ушли, а мне принесли конверт от Жанны со спасительным документом и запиской.

«Привезите ее домой как можно скорее, полагаюсь на вас, она – моя семья».

Я сложил записку и раскрыл паспорт. На фотографии Кейра выглядела чуть моложе. Я начал одеваться.

Вошедший Уолтер застал меня в рубашке и трусах и поинтересовался, что это я делаю.

– Отправляюсь за ней, и даже не пытайтесь меня разубеждать, впустую потратите время.

Уолтер не только не стал тратить время попусту, но и помог мне сбежать. Он часто сетовал на то, что жизнь в больнице замирает, когда в Афинах начинается сиеста; теперь это оказалось нам на руку. Уолтер караулил в коридоре, пока я собирал вещи, а потом повел к лифтам, следя, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из медперсонала.

На пороге соседней палаты стояла маленькая девочка в пижаме с божьими коровками. Она помахала Уолтеру рукой.

– Привет, шалунья, – сказал он, – мама еще не пришла?

Уолтер обернулся, и я понял, что они с моей соседкой хорошо знакомы.

– Она часто наносила вам визиты, – сообщил он, подмигивая малышке. Та посмотрела на меня и звонко рассмеялась. Щеки у нее были румяные, как яблочки.

Мы успешно добрались до первого этажа, столкнувшись в лифте только с санитаром, но он на нас внимания не обратил. Когда двери кабины открылись в холле больницы, мы нос к носу столкнулись с мамой и тетушкой Эленой, и бегство превратилось в кошмар. Мама начала истерически кричать, спрашивая, почему я не в постели. Я взял ее за руку, умоляя выйти на улицу и не поднимать шума. Попроси я ее станцевать сиртаки посреди кафетерия, шансов на успех было бы больше.

– Врачи позволили ему немного прогуляться, – сказал Уолтер, пытаясь успокоить маму.

– И он зачем-то взял с собой сумку! Не морочьте мне голову, лучше найдите мне место в отделении гериатрии! – рявкнула она и повернулась к проходившим мимо санитарам. Я угадал ее намерение: схватить меня и вернуть в палату, если понадобится – силой.

Я посмотрел на Уолтера, и мы поняли друг друга без слов. Мама завопила, а мы рванули к дверям и успели выскочить наружу прежде, чем охранники среагировали на мамины призывы поймать меня.

Я был не в лучшей форме и на углу улицы сильно закашлялся, стало трудно дышать, грудь жгло, сердце колотилось как безумное. Уолтер обернулся, увидел бегущих к нам охранников и проявил редкостное присутствие духа и изобретательность. Он захромал к ним и сказал, что его сбили с ног два типа, побежавшие на прилегающую к больнице улицу. Охранники кинулись в погоню, Уолтер подозвал такси, и мы уехали.

По дороге он был так молчалив, что я даже забеспокоился, не понимая, что могло повергнуть его в такое уныние.

Номер Уолтера стал нашим генеральным штабом, где мы готовились к моему путешествию. Кровать была достаточно широкой для нас обоих: Уолтер уложил по всей длине валик, размежевав территорию. Я отдыхал, а он проводил дни у телефона, время от времени выходя – проветриться, по его собственным словам. Со мной он почти не разговаривал.

Не знаю, каким чудом Уолтер за сорок восемь часов получил для меня китайскую визу. Я раз сто поблагодарил его, не переставая тревожиться: со дня нашего побега из больницы он очень изменился.

В один из вечеров – мы ужинали в номере, и Уолтер включил телевизор, чтобы не общаться со мной, – я отнял у него пульт и нажал на кнопку выключения.

– За что вы на меня дуетесь?

Уолтер вырвал у меня пульт и снова включил телевизор.

Я поднялся, выдернул вилку из розетки и встал перед ним:

– Если я что-то сделал не так, давайте выясним все раз и навсегда.

Уолтер долго молча смотрел на меня, а потом ушел в ванную, так и не промолвив ни слова.

Я стучал в дверь, но он не захотел открыть и появился через несколько минут в клетчатой пижаме, объявив, что, если я посмею пошутить насчет расцветки его ночного наряда, спать буду на лестнице, после чего лег, накрылся и погасил свет, не пожелав мне спокойной ночи.

– Уолтер, – произнес я в темноте, – чем я провинился, что случилось?

– А то, что иногда помогать вам становится очень утомительно.

В наступившей тишине я вдруг понял, что по-настоящему так и не поблагодарил его за все, что он сделал для меня за последнее время. Неблагодарность оскорбила его, за что я и извинился. Уолтер ответил в том смысле, что ему плевать на мои извинения, но он будет рад, если я сумею добиться прощения за наше поведение у моей матери, а главное – у тетушки. Сказав это, он снова отвернулся и замолчал.

Я зажег свет и сел.

– Ну что еще? – спросил Уолтер.

– Вы действительно всерьез увлечены Эленой?

– Что вам за дело? Вы не думаете ни о ком, кроме Кейры, вас волнуют только ваша жизнь и ваши дела. Если не поиски и не дурацкие камни, то здоровье; если не здоровье, то археология, и всякий раз вы зовете на помощь Уолтера. Уолтер туда, Уолтер сюда, а когда Уолтер пытается излить душу, вы посылаете его к черту. И не говорите, что мои чувства вас интересуют. В тот единственный раз, когда я хотел поговорить об этом, вы подняли меня на смех!

– Уверяю вас, Уолтер, я этого совсем не хотел.

– Но сделали! Теперь я могу немножко поспать?

– Нет, пока мы не закончим разговор.

– Какой разговор? – вспылил Уолтер. – Это не разговор, а монолог – ваш монолог!

– Уолтер, вы влюблены в мою тетку?

– Я удручен тем, что опечалил ее, когда помог вам сбежать из больницы. Такой ответ вас устраивает?

Я потер подбородок и несколько минут молча размышлял.

– Если мне удастся полностью обелить вас и получить для вас прощение, вы перестанете дуться?

– Действуйте, там будет видно!

– Займусь этим завтра, с раннего утра.

Уолтер перестал хмуриться и даже удостоил меня улыбки, отвернулся к стене и погасил свет.

Не прошло и пяти минут, как он снова зажег бра и рывком сел на кровати:

– Почему бы не извиниться сегодня вечером?

– Хотите, чтобы я прямо сейчас позвонил Элене?

– Сейчас только десять вечера. Я сделал для вас китайскую визу за два дня, надеюсь, вы сумеете добиться для меня прощения вашей тетки

за один вечер…

Я встал, набрал мамин номер и минут пятнадцать молча слушал ее упреки. Когда слова иссякли, я спросил, что бы сделала она, узнав, что моему отцу на другом конце света грозит опасность. Мама долго держала паузу, и я, даже не видя ее лица, знал, что она улыбается. Потом она пожелала мне счастливого пути, попросила поскорее вернуться и пообещала приготовить несколько блюд, достойных торжественной встречи по случаю возвращения Кейры из Китая.

Мама уже собиралась повесить трубку, когда я вспомнил, зачем звоню, и попросил позвать Элену. Тетушка уже ушла в комнату для гостей, но я уговорил маму разбудить ее.

Элена нашла наш побег чрезвычайно романтичным, сказала, что Уолтер – редкий друг, если решился так рисковать, и заставила меня поклясться, что мама никогда не узнает о нашем разговоре.

Я вернулся к нервно метавшемуся по ванной комнате Уолтеру.

– Итак? – с тревогой спросил он.

– Итак, я полечу в Пекин, а вы поплывете на выходные на Гидру. Моя тетка будет ждать вас в гавани, вы поведете ее ужинать и закажете мусаку – это ее маленькая слабость, но я вам ничего не говорил.

На сем, совершенно выдохшись, я погасил свет.

В пятницу Уолтер отвез меня в аэропорт. Самолет взлетел по расписанию. Я наблюдал в иллюминатор, как тает под крылом Эгейское море, и испытывал странное ощущение дежавю. Через десять часов я буду в Китае…

Пекин

Я прошел таможню и сел в самолет до Чэнду.

В аэропорту меня ждал присланный властями молодой переводчик. Он отвез меня в суд. Я сидел на неудобной жесткой скамье и ждал приема у судьи, занимавшегося делом Кейры. Так прошло несколько часов. Всякий раз, когда я клевал носом, поскольку почти сутки провел без сна, сопровождающий давал мне локтем тычка под ребра и вздыхал, показывая, сколь неуместно подобное поведение в этом священном месте. В конце рабочего дня дверь наконец открылась и из кабинета вышел коренастый человек со стопкой папок под мышкой. На меня он не обратил ни малейшего внимания. Я вскочил и побежал следом, к вящему ужасу моего переводчика, который подхватил свои вещи и помчался за нами.

Китаец остановился и смерил меня взглядом, как диковинную зверушку. Я начал объяснять, что приехал предъявить ему паспорт Кейры, чтобы он отменил вынесенный приговор и подписал бумаги на ее освобождение. Переводчик старался как мог, но дрожащий голос выдавал страх перед высоким чином. Судья терял терпение. Мне не было назначено, он назавтра улетал в Пекин за новым назначением, должен был закончить дела и не мог говорить со мной.

Я вышел из себя – усталость брала свое – и преградил ему путь.

– Вам обязательно проявлять жестокость и равнодушие, чтобы заставить себя уважать? Просто вершить правосудие недостаточно? – спросил я.

Мой провожатый изменился в лице, смертельно побледнел, категорически отказался переводить и оттащил меня в сторону:

– Вы окончательно утратили рассудок? Не знаете, с кем говорите подобным тоном? Если я переведу то, что вы сказали, ночевать в тюрьме будем мы с вами.

Увещевания не возымели действия, я оттолкнул его, кинулся за удалявшимся по коридору законником и снова заступил ему дорогу:

– Когда откроете сегодня вечером шампанское, чтобы отпраздновать с женой повышение по службе, скажите ей: я стал таким могущественным и важным, что судьба невинной женщины больше меня не волнует. Когда будете есть пирожки, подумайте о ваших детях,

поговорите с ними о чувстве чести, о моральном достоинстве, о самоуважении, о том мире, который оставите им в наследство, о том мире, в котором ни в чем не виноватые женщины могут гнить в тюрьме, поскольку судьям недосуг вершить правосудие, передайте им все это от моего имени и помните о нашем с Кейрой незримом присутствии!

Переводчик пытался силой оттащить меня, умоляя замолчать. Судья взглянул на нас и наконец-то снизошел до разговора:

– Я учился в Оксфорде и свободно владею вашим языком. Ваш переводчик прав – вы дурно воспитаны, но смелости вам не занимать.

Он взглянул на часы:

– Дайте мне паспорт и ждите здесь, я вами займусь.

Он выхватил у меня из рук документы Кейры и торопливо направился назад в свой кабинет. Пять минут спустя за моей спиной появились полицейские, надели на меня наручники и увели *manu militari*[1]. Совершенно растерявшийся переводчик семенил следом, обещая утром оповестить о случившемся посольство. Агенты приказали ему отойти и, не церемонясь, втолкнули меня в тюремный фургон. После трех часов тряски по ухабам я попал во двор тюрьмы Гартар, в которой не оказалось ни капли той монастырской величественности, которая привиделась мне в кошмарах.

У меня отобрали сумку, часы и ремень, сняли наручники и под конвоем отвели в камеру, где я познакомился с товарищем по несчастью, совершенно беззубым китайцем лет шестидесяти. Мне хотелось узнать, за какое преступление он попал в Гартар, но мы вряд ли сумели бы объясниться. Он занимал верхнюю койку, я лег внизу, и все было в порядке, пока по коридору не начала прогуливаться жирная крыса. Я не знал, какая судьба мне была уготована, но мы с Кейрой воссоединились, пусть и в тюрьме, и эта мысль помогала мне держаться в мрачном месте, где все звезды были красными и красовались они на фуражках тюремщиков.

Час спустя дверь открылась, и мы с сокамерником последовали за другими заключенными в столовую. В огромном зале цвет моей кожи произвел фурор. Все глазели на меня со своих мест, я готовился к худшему, но, вволю натешившись, заключенные вернулись к еде, если таковой можно было назвать пиалу бледного бульона с горсткой риса и несколькими волоконцами вареной говядины. Я взглянул поверх голов на другую, отделенную решеткой половину зала, где обедали

арестантки. Сердце забилось сильнее – Кейра наверняка сидела где-то среди этих женщин. Как дать ей знать, что я здесь, не привлекая внимания охранников? Разговаривать было запрещено: моего соседа по столу наградили ударом дубинки по затылку только за то, что попросил соседа передать ему солонку. Я пытался угадать, как накажут меня, потом не выдержал, вскочил, выкрикнул «Кейра!» и тут же сел.

Наступила гробовая тишина. Охранники оглядывали ряды столов, но так и не смогли определить, кто осмелился нарушить правила. А потом вдруг в этой мертвой тишине родной голос позвал меня по имени: «Эдриен».

Все заключенные-мужчины как по команде повернули головы и взглянули на женскую половину, то же сделали охранники и охранницы.

Я встал и пошел к решетке, ты поступила так же. Мы двигались по залу, от стола к столу, в абсолютной тишине.

Охранники были так потрясены, что ни один не шелохнулся.

Мужчины хором выкрикнули «Кейра», женщины в унисон ответили «Эдриен».

До тебя оставалось несколько метров. Ты была очень бледна и беззвучно плакала. Чувства переполняли нас, и мы переплели пальцы, не думая о неотвратимом наказании. В столовой китайской тюрьмы я признался тебе в любви, и ты ответила, что тоже меня любишь. Потом ты спросила, что я тут делаю. Пришел освободить тебя. «Сев в тюрьму?» Под влиянием эмоций я забыл об этой незначительной детали. Времени додумать мысль до конца мне не дали: удар дубинкой по ногам, второй по почкам – и я уже валяюсь на полу. Охранники потащили меня прочь, ты выкрикивала мое имя, я – твое.

Гидра

Уолтер извинился перед Эленой: особые обстоятельства, он ждет новостей из Китая и только поэтому не выключил телефон. Она воскликнула, что он должен немедленно ответить, и Уолтер спустился с террасы ресторана. Звонил Айвори:

– Нет, по-прежнему ничего. Его самолет приземлился в Пекине, и на том спасибо. Если мои расчеты верны, в этот час он посетил следователя и едет в тюрьму; возможно, они с Кейрой уже встретились. Дадим им насладиться друг другом, они это заслужили. Только представьте, как счастливы эти двое! Позвоню, как только Эдриен со мной свяжется.

Уолтер вернулся за стол.

– Увы, – сказал он Элене, – всего лишь коллега из Академии.

За десертом они вернулись к прерванной беседе.

Тюрьма Гартар

Проявленная в столовой дерзость обеспечила мне симпатии заключенных. Я шел по коридору, а они хлопали меня по плечу, протягивая руки между прутьями. Сосед по камере угостил меня сигаретой – ценнейший подарок по тюремным меркам. Я закурил и немедленно зашелся кашлем, ужасно насмешив моего нового товарища.

Матрас на деревянных нарах был едва ли толще одеяла, и боль от ударов дубинкой напомнила о себе, стоило мне лечь, но усталость взяла свое, и я провалился в сон. Всю эту беспокойную ночь мне снилось лицо Кейры.

Наутро звук гонга наполнил стены тюрьмы, будя заключенных. Мой сокамерник встал с койки и натянул висевшие на спинке штаны и носки.

Охранник открыл дверь камеры, сосед взял миску и вышел в коридор. Мне было приказано остаться. Я понял, что наказан за вчерашнее, и впал в уныние: с Кейрой мы не увидимся.

Я не находил себе места, не зная, как наказали ее. Перед глазами стояло бледное, исхудавшее лицо Кейры, и я, законченный атеист, опустился на колени и как ребенок просил доброго Боженьку избавить любимую женщину от карцера.

Со двора доносились голоса выведенных на прогулку заключенных. Меня лишили и этой жалкой привилегии. Я взобрался на табурет, встал на цыпочки, надеясь разглядеть Кейру через узкое окошко. Построенные в шеренги заключенные маршировали по внутреннему двору. У меня закружилась голова, и я рухнул на пол, а когда поднялся, двор был пуст.

Солнце стояло высоко в небе, время, должно быть, близилось к полудню. Вряд ли меня решили уморить голодом, чтобы научить покорности и дисциплине. На помощь переводчика я не рассчитывал, а вот Жанна… Я звонил ей перед вылетом из Афин и пообещал вновь с ней связаться, когда будут новости – как раз сегодня. Возможно, она поймет, что со мной что-то случилось, и догадается предупредить оба посольства.

Я уже совершенно пал духом, когда в коридоре раздались шаги. Охранник вытолкнул меня из камеры и провел по металлическим

лестницам в кабинет, где накануне у меня отобрали вещи. Мне вернули все, включая ремень, заставили подписать формуляр и тут же вывели во двор. Через пять минут ворота тюрьмы захлопнулись за моей спиной: я был свободен. Дверца одной из машин на стоянке для посетителей распахнулась, и появился мой переводчик.

Я поблагодарил его за вызволение и попросил прощения за то, что сомневался в нем.

– Я тут ни при чем, – сказал он. – Когда вас увели, судья вышел из кабинета и попросил меня забрать вас отсюда в полдень. Он надеется, что проведенная в тюрьме ночь научит вас учтивости. Я только передаю его слова.

– А как же Кейра? – спросил я.

– Обернитесь, – спокойно ответил переводчик.

Ворота распахнулись, и появилась ты, сняла с плеча узелок с вещами, уронила его на землю и подбежала ко мне.

Я никогда не забуду тот миг, когда мы обнялись перед тюрьмой Гартар. Я едва не задушил тебя, но ты смеялась, и мы кружились, опьянев от счастья. Переводчик тщетно покашливал, переминаясь с ноги на ногу и умоляя нас взять себя в руки: никакая сила не могла разомкнуть наших объятий.

Между поцелуями я просил прощения за то, что втянул тебя в эту безумную авантюру. Ты прикрыла мне рот ладонью и прошептала:

– Ты здесь, ты пришел за мной.

– Я обещал, что верну тебя в Аддис-Абебу, не забыла?

– Я вырвала у тебя это обещание, но ужасно рада, что ты о нем не забыл.

– Как ты все это вынесла?

– Не знаю, время тянулось долго, чудовищно долго, но я использовала его, чтобы подумать, больше делать было нечего. Сейчас ты меня в Эфиопию не увезешь, потому что я, кажется, знаю, где искать следующий фрагмент, и он не в Африке.

Мы сели в машину переводчика, доехали до Чэнду и улетели в Пекин. Там ты ему пригрозила, что останешься в Китае, если он не отвезет нас в гостиницу, чтобы принять душ. Он посмотрел на часы и сказал, что дает нам час. Один час вдвоем, один час наедине с тобой.

Номер 409. Я сижу у окна за маленьким письменным столом, передо мной простирается Пекин, но красоты пейзажа ничуть меня не волнуют, я хочу смотреть только на кровать, где лежишь ты. Время от

времени ты открываешь глаза и потягиваешься, говоришь, что никогда не понимала, какое это счастье – лежать на чистых простынях. Ты хватаешь подушку, кидаешь мне в голову, и я снова хочу тебя.

Переводчик, должно быть, исходит ядовитой слюной, прошел не час, а гораздо больше времени. Ты встаешь и идешь в ванную, я смотрю тебе вслед, ты обзываешь меня вуайеристом, и я не спорю. Я замечаю шрамы у тебя на спине и ногах. Ты оборачиваешься, и я по глазам понимаю, что говорить об этом не следует, не сейчас. Ты включаешь душ, шум воды придает мне сил и не дает тебе услышать мой кашель, навязчивый, как дурное воспоминание. Кое-что уже никогда не будет таким, как прежде; в Китае я утратил делавшую меня сильным невозмутимость. Я боюсь оставаться один в этой комнате даже на несколько мгновений, даже отделенный от тебя тонкой перегородкой, но теперь могу себе в этом признаться, могу встать и пойти к тебе и произнести все это вслух.

В аэропорту я сдержал другое обещание: пройдя регистрацию, мы сразу направились к телефонной кабине, чтобы позвонить Жанне.

Не знаю, кто из вас начал первой, но ты заплакала, стоя посреди огромного зала. Ты смеялась и всхлипывала, заливаясь слезами.

Минуты бегут, нам пора на посадку. Ты говоришь Жанне, что любишь ее и позвонишь из Афин.

Повесив трубку, ты снова начинаешь рыдать, и мне едва удается тебя успокоить.

Кажется, наш переводчик вымотался больше нас. Когда мы прошли паспортный контроль, на его лице отразилось счастливое облегчение. Он был так рад избавиться от нас, что долго махал нам из-за стекла.

Мы поднимались по трапу в полной темноте. Ты устроилась в кресле, прижалась виском к стеклу иллюминатора и мгновенно уснула.

На подлете к Афинам мы попали в зону турбулентности. Ты взяла мою руку и сильно сжала, как будто испугалась. Я решил отвлечь тебя и достал найденный на Наркондаме фрагмент.

– Ты сказала, что предполагаешь, где могут находиться другие части.

– Самолеты и правда выдерживают такую тряску?

– Нет ни малейших причин для волнения. Так что там с этим фрагментом?

Ты достаешь кулон свободной рукой, другой все сильнее сжимаешь мои пальцы. Мы не сразу решаемся соединить их, а потом воздушная яма и вовсе отбивает у нас это желание.

– Я все тебе расскажу, когда мы окажемся на земле, – жалобным голосом произносишь ты.

– Хотя бы намекни.

– Крайний Север, где-то между морем Баффина и морем Бофорта, территория в несколько тысяч километров, подробно объясню потом, но сначала мы поедем на твой остров.

Гидра

В Афинах мы взяли такси и через два часа сели на паром до Гидры. Ты устроилась в каюте, а я остался на палубе.

– Только не говори, что тебя укачивает…

– Люблю дышать морским воздухом.

– Ты дрожишь от холода, но хочешь остаться здесь? Признавайся, в морской болезни нет ничего постыдного. Почему ты не можешь сказать правду?

– Потому что грек, которого укачивает, – это неполноценный грек, и нечего смеяться.

– Кое-кто давеча смеялся надо мной из-за того, что я боюсь летать…

– Никто над тобой не смеялся! – Я перегнулся через перила.

– У тебя лицо серо-зеленое, ты замерз, вернемся в каюту, иначе заболеешь.

Я снова закашлялся и перестал сопротивляться, чувствуя, что лихорадка вернулась, думать об этом не хотелось – я был счастлив, что везу тебя на свой остров, и не мог позволить болезни испортить это мгновение.

Я позвонил маме только из Пирея и теперь представлял, какой поток жалоб и упреков обрушится на мою голову. Я умолял не устраивать шумного застолья, объяснив, что мы совершенно вымотались и мечтаем об одном – выспаться всласть.

Мама ждала нас в доме. Я впервые видел ее такой озабоченной, а наш с Кейрой вид ее просто напугал. Она приготовила для нас легкий ужин на террасе, поскольку тетушка Элена решила остаться в деревне и не мешать нам. За столом мама засы́пала нас вопросами, хотя я делал ей страшные глаза, чтобы она на тебя не наседала. Ты включилась в игру и охотно ей отвечала. Новый приступ кашля положил конец застолью. Мама проводила нас в мою комнату. Мы легли на пахнущие лавандой простыни и уснули под шум бьющихся о скалы волн.

На заре ты проснулась и на цыпочках вышла из комнаты – тюрьма отучила тебя долго нежиться в постели. Я был слишком слаб и не мог

последовать за тобой. Из кухни доносились ваши с мамой оживленные голоса, и я снова заснул.

Потом я узнал, что после полудня на остров приехал Уолтер.

Элена позвонила ему накануне, чтобы предупредить о нашем возвращении, и он сразу же сел в самолет. Позже он признался, что перелеты из Лондона на Гидру и обратно значительно истощили его сбережения.

Около трех Уолтер, Элена, Кейра и моя мать вошли в комнату. Лица у всех были озабоченные: выглядел я действительно неважно, а из-за жара чувствовал себя совсем плохо. Мама положила мне на лоб компресс, смоченный в отваре из листьев эвкалипта. Одно из ее излюбленных средств, которое, увы, было не в силах победить мою болезнь. Несколько часов спустя мне нанесла визит женщина, с которой я надеялся больше не встретиться, но, на мое счастье, Уолтер имел привычку все записывать и листок с номером телефона «летучей» докторши нашелся между страничками его маленького черного блокнота. Доктор София Шварц села на край кровати и взяла мою руку:

– На сей раз вы, к сожалению, не симулируете. Температура просто зашкаливает, бедный мой друг.

Она послушала мои легкие и сообщила, что у меня рецидив легочной инфекции, так что подозрения матери подтвердились. София сказала, что предпочла бы отвезти меня в Афины, причем немедленно, но погода испортилась, начинался шторм, так что даже ее маленький самолет не мог взлететь. Впрочем, в таком состоянии меня все равно нельзя было перевозить.

– На войне как на войне, – сказала она Кейре, – будем справляться подручными средствами.

Шторм длился три дня. Семьдесят два часа мелтем[2] дул над островом. Могучий ветер Киклад[3] гнул деревья, дом трещал, с крыши свалилось несколько кусков черепицы. Я лежал в своей комнате и слушал рев прибоя.

Мама устроила Кейру в комнате для гостей, но как только свет в доме гас, она перебиралась ко мне и ложилась рядом. В редкие моменты отдыха ее сменяла доктор София. Дважды в день, перебарывая страх, Уолтер садился на ослика и тащился на холм, чтобы навестить меня. Он входил в комнату, вымокший с головы до ног, садился на стул и повторял, как благословенна эта буря. В гостевом

доме, где он поселился, ветром сорвало часть крыши, и Элена предложила приютить его. Я был в ярости, что испортил Кейре первое свидание с моим островом, но присутствие близких людей помогло осознать, что с одиночеством, пережитым на высокогорных плато Атакамы, покончено навсегда.

На четвертый день мелтем стих, а с ним ушла и лихорадка.

Амстердам

Вакерс перечитывал почту. В дверь коротко постучали. Он никого не ждал и машинальным жестом выдвинул ящик. Вошел мрачный Айвори.

– Могли бы сообщить, что вы в городе, я бы послал в аэропорт машину.

– Я ехал «Талисом»[4], мне нужно было кое-что дочитать.

– Я не распорядился насчет ужина… – Вакерс незаметно задвинул ящик.

– Вижу, вы все так же невозмутимо спокойны, – со вздохом произнес Айвори.

– Мало кто посещает меня во дворце и практически никогда – без предупреждения. Идемте ужинать, а потом сядем за шахматы.

– Я приехал не играть, мне нужно с вами поговорить.

– Какая серьезность! У вас озабоченный вид, друг мой.

– Простите за неожиданный визит, но у меня были на то причины, которые я хотел бы с вами обсудить.

– Неподалеку есть хороший ресторанчик, мы поговорим по дороге.

Вакерс надел плащ. Они прошли через большой зал, где на мраморном полу была выложена гигантская планисфера. Айвори остановился, чтобы взглянуть на лежавшую под ногами карту мира.

– Поиски возобновятся, – торжественным тоном объявил он.

– Не говорите, что удивлены. Мне кажется, вы все для этого сделали.

– Надеюсь, что не пожалею о своем упорстве.

– Откуда такая мрачность? Я вас не узна́ю, вы ведь так любите нарушать установленный порядок. Ваши действия спровоцируют тот еще хаос, вам понравится. Интересно, чем вы руководствуетесь – хотите выяснить истину о происхождении мира или мечтаете отомстить былым обидчикам?

– Думаю, вначале мною двигали оба побуждения, но теперь я не одинок в своих поисках, те, кого я вовлек в дело, рисковали и рискуют своими жизнями.

– Это вас пугает? Вы ужасно постарели за последнее время.

– Страх ни при чем, передо мной дилемма.

– Не то чтобы этот роскошный вестибюль мне не нравился, мой дорогой друг, но подобный разговор лучше вести там, где акустика похуже. Пойдемте.

Вакерс повел Айвори в западную часть зала, к скрытой в каменной стене двери, они спустились по лестнице в подземелье дворца и пошли по деревянным мосткам над подземным каналом. Пахло сыростью, ступеньки были скользкие.

– Смотрите под ноги, не хочу, чтобы вы упали – вода холодная и очень грязная. Не отставайте, – велел Вакерс, зажигая фонарь.

Они миновали балку с секретным механизмом, открывавшим проход в компьютерный зал.

– Ну вот, еще несколько шагов, – сказал он Айвори, – и мы попадем во дворик. Не знаю, видел кто-нибудь, как вы входили, или нет, но как выйдете, точно никто не заметит.

– Поразительный лабиринт, один я бы здесь потерялся.

– Мы могли выбрать проход к Ниуве-Кёрк, но там ужасно сыро и мы наверняка промочили бы ноги.

Вакерс толкнул дверь, и они оказались на свежем воздухе. Ледяной ветер пробрал их до костей, и Айвори поднял воротник пальто. Друзья пошли вверх по Хоогстраат, вдоль канала.

– Так что вас беспокоит? – спросил Вакерс.

– Мои протеже нашлись.

– Это хорошая новость. После шутки, которую мы сыграли с сэром Эштоном, следует праздновать, а не сидеть с постными лицами.

– Сомневаюсь, что он это проглотит.

– Вы перегнули палку, заявившись к нему домой и бросив ему вызов. Я вас предупреждал.

– Мы не могли деликатничать, девушка должна была как можно скорее обрести свободу. Она и так слишком долго гнила за решеткой.

– Тюремные решетки не позволяли Эштону до нее добраться, обеспечивая тем самым безопасность вашего астрофизика.

– Этот психопат покушался на Эдриена.

– У вас есть доказательства?

– Я уверен, это его люди отравили Эдриена! В аллеях парка вокруг его особняка растет много белладонны. Ягоды этого растения вызывают тяжелые легочные расстройства.

– Уверен, у многих людей в садах растет белладонна, но они не серийные убийцы.

– Мы оба знаем, на что способен этот человек, Вакерс. Возможно, я действовал слишком жестко, но не импровизировал, я искренне полагал…

– Вы полагали, что поиски пора возобновить! Послушайте, Айвори, ваши мотивы мне понятны, но продолжать работу очень опасно. Если ваши подопечные начнут искать новый фрагмент, мне придется проинформировать остальных, иначе меня точно обвинят в предательстве.

– У Эдриена сейчас обострение, они с Кейрой приходят в себя в Греции.

– Пусть отдыхают как можно дольше.

Айвори и Вакерс поднялись на перекинутый через канал мост. Айвори остановился и облокотился на перила.

– Люблю это место. – Вакерс вздохнул. – По-моему, это самый красивый вид в Амстердаме. Взгляните, какая чудесная перспектива.

– Мне необходима ваша помощь, Вакерс. Вы верны соратникам, и я никогда не попрошу вас предать их, но, как свидетельствует прошлое, рано или поздно будут заключены союзы. Сэр Эштон перечтет всех своих врагов…

– Как и вы, Айвори, как и вы… Не занимая места за столом, вы захотите, чтобы я стал проводником ваших идей, тем, кто перетянет на свою сторону большинство. Вы ведь именно этого от меня ждете?

– Этого, – вздохнул Айвори, – и не только.

– Чего же еще? – удивился Вакерс.

– Мне необходимы средства, доступ к которым я утратил.

– Какого рода средства?

– Ваш компьютер, чтобы выйти на сервер.

– Нет, не могу, нас тут же засекут, и я буду скомпрометирован.

– Только если не согласитесь поставить одну маленькую штучку на свою машину.

– Что за штучка?

– Приборчик, позволяющий установить неотслеживаемую связь.

– Вы недооцениваете группу. На нас работают лучшие молодые программисты, некоторые из них – в прошлом – опасные хакеры.

– Мы оба играем в шахматы лучше любого молодого гроссмейстера, уж вы мне поверьте, – сказал Айвори, протягивая Вакерсу коробочку.

Тот бросил на нее брезгливый взгляд:

– Хотите поставить меня на прослушку?

– Всего лишь хочу воспользоваться вашим паролем, чтобы получить доступ к Сети. Клянусь, вы ничем не рискуете.

– Если меня заподозрят, могут арестовать и отдать под суд.

– Ответьте без уверток: я могу на вас рассчитывать?

– Я подумаю и сообщу вам о своем решении. Но аппетит я уже потерял.

– А у меня его и не было, – признался Айвори.

– Дело того стоит? Каковы шансы на успех? – со вздохом спросил Вакерс.

– В одиночку они не преуспеют, но, если я передам им всю накопленную за тридцать лет информацию, недостающие фрагменты могут быть найдены.

– У вас есть идея насчет того, где их следует искать?

– Видите, Вакерс, совсем недавно вы сомневались в самом факте их существования, а теперь спрашиваете, где именно они спрятаны.

– Вы не ответили на вопрос.

– А по-моему, ответил.

– Так где же они?

– Первый был найден в центре, второй – на юге, третий – на востоке, догадайтесь сами, где лежат два последних. Подумайте о моей просьбе, Вакерс, знаю, это небезопасно, и понимаю, как вы рискуете, но без вас я бессилен.

Айвори махнул на прощание рукой и пошел прочь, но Вакерс догнал его:

– Вы же не думаете уйти, не сыграв со мной партию?

– У вас найдется что перекусить?

– Кажется, в холодильнике есть сыр, а в буфете тосты.

– Недурная закуска к бокалу вина… Готовьтесь к проигрышу, я собираюсь взять реванш!

Афины

Мы с Кейрой сидели на террасе.

Благодаря усилиям докторши я набирался сил, и сегодняшняя ночь обошлась без приступов кашля. К вящей радости мамы, на мое лицо вернулись краски. Докторша осмотрела заодно и Кейру и прописала ей травяные настои и витамины, чтобы окончательно избавиться от последствий пребывания в тюрьме.

Море успокоилось, ветер стих, так что самолет нашего врача мог взлететь.

На прощание мама приготовила королевский завтрак. Они очень сблизились с Софией, пока я был совсем плох, сидели на кухне или в гостиной, рассказывали друг другу истории из жизни, делились воспоминаниями. Мама восхищалась этой женщиной, бесстрашно летавшей с острова на остров по вызовам своих пациентов и не раз рисковавшей жизнью. Прощаясь, София заставила меня пообещать, что я еще несколько дней отдохну, чтобы окончательно поправиться. Мама попросила ее повторить этот совет – на случай, если я не расслышал, – а потом отправилась провожать доктора в порт, оставив нас с Кейрой наедине.

Кейра села рядом и прижалась ко мне.

– Гидра – прелестный остров, Эдриен, твоя мама – чудесная женщина, мне все здесь нравится, но…

– Моему терпению тоже пришел конец, и я тоже мечтаю сбежать отсюда. Ну что, легче стало?

– О да! – вздохнула Кейра.

– Мы сбежали из китайского застенка, значит, и отсюда смоемся без особого труда.

Кейра устремила взгляд на море.

– Что с тобой?

– Я сегодня видела во сне Гарри.

– Хочешь туда вернуться?

– Хочу снова его увидеть. Гарри не впервые мне снится, он часто навещал меня по ночам в тюрьме Гартар.

– Вернемся в долину Омо, я ведь обещал, что отвезу тебя туда.

– Не уверена, что меня там ждут, да и поиски наши бросать нельзя.

– Они нам слишком дорого обошлись, и я больше не хочу подвергать тебя опасности.

– Не обижайся, но из Китая я вернулась в лучшей форме, чем ты, хотя принимать решение все равно должны мы оба.

– Моя точка зрения тебе известна.

– Где твой фрагмент?

Я подошел к ночному столику, выдвинул ящик, достал камень и вернулся на террасу. Кейра сняла с шеи цепочку с кулоном, положила на стол, сложила два фрагмента вместе, и чудо, свидетелями которого мы стали на острове Наркондам, повторилось.

Цвет фрагментов стал сине-лазоревым, и они ярко засветились.

– Хочешь на этом остановиться? – спросила Кейра, глядя на угасающее мерцание камней. – Если я вернусь в долину Омо, не разгадав эту тайну, не смогу работать в полную силу, буду дни напролет думать, что́ открыл бы нам этот предмет, собери мы все фрагменты. И вообще – одно обещание не отменяет другого: ты обещал, что я продвинусь в исследованиях на сотни тысяч лет. Так вот – я не забыла!

– Я помню все свои обещания, Кейра, но это было *до* того, как на наших глазах убили священника, и *до* того, как мы едва не свалились в пропасть, а также *до* того, как мы упали со скалы в реку, после чего ты оказалась в китайской тюрьме! Но главное – мы не знаем, в каком направлении искать.

– На Крайнем Севере: точнее не скажу, но это уже ниточка.

– Почему там, а не где-нибудь еще?

– Да потому, что это направление указывает текст на геэзе. Я все время об этом думала, пока сидела в Гартаре. Нужно вернуться в Лондон, я должна попасть в библиотеку Академии и пообщаться с Максом, у меня есть к нему вопросы.

– Хочешь вернуться к своему издателю?

– Не дуйся, это просто смешно. Я не сказала, что хочу увидеться с ним – только поговорить. Он работал над переводом рукописи и, возможно, что-то нашел, нам пригодится любая информация. Я хочу кое-что проверить.

– Тогда возвращаемся, Лондон – хороший предлог сбежать с Гидры.

– Если не возражаешь, давай заскочим в Париж.

– Чтобы увидеться с Максом?

– С Жанной! И с Айвори.

– Я полагал, что старый профессор покинул музей и отправился в путешествие.

– Я тоже отправилась в путешествие, а потом, как видишь, вернулась. Может, он тоже уже дома, а?

Кейра пошла собирать вещи, а я готовить мою мать к мысли о скором расставании. Уолтер расстроился, узнав о нашем отъезде. Он израсходовал отпуск за два года, но надеялся провести конец недели на Гидре. Я предложил ему не менять планов и встретиться со мной на следующей неделе в Академии, где я решил появиться. На сей раз я не позволю Кейре вести поиски одной, особенно после того, как она изъявила желание «заскочить» в Париж. Я взял два билета до Парижа.

Амстердам

Айвори задремал на диванчике в гостиной. Вакерс прикрыл его пледом и ушел к себе. Он лег, но долго не мог уснуть, размышляя, как поступить. Старый друг нуждался в помощи, но пойти ему навстречу означало скомпрометировать себя. Быть уличенным в предательстве за несколько месяцев до отставки не лучшая перспектива. Он встал рано и приготовил завтрак. Свисток чайника разбудил Айвори.

– Короткая вышла ночь, не так ли? – спросил он, устраиваясь за кухонным столом.

– Это еще слабо сказано, – кивнул Вакерс, – но наш поединок того стоил.

– Я не заметил, как отключился, со мной это впервые. Сожалею, что навязал вам свое присутствие.

– Бросьте, дружище, надеюсь, старик «Честерфилд» не показался вам слишком жестким.

– Думаю, он будет помоложе меня, – ухмыльнулся Айвори.

– Не льстите себе, диван перешел ко мне по наследству от отца.

За столом повисло молчание. Айвори пристально взглянул на Вакерса, допил чай, съел тост и встал.

– Не стану дольше злоупотреблять вашим гостеприимством и вернусь в гостиницу.

Вакерс молча смотрел, как Айвори идет к двери.

– Благодарю вас за чудесный вечер, друг мой, – продолжил Айвори, беря пальто, – выглядим мы оба ужасно, но никогда еще игра не была такой захватывающе интересной.

Он застегнул пуговицы и сунул руки в карманы. Вакерс так и не промолвил ни слова.

Айвори пожал плечами, взялся за ручку и в это мгновение заметил лежавший на столике листок, с которого Вакерс не сводил глаз. Поколебавшись, Айвори взял бумажку и увидел записанную последовательность цифр и букв. Вакерс все так же сидел на стуле в кухне и смотрел на него.

– Спасибо, – прошептал Айвори.

– За что? – буркнул Вакерс. – Вы же не станете благодарить за то, что, воспользовавшись моим гостеприимством, обшарили все ящики и

украли код доступа к моему компьютеру?

– Нет, до такой наглости я не дойду.

– Вы меня успокоили.

Айвори закрыл за собой дверь. Ему нужно было собрать вещи и успеть на «Талис». Он вышел на улицу и остановил такси.

Вакерс ходил по квартире от входной двери к гостиной. И напряженно размышлял. Решившись наконец, он поставил чашку на столик и направился к телефону.

– Говорит Амстердам. Предупредите остальных: всем необходимо собраться сегодня вечером, в 20.00, телефонная конференция.

– Почему вы действуете через меня? – удивился Каир.

– Мой компьютер вышел из строя.

Вакерс повесил трубку и пошел готовиться к разговору.

Париж

Кейра помчалась к Жанне, я не хотел быть третьим лишним и решил отправиться в Марэ, к антиквару, торгующему лучшими оптическими приборами в столице: раз в год я получал на свой лондонский адрес его каталоги. Большая часть предметов была мне не по карману, но за просмотр денег не берут, а мне нужно было убить три часа.

Когда я вошел, старый антиквар сидел за столом и чистил великолепную астролябию. Он не обращал на меня ни малейшего внимания, пока я не замер перед армиллярной сферой редкостной красоты и изящества.

– Модель, которой вы залюбовались, молодой человек, была изготовлена Гуалтерусом, или Готье, Арсениусом[5], если вам так больше нравится. Некоторые считают, что вместе с ним это маленькое чудо создавал его брат Реньериус, – сообщил антиквар.

Он встал, открыл витрину и подал мне драгоценную вещицу.

– Это один из самых прекрасных предметов, изготовленных во фламандских мастерских в XVII веке. Они делали только астролябии и армиллярные сферы. Готье был родственником математика Гемма Фризиуса[6]. В одном из его трактатов, опубликованных в Антверпене в 1553 году, содержится самое раннее изложение принципов триангуляции и метод определения географических координат. Вещь, на которую вы смотрите, редчайший экземпляр, и цена у него соответствующая.

– То есть?

– Астролябия не имела бы цены, будь она подлинником, конечно, – пояснил антиквар, убирая сферу. – Эта, увы, всего лишь копия, изготовленная, вероятней всего, в конце XVIII века богатым голландским торговцем, пожелавшим произвести впечатление на окружающих. Мне скучно, – со вздохом продолжил старик. – Не хотите выпить со мной чашечку кофе? Я так давно не беседовал с астрофизиком.

– Как вы узнали? – изумился я.

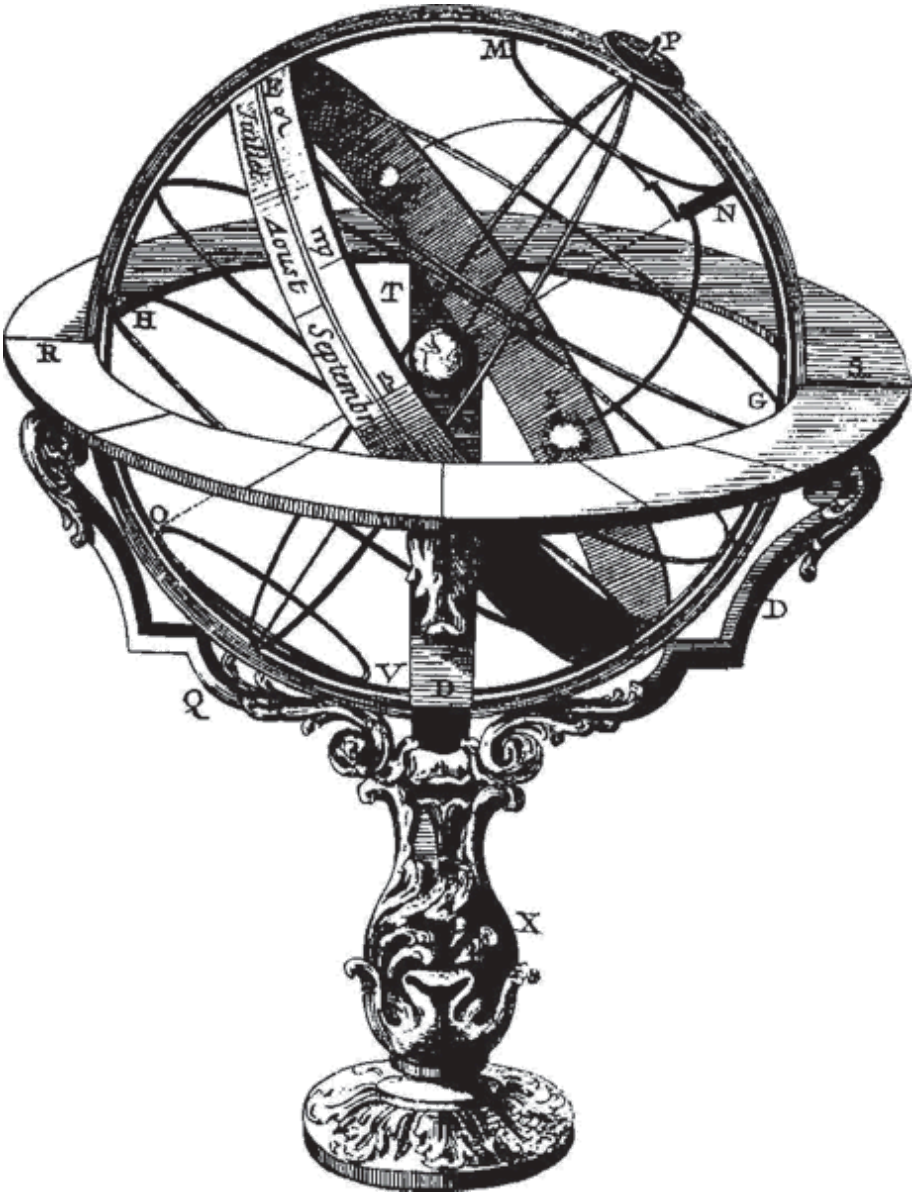
– Мало кто умеет так ловко обращаться с такого рода прибором, а на торговца вы не похожи, так что особая проницательность тут не

нужна. Что вы ищете в моей лавке? У меня есть несколько предметов по вполне разумной цене.

– Наверное, я вас разочарую, но меня интересуют лишь футляры от старых фотоаппаратов.

– Что за странная идея… Впрочем, никогда не поздно начать собирать новую коллекцию; позвольте я покажу вам одну вещь, которая наверняка приведет вас в восторг.

Старый антиквар снял со стеллажа толстый, переплетенный в кожу фолиант. Он бережно положил его на стол, поправил очки и начал листать со всеми возможными предосторожностями.



– Вот, – сказал он наконец, – взгляните: это рисунок армиллярной сферы, искусно изготовленной Эразмом Хабермелем[7], конструировавшим математические инструменты для императора Рудольфа Второго.

Я склонился над гравюрой и с удивлением обнаружил изображение предмета, очень похожего на тот, что мы с Кейрой нашли под лапой каменного льва на вершине горы Хуашань. Я сел на подставленный антикваром стул и принялся внимательно рассматривать удивительный рисунок.

– Поразительно изящная и точная работа, – прокомментировал старик из-за моего плеча. – В армиллярных сферах меня всегда завораживало не столько то, что они позволяют определить положение звезд на небе в определенный момент, сколько то, чего они не показывают, но мы все-таки это угадываем.

Последние слова старика заинтересовали меня, и я оторвался от бесценного фолианта.

– Пустота и ее друг время! – весело провозгласил он. – Что за странное понятие – пустота. Пустота полна невидимых глазу вещей. А время, которое течет и все преображает, изменяет бег звезд и неустанно баюкает бесконечный космос? Оно приводит в движение огромного паука жизни, снующего по паутине Вселенной. Время – загадочное измерение, и мы ничего о нем не знаем, согласны? Вы удивлены, и мне это нравится: я уступлю вам книгу по цене, которую сам за нее заплатил.

Антиквар наклонился и шепнул мне на ухо сумму, которую хотел получить. Я так скучал по Кейре, что купил фолиант.

– Приходите еще, – сказал антиквар, провожая меня до двери, – я покажу вам другие диковинки, вам будет интересно, – весело промолвил он, запер за мной дверь на ключ и исчез в задней комнате.

Я стоял на улице перед лавкой с толстенной книгой под мышкой и спрашивал себя, зачем купил ее. В кармане завибрировал мобильный. Это была Кейра. Она предложила встретиться чуть позже у Жанны, жаждавшей дать нам приют на вечер и ночь. Я буду спать на диване в гостиной, а сестры лягут на одной кровати в спальне. В довершение всех радостей она сообщила, что собирается к Максу: мастерская

печатника в десяти минутах ходу от дома Жанны, ей очень нужно кое-что с ним обсудить, она позвонит, как только освободится.

Я сдержался и ответил, что буду очень рад поужинать с Жанной, и отключил телефон.

Я стоял на углу улицы Лион-Сен-Поль, не зная, что делать и куда идти.

Сколько раз я брюзжал, что приходится экономить каждую минуту и нет возможности побездельничать всласть. Была середина дня, я шагал вдоль набережных Сены, испытывая странное и, пожалуй, неприятное чувство, что попал в ловушку между двумя мгновениями, не желающими сомкнуться воедино. Фланеры, должно быть, умеют с этим справляться. Я часто видел, как они сидят на скамейках, читают или предаются созерцательности, бродят по дорожкам парка, кормят голубей в скверах, но никогда не задумывался об их судьбе. Хотелось послать сообщение Кейре, но я запретил себе прикасаться к телефону. Уолтер бы точно отсоветовал мне это делать. Я мог бы зайти за Кейрой к Максу, оттуда мы вместе отправились бы к Жанне, купив по дороге цветов. Вот о чем я мечтал, пока ноги несли меня к острову Сен-Луи. Мою мечту было очень просто осуществить, но делать этого не следовало, чтобы не заработать обвинений в ревности.

Я устроился под навесом маленького бистро на углу улицы Де-Пон, раскрыл книгу и погрузился в чтение, то и дело поглядывая на часы. Из остановившегося у тротуара такси вышел мужчина в плаще и, помахивая небольшим саквояжем, быстрыми шагами направился в сторону Орлеанской набережной. Я был уверен, что уже где-то его видел, но не мог вспомнить, при каких обстоятельствах. Силуэт незнакомца исчез за воротами дома.

***

Кейра присела на угол письменного стола.

– В кресле гораздо удобней, – сказал Макс, оторвавшись от бумаг.

– За последнее время я отвыкла от всего мягкого.

– Ты действительно провела три месяца в тюрьме?

– Я уже говорила тебе, Макс. Не отвлекайся от текста и скажи, что о нем думаешь.

– Я думаю, что с тех пор, как ты встречаешься с этим типом – якобы с коллегой! – в твоей жизни воцарился хаос. Не понимаю, как ты можешь с ним общаться после того, что случилось. Черт побери, Кейра, он помешал твоей работе, не говоря уж о пропавшем гранте. Дважды судьба таких подарков не делает. А ты притворяешься, будто ничего не произошло.

– По части морализаторства, Макс, ты и в подметки не годишься моей сестре, так что побереги свое красноречие. Итак, что ты думаешь о моей теории?

– Что ты станешь делать, если я отвечу? Полетишь на Крит, будешь нырять на дно Средиземного моря, отправишься вплавь до Сирии? Ты неуправляема. Ты могла погибнуть в Китае! Ты совершенно безответственна!

– Да, совершенно, но, как видишь, моя шкура цела и невредима; ну разве что немного крема на лицо…

– Не дерзи!

– Ммм, как же я люблю твой менторский тон, мой милый Макс. Думаю, это заводило меня сильней всего, когда я была твоей ученицей. Но я больше у тебя не учусь. Ты ничего не знаешь ни об Эдриене, ни о нашем путешествии. Если маленькая услуга, о которой я прошу, слишком дорого стоит, ничего страшного, отдай мне документ, и я уйду.

– Посмотри мне в глаза и объясни, как этот текст поможет тебе в многолетних поисках?

– Скажи, Макс, разве ты не был когда-то профессором археологии? Сколько лет ты был исследователем, потом преподавателем, прежде чем стать типографом? Можешь посмотреть мне в глаза и объяснить, какое отношение твое новое ремесло имеет к тому, что ты делал в прошлом? Жизнь полна неожиданностей, Макс. Я дважды покидала мою любимую долину Омо. Возможно, пора задуматься о будущем.

– Ты говоришь глупости, потому что по уши влюбилась в этого типа?

– У этого типа, как ты его называешь, может, и полно недостатков, он рассеян, мечтателен, неуклюж как младенец, но в нем есть нечто, чего я раньше ни в ком другом не встречала. Меня тянет к нему, Макс. С тех пор как мы встретились, моя жизнь совершенно изменилась, он меня смешит и умеет растрогать, он меня провоцирует и внушает мне уверенность в себе.

– Значит, все еще хуже, чем я предполагал. Ты его любишь.

– Не вынуждай меня подтверждать то, чего я не говорила.

– Сказала, а если не понимаешь этого, значит, глупа как пробка.

Кейра слезла со стола, подошла к стеклянному фонарю над типографией и взглянула на печатные станки, в бешеном ритме разматывающие огромные рулоны бумаги. Ритмичный стук фальцевальных машин был отчетливо слышен и на антресольном этаже. Потом станки остановились, и наступила тишина: типография закрывалась.

– Ты беспокоишься? А как же твоя распрекрасная свобода?

– Можешь изучить этот текст. Да или нет?

– Со дня нашей последней встречи я сто раз пытался истолковать его. А потому чаще обычного вспоминал о тебе.

– Прошу тебя, Макс.

– О чем? Перестать любить тебя? Тебе-то что, это моя проблема, не твоя.

Кейра подошла к двери, повернула ручку и обернулась.

– Сядь на место, идиотка! – приказал Макс. – Сиди в уголке и слушай, что я думаю о твоей теории. Возможно, я ошибся. Думать, что ученик превзошел учителя, не слишком приятно, но я сам виноват, не нужно было бросать преподавание. Вполне вероятно, что слово «апогей» в твоем тексте на самом деле – «гипогей», подземная гробница, и это совершенно меняет смысл текста. Подземные гробницы – предшественницы захоронений, которые устраивали древние египтяне и китайцы, за одним-единственным исключением: в эти погребальные камеры тоже вел коридор, но сооружали их под землей, а не в сердце пирамиды или какого-то другого здания. Возможно, в том, что я сказал, для тебя нет ничего нового, но как минимум один момент эта интерпретация высвечивает. Рукопись на геэзе датируется приблизительно четвертым или пятым тысячелетием до нашей эры. Что приводит нас прямиком в протоисторию, в момент зарождения азианических[8] народов.

– Но создавшие текст семиты не относились к этим народам. Конечно, если я не все забыла.

– Ты слушала лекции внимательней, чем я думал! Их язык действительно относился к афро-азиатской группе, то есть был родственным языку берберов и египтян. Они появились в сирийской пустыне в шестом тысячелетии до Рождества Христова. Они жили

рядом и общались, так что одни могли пересказывать историю других. Те, кто тебя интересует, в рамках твоей теории, принадлежат к народу, о котором я мало рассказывал на лекциях, – к пеласгам[9], народу гипогеев[10]. В начале четвертого тысячелетия покинувшие Грецию пеласги расселились на юге Италии. В том числе на Сардинии. Они дошли до Анатолии, где сели на корабли и основали новую цивилизацию на берегах Средиземного моря. Вполне вероятно, что они добрались до Египта, миновав Крит. Я пытаюсь объяснить, что семиты или их предки вполне могли упомянуть в этом тексте событие из истории пеласгов.

– Думаешь, кто-то из них мог подняться вверх по Нилу до Голубого Нила?

– До Эфиопии? Сомневаюсь, но в любом случае подобное путешествие было под силу только группе людей, но никак не одиночке. Два или три поколения могли довести дело до конца. Но я склонен думать, что они плыли в обратном направлении – от истока к дельте. Кто-то мог передать твой таинственный предмет пеласгам. Ты должна рассказать мне больше, Кейра, если действительно хочешь, чтобы я тебе помог.

Кейра начала мерить шагами комнату.

– Четыре миллиона лет назад пять фрагментов составляли единый предмет с поразительными свойствами.

– Это просто смешно, Кейра, согласись. Ни одно живое существо в ту эпоху не было развито настолько, чтобы обрабатывать какой бы то ни было материал. Ты не хуже меня знаешь, что это невозможно! – взорвался Макс.

– Если бы Галилей заявил, что однажды на границы нашей Солнечной системы будет запущен радиотелескоп, его отправили бы на костер, даже не дав договорить. Если бы Адер сказал, что человек высадится на Луне, его летательный аппарат разобрали бы на спички, не позволив оторваться от земли. Еще двадцать лет назад все были уверены, что Люси – наш самый древний предок, и, скажи ты тогда, что праматери человечества десять миллионов лет, тебя погнали бы с факультета взашей!

– Двадцать лет назад я был студентом!

– Не придирайся, ты понимаешь, о чем я: возьмись я перечислять все, что считалось невозможным и стало реальностью, мы составляли

бы список много ночей подряд.

– Мне для полного счастья хватило бы одной…

– Не будь вульгарным, Макс! Я уверена, что четыре-пять тысяч лет до нашей эры кто-то нашел этот предмет. По причинам, которые я пока не могу объяснить, разве что из страха перед свойствами предмета, который невозможно было уничтожить, тот – или те, – кто нашел диск, решил разделить его на фрагменты. Именно об этом говорится в первой строчке манускрипта: «Я разделил диск памяти, передав магистрам колоний части, из которых он состоял»

– Прости, что перебиваю, но «диск памяти», весьма вероятно, имеет отношение к познанию, к знанию. Если бы я захотел сыграть в твою игру, сказал бы, что предмет могли разъять на части, чтобы каждый из фрагментов принес некую информацию на окраины мира.

– Возможно, но конец документа говорит об ином. Чтобы все прояснить, нужно узнать местоположение фрагментов. Два у нас, третий был найден, но мы не знаем, где его хранят, есть и другие. В тюрьме я не переставала размышлять над текстом на геэзе, и дольше всего – над одним словом во фразе «…передав магистрам колоний». Как по-твоему, кто такие эти «магистры»?

– Мудрецы, духовные наставники. Возможно, вожди племен. Учителя, если хочешь.

– Ты был моим духовным наставником? – с иронией поинтересовалась Кейра.

– Что-то вроде того.

– Тогда вот моя теория, дорогой учитель. Первый фрагмент нашли в вулкане посреди озера, на границе между Эфиопией и Кенией. Мы достали другой тоже из кратера вулкана, на острове Наркондам Андаманского архипелага. Итак, один – на юге, другой – на востоке. Оба находились в нескольких сотнях километров от истока или устья крупных рек. Нил и Голубой Нил в одном случае, Иравади и Янцзы в другом.

– Ну и? – перебил ее Макс.

– Допустим, что по неизвестной пока причине этот предмет был намеренно разъят на четыре или пять кусков и каждый перенесли в определенную точку планеты. Один найден на юге, другой на востоке, третий – на самом деле он был первым – нашли двадцать или тридцать лет назад.

– Где он находится?

– Понятия не имею. Прекрати меня все время перебивать, Макс, это дико раздражает. Готова поспорить, что два оставшихся фрагмента находятся на севере и на западе.

– Не хочу тебя раздражать еще больше, но север и запад – это довольно расплывчато…

– С меня хватит, я ухожу. – Кейра вскочила и снова пошла к двери.

– Постой! Перестань изображать босса, черт побери, меня это тоже раздражает. У нас монолог или беседа? Продолжай, я больше не буду тебя перебивать.

Кейра села рядом с Максом, взяла лист бумаги и нарисовала планисферу, изобразив на ней в общих чертах континенты.

– Нам известны основные пути первых миграций на планете. Покинув Африку, первая колония направилась в Европу, вторая – в Азию, – объясняла Кейра, рисуя большую стрелку, – и разделилась прямо перед Андаманским морем. Некоторые пошли в Индию, пересекли Бирму, Таиланд, Камбоджу, Вьетнам, Индонезию, Филиппины, Папуа – Новую Гвинею добрались до Австралии. Другие, – Кейра нарисовала новую стрелку, – пошли на север, пересекли Монголию и Россию и поднялись по течению реки Яны к Берингову проливу. В самый разгар ледникового периода третья колония обогнула Гренландию, прошла вдоль обледеневших берегов, чтобы пятнадцать-двадцать тысяч лет назад выйти к побережью между Аляской и морем Бофорта. Потом был переход с севера на юг Североамериканского континента до Монте-Верде, куда четвертая колония добралась двенадцать-пятнадцать тысяч лет назад[11]. Возможно, этими же путями шли те, кто четыре тысячи лет назад нес фрагменты. Группа вестников отправилась к Андаману и закончила путешествие на острове Наркондам, другая пошла к истоку Нила, до границы между Кенией и Эфиопией.

– Из этого ты выводишь, что две другие группы вестников добрались до запада и севера, чтобы отнести остальные фрагменты?

– Текст гласит: «…передав духовным наставникам колоний части, из которых он состоял». Каждая группа вестников, вернее, несколько поколений вестников доставили фрагмент, подобный моему кулону, духовным вождям первых колоний.

– Твоя гипотеза правдоподобна, но это не значит, что она верна. Вспомни, чему я учил тебя на факультете: выглядящая логичной теория

не обязательно верна.

– А еще ты говорил, что, если вещь не найдена, это не значит, что она не существует!

– Чего ты от меня ждешь, Кейра?

– Скажи, что́ бы ты стал делать на моем месте.

– Новая Кейра никогда не будет принадлежать мне, но ты все еще остаешься моей ученицей. И то хлеб.

Макс встал и начал ходить по комнате.

– Ты достала меня своими вопросами, Кейра. Я не знаю, что бы стал делать на твоем месте; умей я разгадывать такие загадки, бросил бы пыльные университетские аудитории и преподавание и занялся любимым делом.

– Ты боялся змей, ненавидел насекомых и любил комфорт, но твой интеллект тут ни при чем, Макс, ты просто слегка обуржуазился. Впрочем, это не порок.

– Я хотел тебе понравиться!

– Прекрати и ответь наконец на вопрос! Что бы ты сделал на моем месте?

– Ты говорила о третьем фрагменте, найденном тридцать лет назад. Для начала я бы попытался узнать, где точно его обнаружили. Если в вулкане, в нескольких десятках или сотнях километров от большой реки, на западе или на севере, это подкрепит твою теорию. Если же его обнаружили в Босе или на картофельном поле в английской деревне, тебе придется начать с нуля. Вот что бы я сделал, прежде чем отправляться неизвестно куда. Ты ищешь камень, спрятанный где-то на планете Земля, Кейра. Это утопия!

– А проводить жизнь в безводной долине в поисках костей, которым сотни тысяч лет, руководствуясь исключительно интуицией, – не утопия? Искать в пустыне погребенную под песками пирамиду – не утопия? Наша профессия, Макс, – безразмерная утопия, но каждый археолог пытается воплотить в реальность мечту об открытиях!

– Не стоит так волноваться. Ты спросила, что бы я стал делать на твоем месте, и я ответил. Ищи место, где был найден третий фрагмент, и узнаешь, на верном ли ты пути.

– А если да?

– Возвращайся, и мы вместе подумаем, какой дорогой идти за твоей мечтой. А теперь я скажу кое-что еще, и ты наверняка разозлишься.

– Рискни…

– Со мной ты не замечаешь, как бежит время, и это не может меня не радовать, но уже половина десятого, я хочу есть и приглашаю тебя поужинать.

Кейра взглянула на часы и вскочила:

– О черт! Жанна, Эдриен!

Было около десяти, когда Кейра позвонила в дверь квартиры сестры.

– Не хочешь поесть? – спросила Жанна.

– Эдриен здесь?

– Если он не владеет искусством телепортации, то – нет.

– Я назначила ему встречу…

– И сообщила код подъезда?

– Он не звонил?

– Ты дала ему мой номер телефона?

Кейра застыла.

– Возможно, он оставил сообщение на моем служебном номере, но я ушла довольно рано, чтобы приготовить ужин, который ты найдешь… в помойке. Мясо пережарилось, но ты ведь не будешь сердиться, правда?

– Где может быть Эдриен?

– Я думала, что он с тобой, что вы решили провести романтический вечер вдвоем.

– Да нет же, я была у Макса…

– Час от часу не легче… Могу я узнать, зачем ты к нему пошла?

– Перестань, Жанна! Мне нужно было обсудить с ним наши поиски. Как мне найти Эдриена?

– Позвони ему!

Кейра кинулась к телефону и… попала на мою голосовую почту. Мне ведь нужно было продемонстрировать хоть капельку самолюбия! Она оставила длинное послание… «Мне очень жаль, я не заметила, как пролетело время, мне нет прощения, но это потрясающе, я должна тебе рассказать. Где ты? Я знаю, сейчас уже десять, даже больше, но позвони мне, позвони мне, позвони мне!» Во второй раз она сообщила номер телефона сестры. В третий сказала, что беспокоится. В четвертый я по голосу понял, что она действительно нервничает. В

пятый раз она заявила, что у меня ужасный характер, а в шестой – это было в три утра – молча повесила трубку.

Я переночевал в маленькой гостинице на острове Сен-Луи, позавтракал и поехал на такси к дому Жанны. Подъезд был заперт, я сел на скамейку на тротуаре напротив и развернул газету.

Вскоре из дома вышла Жанна. Узнав меня, она подошла:

– Кейра совершенно извелась!

– Мы оба извелись!

– Мне очень жаль, я тоже ужасно на нее разозлилась.

– Я не злюсь, – возразил я.

– До чего вы глупы!

Жанна кивнула и пошла прочь, но тут же вернулась:

– Ее вчерашнее свидание с Максом носило сугубо профессиональный характер, но я вам ничего не говорила!

– Какой у вас код?

Жанна нацарапала цифры на листочке, протянула его мне и отправилась на работу.

Я прочитал газету от корки до корки, зашел в маленькую булочную на углу, купил венских булочек и отправился к Кейре.

Вид у нее, когда она открыла мне дверь, был заспанный.

– Где ты был? Я чуть с ума не сошла от беспокойства! – Она потерла глаза.

– Круассан? Булочку с шоколадом? То и другое?

– Эдриен…

– Завтракай и одевайся, мы можем успеть на «Евростар», который уходит в полдень.

– Сначала я должна повидаться с Айвори, это очень важно.

– Ладно, «Евростар» отправляется каждый час, так что… едем к Айвори.

Кейра сварила кофе и рассказала о встрече с Максом. Пока она излагала свою теорию, я думал о короткой фразе антиквара насчет армиллярных сфер. Не знаю почему, но мне хотелось позвонить Эруэну и поделиться с ним. Кейра заметила, что я отвлекся, и призвала меня к порядку.

– Хочешь, чтобы я пошел с тобой к этому старому профессору? – спросил я, включаясь в разговор.

– Скажешь, где ночевал?

– Нет, то есть мог бы, но не буду, – с широкой улыбкой отвечал я.

– Мне это совершенно безразлично.

– Так не будем больше об этом… Что насчет Айвори?

– Он не вернулся в музей, но Жанна дала мне номер домашнего телефона. Сейчас позвоню.

Кейра пошла в комнату сестры к телефону, но в дверях обернулась:

– Так где же ты ночевал?

Айвори согласился принять нас. Он жил в элегантной квартире на острове Сен-Луи… в двух шагах от моей гостиницы. Он открыл нам дверь, и я тут же узнал мужчину, вышедшего накануне из такси, когда я листал книгу на террасе бистро. Айвори провел нас в гостиную и предложил на выбор чай или кофе.

– Как приятно снова видеть вас обоих, чем могу быть полезен?

Кейра не стала ходить вокруг да около и спросила, где был найден фрагмент, о котором он рассказал нам в музее.

– Почему вас это интересует?

– Думаю, я продвинулась в интерпретации текста на геэзе.

– Это в высшей степени интересно. Что вы узнали?

Кейра объяснила ему свою теорию о народах гипогеев. В 4-м или 5-м тысячелетии до нашей эры люди нашли предмет и разделили его на части. Если верить манускрипту, разные группы должны были разнести их по четырем сторонам света.

– Великолепная гипотеза! – воскликнул Айвори. – Хотя, вполне вероятно, лишенная всякого смысла. Вот только у вас нет никакой идеи насчет того, что заставило их отправиться в это опасное, невероятное путешествие.

– Одна идейка у меня есть, – возразила Кейра.

Опираясь на рассуждения Макса, она предположила, что каждый фрагмент содержал определенные знания и указывал путь к их постижению.

– Тут я с вами не согласен, скорее даже уверен в обратном, – покачал головой Айвори. – Конец текста позволяет предположить, что речь идет о секрете, который нужно сохранить. Прочтите сами: «… пусть останутся сокрытыми тени бесконечности».

Пока Айвори с Кейрой обсуждали «тени бесконечности», я снова подумал о моем антикваре из Марэ.

– Интригует не столько то, что показывают нам армиллярные сферы, а то, чего они нам не показывают, но о чем мы тем не менее догадываемся, – прошептал я.

– Что вы сказали? – переспросил Айвори, поворачиваясь ко мне.

– Пустота и время, – произнес я.

– О чем это ты? – удивилась Кейра.

– Так, ни о чем. Это не имеет отношения к вашему разговору.

– И где вы надеетесь найти недостающие фрагменты? – поинтересовался Айвори.

– Те, что у нас, были обнаружены в кратерах вулканов, в нескольких десятках километров от больших рек. Один на востоке, другой на юге, я предчувствую, что остальные спрятаны в похожих местах на западе и на севере.

– Эти фрагменты при вас? – От возбуждения у Айвори блестели глаза.

Мы с Кейрой незаметно переглянулись, она сняла цепочку с кулоном, я достал свой фрагмент, который хранил во внутреннем кармане пиджака, Кейра бережно соединила их, и камни тотчас приобрели удивительный ярко-голубой цвет. Правда, на этот раз интенсивность свечения была явно ниже.

– Поразительно! – воскликнул Айвори. – Поразительней, чем я мог себе представить.

– А что именно вы себе представляли?

– Ничего… ничего особенного, – смешался Айвори. – Удивительный феномен, особенно если знаешь возраст этого предмета.

– Теперь вы скажете наконец, где был найден ваш фрагмент?

– Увы, он не мой. Его нашли тридцать лет назад в Перу, в Андах, но не в кратере вулкана, что противоречит вашей теории.

– Где именно?

– В ста пятидесяти километрах северо-восточнее озера Титикака.

– При каких обстоятельствах? – спросил я.

– Голландские геологи вели изыскания, поднимаясь к истоку Амазонки, укрылись от непогоды в пещере, и предмет привлек их внимание своей странной формой. Впрочем, камень так и остался бы лежать, где лежал, не случись ночью гроза. Удары молнии спровоцировали виденное вами явление – проекцию светящихся точек на стенку палатки. Утром руководитель экспедиции обнаружил, что ткань стала проницаемой для света из-за тысяч образовавшихся в ней

дырочек. Грозы в тех местах случаются регулярно, геолог не один раз повторил опыт и убедился, что это не просто камень. Он взял фрагмент с собой, решив исследовать его свойства.

– С этим геологом можно встретиться?

– Несколько месяцев спустя он погиб – несчастный случай, сорвался со скалы во время следующей экспедиции.

– А где найденный им фрагмент?

– В надежном месте. Но где именно – понятия не имею.

– Камень был найден не в вулкане, но на западе.

– Тут вы правы.

– И в нескольких десятках километров от притока Амазонки.

– Совершенно верно, – кивнул Айвори.

– Две подтвержденные гипотезы из трех – не так плохо, – констатировала Кейра.

– Боюсь, это не поможет вам найти остальные фрагменты. Два первых нашли случайно, с третьим вам сказочно повезло.

– Я висела над пропастью на высоте двух с половиной тысяч метров. Мы пролетели на бреющем полете над Бирмой в самолете, который и самолетом-то можно было назвать только из-за крыльев, я едва не утонула, Эдриен чуть не умер от пневмонии, добавьте сюда три месяца в китайской тюрьме… И это вы называете сказочным везением?!

– Я не хотел умалить ваши таланты. Позвольте мне подумать несколько дней над вашей теорией, я снова просмотрю свои записи и, если найду полезную информацию, сразу позвоню.

Кейра написала на листке номер моего телефона и отдала Айвори.

– Куда вы теперь направитесь? – спросил он, провожая нас к двери.

– В Лондон. Нам тоже необходимо провести кое-какие изыскания.

– Ну что же, удачного пребывания в Англии. И последнее: вы были правы, удача пока что не слишком вам улыбалась, поэтому будьте крайне осторожны, а главное – никому не показывайте фокус с фрагментами.

Мы расстались со старым профессором, забрали из гостиницы мою сумку – Кейра ни словом не обмолвилась о вчерашнем вечере, – и я проводил ее до музея, чтобы сестры могли проститься.

Лондон

Я не обратил на них особого внимания на платформе Северного вокзала, когда они толкнули меня и не извинились, но по дороге в вагон-бар снова заметил эту более чем странную парочку. На первый взгляд – молодой англичанин с подружкой, оба неряшливо и безвкусно одетые. Когда я пробирался к стойке, парень как-то странно на меня посмотрел, и они с девицей пошли по составу к багажному вагону. Через пятнадцать минут поезд остановится в Эшфорде – очевидно, хотят забрать вещи, подумал я. Очередь была длиннющая, и я рассеянно подумал: интересно, кому пришло в голову назвать это предприятием быстрого обслуживания. Стоявший за прилавком суровый бармен проводил бритые затылки парочки неодобрительным взглядом.

– Внешность обманчива, – заметил я, заказывая кофе. – При ближайшем рассмотрении они могут оказаться симпатичными ребятами, нет?

– Все может быть, – с сомнением в голосе ответил он, – но этот парень всю дорогу чистил ногти складным ножом, а девка за ним наблюдала. Беседовать с такими как-то не хочется!

Я заплатил и пошел назад. Входя в купе, где дремала Кейра, я заметил парочку, отиравшуюся у багажного отделения, где мы оставили свои сумки. Я подошел, парень сделал знак подружке, и она заступила мне дорогу.

– Занято, – вызывающим тоном бросила она.

– Вижу, – ответил я, – но не понимаю, чем именно вы тут занимаетесь.

Парень выхватил из кармана нож, всем своим видом выражая недовольство.

В молодости я много времени проводил на Лэдброук-Гроув, где жил мой лучший друг по колледжу; там существовали тротуары, принадлежавшие определенным бандам, перекрестки, на которые нам запрещалось выходить, и кафе, где не следовало играть в настольный футбол. Я понимал, что молодые негодяи нарываются на драку. Если я шевельнусь, девица прыгнет мне на спину и вцепится в руки, пока дружок будет меня избивать. Потом они повалят меня на пол и станут

пинать ногами по ребрам. В Англии моего детства имелись не только садики с мирными лужайками, и времена в этом смысле мало изменились. Непросто выпускать на волю инстинкты, если живешь, руководствуясь принципами, но я развернулся и закатил девице увесистую пощечину. Она отлетела назад, прямо на сумки и чемоданы, подвывая и держась за щеку. Изумленный парень рванулся ко мне, размахивая своим оружием. Пора было забыть детство и вести себя по-взрослому.

– Десять секунд! – рявкнул я. – Через десять секунд я отберу у тебя эту игрушку и выкину тебя из поезда! Нравится такой вариант? Нет? Есть другой: ты убираешь нож в карман и мы мирно расходимся.

Девица вскочила, она исходила злобой, ее приятель нервничал все сильнее.

– Сделай этого придурка! – закричала она. – Урой его, Том!

– Твоя подружка отбилась от рук, Том, ты должен ее приструнить. Убери оружие, пока один из нас не порезался.

– Могу я узнать, что происходит? – спросила из-за моей спины Кейра.

– Так, маленькое недоразумение, – ответил я, оттирая ее назад.

– Мне позвать на помощь?

Молодые подонки не ожидали, что я получу подкрепление; поезд замедлял ход, подъезжая к платформе Эшфордского вокзала. Том ухватил подружку за рукав, не переставая угрожать нам ножом. Мы стояли не двигаясь, загипнотизированные блеском металла.

– Отвалите! – хрипло каркнул подонок.

Как только поезд остановился, они выпрыгнули и кинулись бежать со всех ног.

Выходившие пассажиры заставили нас посторониться, мы молча вернулись на свои места, состав дернулся и поехал дальше. Кейра хотела, чтобы я сообщил в полицию, но в этом не было никакого смысла: хулиганы давно скрылись, а мобильный телефон остался в сумке. Я решил, что будет нелишним проверить наш багаж; сумку Кейры не тронули, мою перерыли, но ничего не взяли. Я переложил телефон и паспорт в карман куртки, и мы решили забыть о неприятном происшествии.

Я испытал невыразимое счастье, подойдя к двери моего домика, мне не терпелось попасть внутрь, но, сколько я ни шарил по карманам,

не мог найти ключей, хотя был уверен, что в Париже они там лежали. К счастью, соседка увидела меня в окно и по старой привычке предложила пройти через ее садик.

– Вы знаете, где лестница?! – крикнула она. – Я поглажу и потом сама закрою.

Я поблагодарил и через несколько мгновений оказался в палисаднике. Заднюю дверь я так и не починил – возможно, мне и не стоит этого делать? – нажал чуть посильнее, вошел и впустил ждавшую на улице Кейру.

Остаток дня мы провели в окрестных магазинчиках. Прилавок зеленщика заворожил Кейру, и она накупила полную корзину продуктов, как будто мы собирались выдержать осаду. Увы, поужинать в тот вечер нам не пришлось.

Я суетился на кухне, нарезая кабачки кубиками, как велела Кейра, пока она готовила соус по секретному рецепту. Зазвонил телефон – не мобильный, городской, и мы удивленно переглянулись. Я снял трубку в гостиной.

– Итак, это правда, вы вернулись!

– Совсем недавно, дорогой Уолтер.

– Спасибо, что были так любезны и известили меня, очень мило с вашей стороны.

– Мы только что с поезда…

– Уму непостижимо: я узнаю о вашем возвращении от курьера «Федерал экспресс»! Вы все-таки не Том Хэнкс!

– Вас предупредил почтовый курьер? Очень странно!..

– Вообразите, в Академию доставили письмо для вас, вернее, для вашей подруги – на конверте стоит ее имя и пометка: «Большая просьба передать». В следующий раз пусть адресуют вашу почту прямо мне. Да, забыл сказать, там есть приписка: «Срочно». Раз уж я заделался вашим личным почтальоном, могу привезти конверт вам домой.

– Подождите, я поговорю с Кейрой!

– Конверт на мое имя послали в твою Академию? Что за бред? – удивилась она.

Объяснить я ничего не мог и спросил, как она относится к предложению Уолтера.

Кейра сделала страшные глаза, давая понять, что это последнее, чего бы она сейчас хотела. Левым ухом я слышал дыхание Уолтера в трубке, а правым глазом косился на Кейру, строившую гримасы. Нужно

было решаться. Я попросил Уолтера ждать меня в Академии и со вздохом облегчения повесил трубку: компромисс был найден, однако выражение лица Кейры говорило о том, что она не разделяет моего восторга. Я пообещал обернуться за час, надел плащ, взял из ящика дубликат ключей и пошел к гаражу, где стояла моя машина.

Я сел за руль и вдохнул пьянящий запах старой кожи, нажал на педаль, но тут же резко затормозил, чтобы не задавить возникшую у меня на пути Кейру. Она обогнула капот и села рядом.

– Неужели письмо не могло подождать до завтра? – спросила она и хлопнула дверцей.

– На конверте красным фломастером написано «Срочно», Уолтер это особо подчеркнул. Но я могу смотаться один, тебе совсем не обязательно…

– Письмо адресовано мне, а ты жаждешь увидеть друга, так что вперед.

Проехать по лондонским улицам без особых пробок можно, пожалуй, только в понедельник вечером. Мы добрались до Академии за двадцать минут. Начался дождь, сильный и частый, какие нередко случаются в столице. Уолтер ждал у центрального входа, успел изрядно вымокнуть, и выражение лица у него было неласковое. Он наклонился к окну, отдал мне конверт, и мы решили подождать, пока он не поймает такси: в моей двухместной машине третий человек поместиться не мог. Остановив такси, Уолтер холодно кивнул мне, даже не взглянул на Кейру и уехал. Мы остались сидеть в машине под проливным дождем, на коленях у Кейры лежал конверт.

– Не хочешь распечатать?

– Это почерк Макса, – прошептала она.

– Он, похоже, телепат!

– Почему ты так говоришь?

– Подозреваю, он каким-то образом подсмотрел, что мы готовимся к романтическому ужину, дождался момента, когда будет готов твой соус, отослал письмо и разрушил нашу идиллию.

– Не смешно…

– Может, и нет, но признай, что, если бы ужин сорвала одна из моих бывших любовниц, ты вряд ли восприняла бы ситуацию с юмором.

Кейра дотронулась ладонью до конверта.

– И какая же бывшая любовница могла тебе написать? – спросила она.

– Я не то хотел сказать.

– Ответь на вопрос!

– Нет у меня никаких бывших любовниц!

– Ты был девственником до встречи со мной?

– Я хотел сказать, что на факультете не спал ни с одной студенткой.

– Какое тонкое замечание!

– Будешь читать письмо?

– Ты сказал «романтический ужин», я не ослышалась?

– Может, и сказал.

– Ты влюблен в меня, Эдриен?

– Открой конверт, Кейра!

– Будем считать, что ты сказал «да». Поедем к тебе и поднимемся сразу в спальню. Тебя я хочу гораздо больше, чем кабачков.

– Приму за комплимент! Так что с письмом?

– Они с Максом подождут до завтрашнего утра.

Этот первый вечер в Лондоне пробудил множество воспоминаний. Мы любили друг друга, потом ты уснула. Ставни на окнах были приоткрыты, я сидел, смотрел на тебя, слушал, как ты дышишь. Я видел шрамы на спине, которые не заживит время. Я гладил их пальцами. Жар твоего тела разбудил желание, такое же сильное, как в начале вечера. Ты застонала, и я убрал руку, но ты поймала мою ладонь, спросив сонным голосом, почему я прервал ласку. Я поцеловал твое плечо, но ты снова погрузилась в сон. И тогда я сказал, что люблю тебя.

– Я тоже, – прошептала ты едва слышно, но два этих слова стали моим пропуском в твой сон.

Усталость сделала свое дело: мы проспали. Я открыл глаза около полудня, увидел, что тебя нет рядом, и пошел на кухню. Ты накинула одну из моих рубашек и надела найденные на полке носки. Сделанные накануне признания повергли нас в смущение, заставив чувствовать неловкость и отдалив на мгновение друг от друга. Я спросил о письме Макса, ты кивком указала на нераспечатанный конверт на столе. Не знаю почему, но в этот момент мне вдруг захотелось, чтобы ты его так и не прочла. Я охотно убрал бы его в ящик и забыл там навсегда. Я не хотел продолжения безумной гонки, мечтал уединиться с тобой в этом

доме, выходить только затем, чтобы прогуляться вдоль Темзы, заглянуть к кэмденским антикварам или поесть в кафешке в Ноттинг-Хилле, но ты распечатала письмо, и мечта канула в небытие.

Ты распечатала письмо и прочла его мне, возможно желая показать, что со вчерашнего дня ничего от меня не скрываешь.

Кейра!

Твой визит в типографию дался мне дорого. После нашей случайной встречи в Тюильри чувства, которые я считал угасшими, ожили.

Я никогда не говорил, каким болезненным был для меня наш разрыв, как я страдал из-за того, что ты ушла, не давала о себе знать, исчезла. Я знал, что ты счастлива и не вспоминаешь о том, что между нами было, и это причиняло ужасную боль. Но мне следовало смириться с реальностью: ты – та женщина, чье присутствие дарит немыслимое счастье, но твой эгоизм и наши бесконечные расставания навечно оставляют пустоту в душе. В конце концов я понял, что не сумею удержать тебя. Да и никто не сможет; ты любишь искренне, но недолго. Кусочек счастья – уже счастье, даже если шрамы потом заживают очень медленно.

Нам лучше больше не видеться. Не пиши мне, не звони и не заходи навестить, когда будешь в Париже. Это не приказ бывшего преподавателя, а просьба друга.

Я много думал о нашем разговоре. Ты была несносной студенткой, но, как я уже говорил, у тебя есть инстинкт, бесценное в твоем деле качество. Я горжусь твоими успехами, хотя моей заслуги тут нет – любой наставник распознал бы твои задатки. Теория, которую ты мне изложила, вполне правдоподобна, мне даже хочется в нее поверить, ты, возможно, приближаешься к истине, смысла которой мы пока не понимаем. Следуй путем пеласгов и – кто знает? – может, он тебя куда-нибудь приведет.

Как только ты ушла из мастерской, я вернулся домой, раскрыл отложенные много лет назад книги и записи и просмотрел их. Тебе известно мое маниакальное пристрастие к порядку; в моем кабинете, где мы провели немало счастливых часов, все классифицировано и расставлено по порядку. В одном из блокнотов я наткнулся на фамилию человека, чьи исследования могут быть тебе полезны. Он всю жизнь изучал крупные миграции народонаселения, написал много работ

об азианических народах, но почти не публиковался, довольствуясь чтением лекций перед избранной аудиторией. На одну из таких встреч с ним мне повезло попасть. Он тоже высказывал новаторские идеи относительно перемещений первых цивилизаций Средиземноморского бассейна. У него было немало противников, но кто их не имеет в нашем-то деле? Собратья археологи очень завистливы. Человек, о котором я пишу, настоящий эрудит, и я бесконечно его уважаю. Встреться с ним, Кейра. Я знаю, что он переехал на Елл, маленький островок Шетландского архипелага, в северной части Шотландии. Кажется, он живет затворником и ни с кем не желает говорить о своих работах, поскольку обижен на весь свет. Будем надеяться на твое обаяние.

Очень может быть, что открытие, о котором ты так давно мечтаешь, собираясь назвать его своим именем, находится на расстоянии вытянутой руки. Я в тебя верю, ты своего добьешься.

Желаю удачи,

Макс.

Кейра сложила письмо, убрала его в конверт, встала, сложила посуду в раковину и пустила воду.

– Сварить тебе кофе? – не оборачиваясь спросила она.

Я не ответил.

– Мне очень жаль, Эдриен.

– Ты сожалеешь, что этот человек все еще в тебя влюблен?

– Не об этом, а о том, что он обо мне говорит.

– Ты не узнаешь себя в описанной им женщине?

– Не знаю, уже нет, но искренность тона доказывает, что доля истины в его словах есть.

– Его главная претензия заключается в том, что тебе якобы легче причинить боль любящему тебя человеку, чем измениться самой.

– Ты тоже считаешь меня эгоисткой?

– Письмо написал не я. Но продолжать жить, убеждая себя, что, раз у тебя все хорошо, значит, и у другого все рано или поздно тоже будет хорошо, подловато. Ты антрополог, и не мне объяснять тебе, насколько силен в человеке инстинкт выживания.

– Цинизм тебе не идет.

– Я англичанин, у меня это в крови. Сменим тему, если хочешь. Я отправляюсь в турагентство, прогуляюсь, подышу воздухом. Ты ведь

хочешь поехать на Елл?

Кейра решила пойти со мной. В агентстве мы спланировали маршрут: Глазго, в аэропорт Самбург на Мейнленде, главном острове Шетландского архипелага, оттуда паромом на Елл.

Забрав билеты, мы отправились прогуляться по Кинз-роуд. У меня есть свои пристрастия, я люблю пройтись по широкой торговой улице до Сидни-стрит, а потом побродить по Фермерскому рынку Челси. Именно там мы назначили встречу Уолтеру.

Нагуляв аппетит, мы сели за столик, долго изучали меню, потом заказали по двухэтажному гамбургеру, и Уолтер шепнул мне на ухо:

– Академия передала мне для вас чек, жалованье за полгода.

– В честь чего? – удивился я.

– А вот это плохая новость. Учитывая ваши частые отлучки, ваша должность станет номинальной, вас выводят за штат.

– Я уволен?

– Не совсем. Я защищал вас как мог, но бюджет Академии пересматривают, и административный совет вынужден сокращать бесполезные траты.

– Значит, я, по мнению совета, «бесполезная трата»?

– Да члены административного совета вас даже в лицо не знают, после возвращения из Чили вы не показывались в Академии, Эдриен.

Уолтер еще больше помрачнел.

– В чем дело?

– Меня попросили собрать ваши вещи – кабинет надо освободить к следующей неделе.

– Они уже нашли мне замену?

– Нет, ваш курс отдали одному из более, скажем так, усидчивых коллег; ему нужно место, где он сможет готовиться к занятиям, проверять работы, беседовать со студентами… Ваш кабинет подходит идеально.

– Могу я узнать фамилию этого замечательного коллеги, который нанес мне удар в спину?

– Вы его не знаете, он в Академии всего три года.

По этой фразе я понял, что расплачиваюсь за то, что злоупотреблял свободой. Уолтер был огорчен, Кейра старалась на меня не смотреть. Я взял чек, вознамерившись немедленно его обналичить. Я был в ярости, но злиться мог только на себя.

– Шамаль[12] долетел до Англии, – пробормотала Кейра.

Кисло-сладкий намек на ветер, прогнавший ее с раскопок в Эфиопии, свидетельствовал о том, что запал нашего утреннего спора еще не прошел.

– Что вы намерены делать? – спросил Уолтер.

– Ну, раз уж я теперь безработный, мы сможем путешествовать.

Кейра увлеченно сражалась с куском мяса – думаю, она с превеликой охотой взялась бы и за тарелку, лишь бы не участвовать в нашем разговоре.

– У нас есть новости от Макса, – сообщил я Уолтеру.

– От Макса?

– Ну да, от старого друга моей подружки…

Кусок ростбифа из-под ножа Кейры улетел прямо под ноги официанту.

– Я не очень хотела есть, – объяснила она, – поздно позавтракала.

– Вы говорите о письме, которое я вам вчера передал? – спросил Уолтер.

Кейра подавилась пивом и закашлялась.

– Продолжайте, прошу вас, не обращайте на меня внимания, – попросила она, вытирая губы.

– Да, я говорю о том письме.

– Оно имеет отношение к вашим планам? Далеко собрались?

– На север Шотландии, на Шетландские острова.

– Я хорошо знаю это место, в молодости я проводил там каникулы, отец вывозил всю семью на Уэлсей. Засушливая земля, но летом там замечательно, сильной жары не бывает. Папа ненавидел жару. А вот зимы суровые, но он обожал зиму, хотя ездили мы туда только летом. На какой остров вы собрались?

– На Елл.

– Там я тоже был, на северной оконечности стоит самый знаменитый дом с привидениями Соединенного Королевства. Виндхаус – продуваемый ветрами, как следует из названия. Но почему ваш выбор пал именно на Елл?

– Хотим встретиться со старым знакомым Макса.

– И чем занимается этот человек?

– Он на пенсии.

– Ну конечно, понимаю, вы отправляетесь на север Шотландии, чтобы встретиться с другом-пенсионером старого друга Кейры. В этом должен быть смысл. Вы оба очень странные… Что-то от меня скрываете?

– Вы знали, что Эдриен – тот еще зануда? – Кейра ответила вопросом на вопрос.

– Да. – Уолтер кивнул. – Я это замечал.

– Раз так, должны понимать, что ничего другого мы от вас не скрываем.

Кейра попросила у меня ключи от дома, она решила вернуться пешком, дав нам закончить увлекательный мужской разговор. Кейра кивнула Уолтеру и покинула ресторан.

– Вы поссорились? Что еще вы натворили, Эдриен?

– Просто невероятно! Почему вы считаете, что это моя вина?

– Потому что из-за стола ушла она, а не вы. Итак, я слушаю, выкладывайте все начистоту.

– Да ничего я не сделал, черт побери, если не считать того, что со стоическим терпением выслушал любовный бред типа, написавшего это письмо.

– Вы прочли адресованное ей письмо?

– Она сама это сделала!

– Ну что же, это доказывает, что она честна с вами, но я думал, что Макс – просто друг Кейры.

– Друг, с которым она несколько лет назад предавалась любовным утехам.

– Но и вы, друг мой, не вели целомудренный образ жизни до встречи с Кейрой. Хотите, чтобы я напомнил вам ваши собственные откровения? Ваш первый брак, ваш доктор, та рыженькая барменша…

– Я никогда не встречался с рыжей барменшей!

– Вот как? Ну, значит, я встречался. Не важно, и не говорите, что вы как полный идиот ревнуете к прошлому.

– А я и не говорю!

– Вам следует не ненавидеть Макса, а петь ему осанну.

– За что это?

– А за то, что был глуп и отпустил ее, иначе сегодня вы не были бы вместе.

Я был озадачен: в рассуждениях Уолтера была своя логика.

– Ладно, закажите мне десерт и отправляйтесь извиняться. Какой же вы невежа!

Шоколадный мусс оказался столь восхитительным, что Уолтер умолил меня взять еще одну порцию. Подозреваю, он затягивал момент расставания, чтобы поговорить со мной об Элене, вернее, послушать мои рассказы о ней. Он собирался пригласить ее на несколько дней в Лондон и хотел знать, согласится ли она. На моей памяти, тетушка Элена никогда не ездила дальше Афин, но теперь я уже ничему не удивлялся: с некоторых пор все стало возможным. Я посоветовал Уолтеру действовать умно и деликатно. Он выслушал мои бесчисленные советы, а потом смущенно признался, что уже сказал Элене и она ответила, что мечтает побывать в Лондоне. Они условились на конец месяца.

– Так зачем же вы завели этот разговор, если знали ответ?

– Хотел убедиться, что вы не разозлитесь. Вы – единственный мужчина в семье, и я должен был получить ваше согласие.

– Мне почему-то не показалось, что вы меня о чем-то просите.

– Скажем так: я прозондировал почву. Спросил, есть ли у меня надежда, и, если бы почувствовал хоть малейшую враждебность…

– …отказались бы от своих планов?

– Нет, – признался Уолтер, – но умолял бы Элену переубедить вас. Несколько месяцев назад мы были едва знакомы, но я успел привязаться к вам и не хочу рисковать нашей дружбой.

– Уолтер… – сказал я, глядя ему прямо в глаза.

– Что? Вы находите наши отношения неподобающими?

– Я нахожу чудесным, что моя тетушка обретет наконец в вашем обществе долгожданное счастье. То, что вы сказали тогда, на Гидре, сущая правда: будь вы на двадцать лет старше, все бы радовались. Не станем обременять себя лицемерными предрассудками провинциальных буржуа.

– Не хулите провинцию, боюсь, в Лондоне на это смотрят точно так же.

– Никто не велит вам предаваться жгучим поцелуям под окнами Академии… Хотя лично мне идея нравится.

– Значит, вы даете согласие?

– В нем нет необходимости!

– В каком-то смысле есть… ваша тетушка хочет, чтобы о ее маленьком путешествии вашей маме сообщили вы… конечно, если

согласитесь.

В кармане завибрировал телефон. На экране высветился мой домашний номер – Кейра теряла терпение. Ничего, нужно было остаться с нами.

– Не ответите? – с тревогой в голосе спросил Уолтер.

– Нет. Так на чем мы остановились?

– На маленькой услуге, которую вы могли бы нам оказать.

– Хотите, чтобы я поведал маме о похождениях ее сестры? Мне и о своих-то непросто с ней говорить, но я сделаю все, что смогу, я ваш должник.

Уолтер схватил меня за руки.

– Спасибо, спасибо, спасибо, – повторял он, тряся меня как грушу.

Телефон снова завибрировал, я не ответил, подозвал официантку и заказал кофе.

Париж

Айвори сидел за письменным столом и при свете лампы просматривал сделанные за день заметки. Когда зазвонил телефон, он снял очки и ответил.

– Хотел сообщить, что передал ваше письмо по адресу.

– Она его прочла?

– Сразу же, утром.

– И как они отреагировали?

– Пока рано говорить…

Айвори поблагодарил Уолтера и сразу же сделал звонок:

– Ваше письмо дошло, примите мою благодарность. Вы написали в точности так, как я продиктовал?

– Слово в слово, но добавил несколько строчек от себя.

– Я же просил ничего не менять!

– Так почему было не написать, а еще лучше – не высказать все – самолично? Зачем вам посредник в моем лице? Не понимаю, во что вы играете.

– Хотел бы я, чтобы это была игра… Вам она доверяет куда больше, чем мне и кому бы то ни было другому. Я не пытаюсь льстить вам, Макс. Вы были ее преподавателем, не я. Когда через несколько дней я позвоню и подтвержу полученные на Елле сведения, она сразу поверит. Не зря говорят, что два мнения всегда лучше одного, не так ли?

– Не в том случае, когда оба этих мнения исходят от одного человека.

– Кроме нас, никто об этом не знает. Забудьте об угрызениях совести – я делаю это ради безопасности Кейры. Сообщите, когда она позвонит. Она позвонит, я уверен, а вы, как мы и договаривались, будете «недоступны». Завтра я сообщу вам новый номер для связи со мной. Спокойной ночи, Макс.

Лондон

Мы вышли из дома на рассвете. Кейра задремала в такси, и мне пришлось растолкать ее, когда машина остановилась перед Хитроу.

– Мне все меньше и меньше нравится летать, – сказала она, когда самолет начал разгоняться на взлет.

– Досадная помеха для путешественницы. Ты что, хочешь добираться до Крайнего Севера пешком?

– Есть еще корабли…

– Зимой?

– Дай мне поспать.

В Глазго была трехчасовая остановка. Я хотел показать Кейре город, но погода не слишком благоприятствовала прогулке. Кейра беспокоилась, как мы будем взлетать в таких погодных условиях. Небо почернело, тучи затянули горизонт. Время шло, вылеты откладывались, пассажиров просили набраться терпения. Сильная гроза обрушилась на взлетную полосу, и большинство рейсов отменили, но наш номер все еще горел на табло.

– Каковы шансы, что этот старик нас примет? – спросил я, выходя из буфета.

– А каковы шансы долететь целыми и невредимыми до Шетландских островов? – вопросом на вопрос ответила Кейра.

Гроза ушла. Бортпроводница пригласила нас на посадку, и Кейра без всякой охоты ступила на трап.

– Смотри, – сказал я, указывая пальцем на просвет в иллюминаторе, – мы пройдем там и минуем непогоду.

– А этот твой просвет проводит нас на посадку?

Положительным моментом пятидесятипятиминутной тряски стало то, что Кейра не отпускала мою руку.

Мы прилетели на Шетландский архипелаг в середине дня под проливным дождем. В агентстве мне посоветовали арендовать машину в аэропорту. Мы проехали шестьдесят миль по дороге, петлявшей по равнинам, где паслись стада овец. Животные дни напролет гуляли на воле, и фермеры метили своих овец разными цветами, чтобы отличить их от соседских. Эти пятна чудесно контрастировали с серыми

небесами. В Тофте мы сели на паром до Улсты, маленькой деревушки на восточном побережье Елла. На остальной части острова люди жили на хуторах.

Я заказал для нас «бэд-энд-брекфаст» в Берраво – судя по всему, единственном на острове подобии гостиницы.

«Бэд-энд-брекфаст» оказался фермой, где сдавали комнату редким туристам.

Елл – один из островков на краю света, песчаная равнина длиной тридцать пять километров и шириной не больше двенадцати. Население – девятьсот пятьдесят семь человек, каждое рождение, как и каждая смерть, серьезно меняет демографию этих мест. Выдры, серые тюлени и арктические крачки составляют основную фауну острова.

Давшая нам приют фермерская чета оказалась вполне симпатичной, если не считать того, что из-за акцента я далеко не все понимал. Ужин подавали в 6 и 7 вечера, комната освещалась двумя свечами. Ставни хлопали на ветру, лопасти ржавого ветряка скрипели в ночи, дождь бил по стеклам. Кейра прижалась ко мне, но любовью мы этим вечером не занимались.

Проснулись мы ни свет ни заря, и я порадовался, что накануне мы легли так рано. Блеяли овцы, хрюкали свиньи, кудахтали куры, недоставало только мычания коровы, но яйца, бекон и овечье молоко, которые нам подали на завтрак, оказались фантастически вкусными. Фермерша спросила, что привело нас на Елл.

– Мы приехали к антропологу, который несколько лет назад поселился на острове. Его зовут Ян Торнстен, вы с ним знакомы? – спросила Кейра.

Фермерша пожала плечами и вышла из кухни. Мы озадаченно переглянулись.

– Вчера ты спросила, каковы шансы на то, что этот тип захочет нас принять. Готов понизить ставки, – шепнул я.

Позавтракав, я направился в хлев – нанести визит мужу нашей фермерши. На вопрос о Яне Торнстене он скривился:

– Он вас ждет?

– Вообще-то нет.

– Значит, встретит вас выстрелом из ружья. Голландец – мерзкий тип, одиночка, ни с кем не общается. Раз в неделю приходит в деревню за покупками, но ни с кем не разговаривает. Два года назад у фермеров,

что живут с ним по соседству, возникли проблемы. Жена родила ночью, и не все прошло гладко. Нужно было ехать за доктором, а у мужа не заводилась машина. Парень отправился за помощью, шел километр под дождем, а голландец начал палить в него из карабина. Ребенок не выжил. Этот мужик – просто гад! На кладбище за его гробом пойдут только кюре да столяр.

– А почему столяр?

– Да потому, что он хозяин катафалка и лошади.

Я передал Кейре наш разговор, и мы решили прогуляться по берегу и придумать план, как подобраться к Торнстену.

– Я пойду одна, – объявила Кейра.

– И речи быть не может!

– В женщину он стрелять не станет, я для него не опасна. Знаешь, на островах вечно придумывают истории о соседях-негодяях. Не думаю, что этот человек такое чудовище, как нам его описали. Я знаю многих, кто обстрелял бы чужака, заявившегося ночью с неожиданным визитом.

– Странные у тебя знакомства!

– Подвезешь меня к границам его владений, а дальше я пойду пешком.

– Ни за что!

– Он меня не тронет, точно тебе говорю. Обратного полета я боюсь куда больше, чем Торнстена.

Мы шли вдоль скал и диких бухточек и продолжали спорить. Кейра пришла в восторг от выдры, которая нисколько нас не испугалась и целый час бежала следом, держась на некотором отдалении. Дул холодный ветер, но дождя не было, так что прогулка вышла приятная. Потом мы встретили возвращавшегося с рыбалки мужчину и спросили у него дорогу.

– Куда вам надо? – буркнул он себе в бороду с чудовищным, еще хуже, чем у наших хозяев, акцентом.

– В Берраво.

– Это в часе ходьбы, в обратную сторону, – бросил он и пошел прочь.

Кейра побежала следом.

– Здесь красивые места, – сказала она.

– Кому что нравится, – ответил он.

– Зимы здесь, наверное, суровые, – продолжила Кейра.

– Не устали от банальностей? Мне пора готовить ужин.

– Господин Торнстен?

– Не знаю никого с таким именем, – буркнул он, ускоряя шаг.

– Что-то не верится, ведь на острове живет немного народу.

– Верьте во что хотите и отстаньте от меня. Вы спросили дорогу… Развернитесь и идите в обратную сторону.

– Я археолог. Мы приехали издалека, специально ради встречи с вами.

– Мне плевать, археолог вы или ботаник, я не знаю никакого Торнстена.

– Прошу вас, уделите мне несколько часов, я читала ваши работы о крупных миграциях эпохи палеолита, и мне совершенно необходимы кое-какие пояснения.

Мужчина остановился и смерил Кейру взглядом:

– Вы похожи на зануду, а я не люблю, когда меня достают.

– А вы похожи на гнусного сварливого старика.

– Не стану спорить, – улыбнулся собеседник Кейры, – лишний повод не сводить со мной знакомство. На каком еще языке вам объяснить, чтобы вы оставили меня в покое?

– Попробуйте на голландском! Не думаю, что в этом глухом углу у многих такой же акцент, как у вас.

Он повернулся к Кейре спиной и пошел прочь, но она снова его догнала:

– Упрямьтесь сколько хотите. Если понадобится, я буду бежать следом хоть до вашего дома. Вы что, станете палить в меня из ружья?

– Это фермеры из Берраво вам наплели? Не верьте всем глупостям, которые услышите на острове, людям скучно, вот они и выдумывают.

– Единственное, что меня интересует, – ответила Кейра, – это ваше профессиональное мнение.

В первый раз за все время мужчина снизошел до меня.

– Она всегда такая прилипчивая или мне особо повезло? – спросил он, отвернувшись от Кейры.

Я бы не стал определять характер Кейры именно этим словом, но решил не спорить, улыбнулся и подтвердил, что упорства у нее в избытке.

– Чем еще вы занимаетесь помимо того, что составляете ей компанию?

– Я астрофизик.

В его темно-синих глазах неожиданно мелькнуло любопытство.

– Люблю звезды, – мечтательным тоном произнес он. – Когда-то они вели меня…

Торнстен поддел камешек носком ботинка.

– Полагаю, вы тоже их любите, раз выбрали эту профессию? – спросил он.

– Так и есть.

– Идемте, я живу в конце дороги. Налью вам выпить, вы поговорите со мной о небесном своде, а потом оставите в покое, идет?

Мы скрепили уговор рукопожатием.

Потертый ковер на деревянном полу, старое кресло перед камином, два стеллажа, забитых пыльными книгами у стен, тяжелая кованая кровать в углу под старым лоскутным покрывалом и лампа на ночном столике составляли всю обстановку самой просторной комнаты этого скромного жилища. Хозяин усадил нас за кухонный стол, разлил по чашкам крепчайший черный кофе и закурил сигарету.

– Что конкретно вы ищете? – спросил он и задул спичку.

– Информацию о первых миграциях через Крайний Север в Америку.

– Миграционные потоки – спорная тема, заселение Американского континента – процесс куда более сложный, чем может показаться на первый взгляд, но все это вы могли узнать из научных монографий.

– Насколько вероятно, – продолжала Кейра, – что какая-то группа покинула Средиземноморский бассейн, чтобы выйти к Берингову проливу и морю Бофорта через полюс?

– Неслабая прогулочка, – ухмыльнулся Торнстен. – По-вашему, они летели самолетом?

– Не ехидничайте, просто ответьте на вопрос.

– И когда же, по вашему мнению, имела место эта эпопея?

– За четыре-пять тысяч лет до нашей эры.

– Никогда ни о чем подобном не слышал. Почему именно тогда?

– Меня интересует конкретно этот период.

– Льды тогда были крепче, чем сегодня, а океан меньше; передвигаясь в благоприятное время года, люди могли осуществить такой переход. Довольно морочить мне голову. Вы сказали, что читали мои работы. Не знаю, как вам это удалось, я мало публиковался, а вы слишком молоды и не могли присутствовать на моих лекциях – кстати,

их можно пересчитать по пальцам. Если вы действительно изучали мои работы, значит, задаете вопрос, ответ на который знаете сами, поскольку я защищал теории, за которые меня изгнали из Археологического общества. Теперь я задам два вопроса: что вам в действительности от меня нужно и какую цель вы преследуете?

Кейра залпом допила кофе:

– Ладно, будем играть в открытую. Я не читала ни одной вашей статьи и еще на прошлой неделе понятия не имела о вашем существовании. Один мой друг, профессор, посоветовал найти вас. Он сказал, что вы, возможно, сумеете пролить свет на спорный вопрос о крупных миграциях населения Земли. Я всегда предпочитала искать там, где другие отступались. Сегодня я ищу проход, по которому люди в четвертом или пятом тысячелетии могли пересечь Крайний Север.

– К чему им было предпринимать такое путешествие? – спросил Торнстен. – Что могло заставить их рисковать жизнью? Это ключевое звено в вопросе о миграциях, юная леди. Человек мигрирует только по необходимости, когда испытывает голод, жажду или когда его преследуют, сниматься с места заставляет инстинкт выживания. Взять хотя бы вас: вы покинули свое уютное гнездышко и явились ко мне, в эту старую развалюху, потому что вам что-то нужно, я прав?

Кейра посмотрела на меня, ища в моих глазах ответ на вопрос, о котором я догадывался. Должны ли мы довериться этому человеку, показать ему наши фрагменты и то, что происходит, если их соединить? Я заметил, что с каждым разом интенсивность свечения слабеет. По-моему, лучше сэкономить энергию и не посвящать в дело новых людей. Я покачал головой, Кейра поняла и повернулась к Торнстену.

– Итак? – повторил он.

– Чтобы доставить послание.

– Какого рода?

– Некую важную информацию.

– Кому, позвольте спросить?

– Духовным вождям цивилизаций, возникших на больших континентах.

– А откуда они могли знать, что на таком отдалении от их собственной цивилизации существуют другие, равные ей по уровню?

– Уверенности в этом у них быть не могло, но я не знаю ни одного путешественника, который бы точно знал, что именно найдет, когда доберется до цели. Но те, о ком я думаю, встретили на своем пути

немало иных народов и логично предполагали, что в дальних землях тоже живут люди. У меня есть доказательство, что три подобных путешествия были осуществлены одновременно и на далекие расстояния. Одно – на юг, другое – на восток, в Китай, и третье – на запад. Для подтверждения моей теории остается только север.

– Это правда? – недоверчиво спросил Торнстен.

Его тон изменился. Он придвинул свой стул ближе к Кейре, положил руку на стол и стал скрести ногтями по дереву.

– Я не стала бы вам лгать, – ответила Кейра.

– То есть не солгали бы два раза подряд?

– Я хотела вас приручить. Говорят, к вам не так-то просто найти подход.

– Я затворник, но не дикий зверь!

Торнстен взглянул на Кейру: бездонный взгляд его окруженных морщинками глаз было нелегко выдержать. Он встал и ненадолго оставил нас одних.

– Позже мы поговорим о ваших звездах, не думайте, что я забыл про уговор! – крикнул он из гостиной.

Торнстен вернулся с длинным тубусом, достал из него карту и разложил на столе, прижав углы кофейными чашками и пепельницей.

– Вот, – сказал он, показав на большой карте полушарий север России. – Если подобное путешествие действительно имело место, ваши посланцы могли выбрать множество разных маршрутов. Один – через Монголию и Россию к Берингову проливу; это ваше предположение. В те времена шумерские народы уже строили надежные корабли, способные обогнуть айсберги и доплыть до моря Бофорта, пусть даже нет никаких доказательств, что они туда ходили. Другой маршрут – через Норвегию, Фарерские острова, Исландию, потом через Гренландию или вдоль ее побережья, залив Баффина к морю Бофорта. Не забудьте – людей мог убить холод, белые медведи и недостаток еды, поскольку питались они в основном рыбой, которую сами же и ловили. Тем не менее все возможно.

– Возможно или правдоподобно? – спросила Кейра.

– Я был сторонником утверждения, что представители европейской расы совершали подобные путешествия больше чем за двадцать тысяч лет до нашей эры. Я также всегда был уверен: нельзя считать, что шумерская цивилизация возникла на берегах Евфрата и

Тигра только потому, что они научились сохранять выращенный урожай, но мне никто не поверил.

– Почему вы говорите мне о шумерах? – удивилась Кейра.

– Потому что эта цивилизация была одной из первых, если не первой, у которой появилась письменность, то есть она обзавелась инструментом, позволяющим человеку фиксировать свой язык. А еще шумеры создали архитектуру и начали строить настоящие корабли. Вы ищете доказательства великого путешествия, совершенного тысячелетия назад, и надеетесь найти их волшебным способом, как Мальчик-с-пальчик, добравшийся до дома по следу из камешков? Тогда вы удручающе наивны. Что бы вы там в действительности ни искали, если это имело место, след найдется в письменных источниках. Будете слушать дальше или станете попусту перебивать?

Я сжал руку Кейры, давая понять, чтобы не перебивала Торнстена.

– Некоторые исследователи считают, что шумеры осели на берегах Евфрата и Тигра, потому что там в изобилии произрастала полба и они научились сохранять урожаи этой злаковой культуры, кормившей их в холодные месяцы и неурожайные годы. Отпала необходимость кочевать, чтобы добывать пропитание. Я пытаюсь донести до вас следующую мысль: оседлость свидетельствует о переходе от состояния выживания к жизни как таковой. Став оседлым, человек принимается улучшать свой повседневный быт, именно тогда и начинается развитие цивилизации. Если географическая или климатическая аномалия нарушает этот порядок, лишая человека хлеба насущного, он снова пускается в путь. Все массовые переселения, или миграции, имеют единственной целью выживание вида. Шумеры обладали слишком обширными знаниями, чтобы быть простыми земледельцами, неожиданно перешедшими к оседлому образу жизни. Я выдвинул теорию, согласно которой эта развитая цивилизация возникла из слияния разнородных групп, каждая из которых являлась носительницей самобытной культуры. Одни пришли с индийского субконтинента, другие приплыли по морю, вдоль персидского побережья, третьи добрались туда из Малой Азии. Азовское, Черное, Эгейское и Средиземное моря находились в непосредственной близости одно от другого или даже сообщались. Мигранты объединились и создали удивительнейшую цивилизацию. Если какой-то народ и совершил путешествие, о котором вы мне рассказали, это наверняка были шумеры! И они бы непременно его описали. Найдите таблички с

этими записями и получите доказательства, что то, что вы ищете, существует.

– «Я разделил диск памяти…» – едва слышно произнесла Кейра.

– Что вы сказали? – переспросил Торнстен.

– Мы нашли текст, начинающийся фразой: «Я разделил диск памяти».

– Что за текст?

– Это длинная история, но написан он был на геэзе, а не на шумерском.

– До чего ж вы глупы! – Торнстен в ярости грохнул кулаком по столу. – Это не означает, что текст был записан непосредственно во время путешествия, о котором вы мне толковали. Вы что, нигде не учились? Истории передаются из поколения в поколение, через границы, каждый народ пересказывает историю по-своему и начинает считать ее своей. Знаете, сколько заимствований было найдено в Ветхом и Новом Завете? Целые куски историй, украденные у других, куда более древних, чем иудейская и христианская, цивилизаций, отредактированные в соответствии с собственным пониманием. Англиканский архиепископ, примас Ирландии Джеймс Ашшер, опубликовал между 1625 и 1656 годами хронологию, согласно которой начало мира приходилось на 23 октября 4004 года до Рождества Христова – фантастическая глупость! Бог создал время, пространство, галактики, звезды, Солнце, Землю и животных, мужчину и женщину, ад и рай. Причем женщину он создал из ребра Адама!

Торнстен расхохотался, сходил за бутылкой вина, открыл ее, налил три стакана и поставил на стол. Свой он выпил залпом и тут же наполнил снова.

– Знали бы вы, сколько кретинов до сих пор свято верят, что у мужчин на одно ребро меньше, чем у женщин, – умерли бы со смеху… А ведь эта басня навеяна шумерской поэмой и родилась из простой игры слов. Библия нашпигована такими заимствованиями, рассказ о знаменитом потопе и Ноевом ковчеге – еще одна шумерская сказка. Забудьте о ваших пеласгах, это тупик. Они в лучшем случае были участниками эстафеты, гонцами; только шумеры могли построить корабли, способные выдержать такое плавание, они все изобрели! Египтяне все у них переняли, в том числе письменность, мореходное искусство и строительство городов из камня. Если ваше путешествие состоялось, началось оно здесь! – Торнстен ткнул пальцем в Евфрат.

Он снова встал и пошел в гостиную.

– Сидите, сейчас я вам кое-что покажу.

Кейра склонилась над картой и провела пальцем по голубой ленте реки, улыбнулась и сказала, понизив голос:

– Здесь рождается шамаль, в том самом месте, которое указал Торнстен. Забавно думать, что он прогнал меня из долины Омо, но в конце концов я к нему вернулась.

– Шорох крыльев бабочки… – Я пожал плечами. – Если бы шамаль не подул, нас бы тут не было.

На кухню вернулся Торнстен с другой, более подробной картой Северного полушария.

– Каково было реальное положение льдов в ту эпоху? Какие пути закрылись и какие открылись? Мы можем лишь предполагать. Единственный способ подтвердить вашу теорию – найти доказательства этих переходов, пусть даже не в конечной точке их пути, но хотя бы в тех местах, где посланцы могли делать остановки. Доказательств, что они достигли цели, нет.

– А если бы вы решили пойти по их следу, какой из двух маршрутов выбрали бы?

– Боюсь, следов не осталось, разве что…

– Да? – нетерпеливо спросил я.

Я впервые вмешался в разговор, и Торнстен обернулся, словно только что меня заметил.

– Вы говорили о первом путешествии в Китай. Те, кто туда добрался, могли пойти дальше, в Монголию, в этом случае самым логичным было направление на озеро Байкал. Оттуда они могли сплавляться по течению Ангары до ее впадения в Енисей, устье которого находится в Карском море.

– Значит, это было осуществимо! – воскликнула Кейра.

– Советую вам отправиться в Москву. Попробуйте обратиться к тамошним археологам и получить адрес их коллеги, некоего Владимира Егорова. Этот старый выпивоха живет, как и я, затворником, кажется, на берегу Байкала. Скажете, что вы от меня, вернете сто долларов, которые я одолжил у него тридцать лет назад… и, думаю, он вас примет.

Торнстен полез в карман брюк и достал скатанную в шарик десятифунтовую купюру.

– Придется вам ссудить мне сто долларов… Егоров – один из немногих русских археологов, имевших официальное разрешение на

проведение раскопок в те времена, когда все было запрещено. Он когда-то занимал высокий пост и был отлично осведомлен о делах своих собратьев, хотя никогда бы в этом не признался. В хрущевскую эпоху блистать было небезопасно, как и иметь собственные идеи насчет начального периода заселения Родины-матери. Если археологи обнаружили следы пребывания переселенцев на побережье Карского моря в четвертом и пятом тысячелетии, Егоров наверняка об этом знает. Он один может сказать, правы вы или заблуждаетесь. Так, все, закончили! – Торнстен снова ударил кулаком по столу. – Уже поздно, сейчас я вас приодену, чтобы не замерзли, и в путь. Небо сегодня светлое, я так давно смотрю на эти чертовы звезды, что хочу наконец узнать, как некоторые из них называются.

Он снял с вешалки две парки и кинул нам.

– Вот, надевайте, как только закончим, я открою нам по банке селедки и вы расскажете мне новости!

Данное слово нужно держать, особенно если попал на край света и единственная живая душа на десять километров вокруг идет с вами рядом, неся на плече заряженное ружье.

– Не смотрите на меня так, словно я собираюсь пальнуть вам в задницу крупной дробью. Местность здесь пустынная, никогда не знаешь, с какой зверюгой повстречаешься в ночи. И кстати, не отходите от меня далеко. Ладно, взгляните вон на ту звезду у нас над головой и скажите, как она называется!

Мы долго гуляли в темноте, Торнстен то и дело указывал на звезду, созвездие или туманность, я их называл, в том числе некоторые, не видимые глазом. Он выглядел по-настоящему счастливым и не был похож на человека, с которым мы только что познакомились этим вечером.

Селедка оказалась вполне съедобной, а испеченная в золе картошка просто вкусной. За ужином Торнстен не спускал с Кейры глаз – должно быть, он очень давно не принимал в своем доме на краю света такую красивую женщину. Потом мы сидели у камина и пили обжигающую горло водку. Торнстен снова склонился над разложенной на полу картой, знаком пригласил сесть рядом с ним на ковер и сказал:

– Расскажите, что вы на самом деле ищете!

Кейра не ответила. Торнстен взял ее руки и посмотрел на ладони.

– Земля не сделала им подарков.

Он показал ей свои ладони:

– Я тоже копал, очень давно.

– В какой части света вы вели раскопки?

– Не важно, это и правда было слишком давно.

Поздно вечером он повел нас в сарай, где стоял его пикап, и отвез на ферму, где нам предстояло ночевать, высадив в двухстах метрах от нее. Мы бесшумно пробрались в комнату при свете старенькой зажигалки «Зиппо», которую Торнстен продал нам за кругленькую сумму в сто долларов, поклявшись, что она стоит как минимум вдвое дороже.

Я задул свечу и попытался согреться, закутавшись в ледяные влажные простыни, и тут Кейра повернулась ко мне и задала странный вопрос:

– Ты слышал, чтобы я упоминала в разговоре с ним пеласгов?

– Не уверен. Может, и упоминала… А что?

– А то, что перед тем, как попросить нас оплатить его долг старому русскому другу, он сказал: «Забудьте ваших пеласгов, это неверное направление». Я почти уверена, что ни словом о них не обмолвилась.

– Думаю, ты просто не заметила, вы оба были увлечены беседой.

– Тебе было скучно?

– Нисколько, он забавный тип. Большой оригинал. Хотел бы я знать, почему голландец скрылся от мира на богом забытом острове на севере Шотландии.

– Мне это тоже очень любопытно. Нужно было спросить.

– Не уверен, что он бы ответил.

Кейра вздрогнула и прижалась ко мне. Я размышлял о ее вопросе, перебирая в голове весь разговор с Торнстеном, и не мог вспомнить, в какой момент Кейра говорила о пеласгах. Ее эта проблема, судя по всему, больше не волновала, она заснула и дышала тихо и ровно.

Париж

У реки было холодно, дул ледяной ветер. Айвори присел на скамью под старой ивой, поднял воротник пальто и потер замерзшие ладони. В кармане завибрировал телефон – этого звонка старый профессор ждал весь вечер.

– Дело сделано!

– Они легко вас нашли?

– Возможно, ваша подружка – блестящий археолог и вы не зря ее расхваливали, но если бы я сидел и ждал, они бы и к весне до меня не добрались. Пришлось «случайно» с ними столкнуться…

– Как все прошло?

– Именно так, как вы просили.

– И вы думаете, что…

– Что я их убедил? Думаю, да.

– Спасибо, Торнстен.

– Не за что, теперь мы квиты, раз и навсегда.

– Я никогда не утверждал, что вы мне хоть чем-то обязаны.

– Вы спасли мне жизнь, Айвори. Я давно жаждал вернуть вам долг. Мне не слишком весело жилось в вынужденном изгнании, но на кладбище было бы совсем скучно.

– Бросьте, Торнстен, не стоит бередить рану.

– Еще как стоит, и вы выслушаете меня до конца. Вы вырвали меня из лап убийц после того, как я нашел этот проклятый обломок в Амазонии. Вы спасли меня от покушения в Женеве – предупредили, снабдили деньгами, чтобы я мог исчезнуть. Иначе…

– Все это давняя история, – перебил Айвори, и в его голосе прозвучала печаль.

– Не такая уж давняя, иначе вы не направили бы ко мне двух своих заблудших овечек, чтобы я наставил их на путь истинный. Скажите честно, вы понимаете, какому риску их подвергаете? Вы посылаете их на бойню и прекрасно это знаете. Те люди, что так старались «достать» меня, ополчатся и на этих двоих, если они подойдут слишком близко. Вы превратили меня в своего подельника, и у меня душа не на месте с тех пор, как мы расстались.

– Уверяю вас, с ними ничего не случится, времена изменились.

– Ну да, конечно, так почему я до сих пор гнию здесь? Вы и им поможете сменить документы, когда получите что хотели? Им тоже придется до скончания века прятаться в какой-нибудь захудалой дыре? Таков ваш план? Что бы вы ни сделали для меня в прошлом, теперь мы квиты, именно это я и хотел сказать. Больше я вам ничего не должен.

В трубке раздался щелчок: Торнстен прервал разговор. Айвори вздохнул и выбросил телефон в Сену.

Лондон

После возвращения в Лондон выяснилось, что получения российских виз придется ждать еще несколько дней. Чек, выданный Академией в качестве выходного пособия, позволял без проблем оплатить дальнейшие разъезды. Кейра проводила бóльшую часть времени в библиотеке Академии – заботами Уолтера я сохранил туда доступ. Я искал на стеллажах книги, которые нужны были Кейре, потом относил их на место и порядочно скучал, так что в конце концов отпросился у нее на полдня и сел перед компьютером, чтобы связаться с двумя старыми друзьями, которым давно не давал о себе знать. Эруэну я отослал письмо-загадку, зная, что ругаться он начнет, как только увидит мой адрес. Читать сразу не станет, но к вечеру любопытство возьмет верх над обидой. Он устроится перед монитором и будет ломать голову над моим вопросом.

Дав команду «отправить», я снял трубку и набрал номер Мартина в обсерватории Джодрелл[13].

Меня неприятно удивила холодность его тона. Мартин не слишком любезно сообщил, что у него много работы, и повесил трубку, даже не простившись. У меня остался крайне неприятный осадок от этого разговора. Мы с Мартином были по-настоящему близки, и я не мог понять, что произошло. Возможно, у него возникли какие-то личные проблемы, которыми он не захотел делиться.

К пяти вечера я обработал почту, оплатил просроченные счета, преподнес коробку шоколадных конфет соседке в знак благодарности за помощь, которую она оказывала мне весь этот год, и решил сходить в бакалейную лавку на углу, чтобы пополнить припасы.

Я ходил по рядам магазина, когда ко мне подошел хозяин с банками в руках.

– Сразу не оборачивайтесь, – сказал он, делая вид, что наводит порядок на полке с консервами. – С тротуара напротив за вами наблюдает какой-то тип.

– Что он делает?

– Это не впервые, я заметил его, когда вы приходили в прошлый раз. Не знаю, во что вы вляпались, но поверьте моему опыту: он явно не тот, кем хочет казаться.

– То есть?..

– Он похож на легавого, ведет себя как легавый, но он не легавый, а сволочь и шваль чистейшей пробы.

– Откуда вы знаете?

– У меня кое-кто из родственников сидит, ничего серьезного – торговля «случайно» выпавшими из грузовика товарами.

– Думаю, вы ошибаетесь, – сказал я, выглядывая из-за его плеча.

– Воля ваша, но если передумаете, у меня в подсобке есть выход во двор. Сможете через соседний дом выйти на параллельную улицу.

– Вы действительно очень любезны.

– Не хочу терять постоянного клиента…

Хозяин вернулся за прилавок, я подошел к витрине, сделал вид, что выбираю на этажерке газету, и незаметно бросил взгляд на улицу. Бакалейщик оказался прав: водитель припаркованного у тротуара напротив автомобиля явно за мной следил. Я решил окончательно все прояснить, вышел и направился прямо к нему. Когда я ступил на асфальт мостовой, мотор взревел, и автомобиль сорвался с места.

Хозяин магазина, наблюдавший за моим маневром через витрину, красноречиво пожал плечами. Я вернулся, чтобы заплатить за покупки.

– Вынужден признать, что все это более чем странно, – сказал я, протягивая ему кредитку.

– Вы в последнее время не совершали ничего противозаконного? – поинтересовался он.

Вопрос показался мне неуместным, но задан он был таким доброжелательным тоном, что я не обиделся.

– Насколько мне известно, нет, – ответил я.

– Оставьте покупки здесь и бегите домой.

– Зачем?

– Сдается мне, этот тип просто наблюдал и осуществлял прикрытие.

– О чем вы?

– Пока вы здесь, можно быть уверенным, что вас нет в другом месте. Понимаете, о чем я?

– И в каком другом месте меня нет?

– Например, дома!

– Вы думаете, что…

– …что, если вы продолжите тратить время на болтовню, будет слишком поздно? Вне всяких сомнений!

Я схватил пакет с продуктами и побежал домой. В доме все оказалось в полном порядке, дверь не была взломана, так что опасения бакалейщика не подтвердились. Я бросил покупки на кухне и отправился за Кейрой в Академию.

***

Кейра зевнула, потерла глаза и решила сделать перерыв. Она закрыла книгу, поставила ее на место, ушла из библиотеки, простилась с Уолтером и спустилась в метро.

***

Пасмурное, серое небо, моросящий дождь, блестящий от влаги асфальт – обычный зимний вечер в Лондоне. Из-за чудовищных пробок я сорок пять минут добирался до Академии и еще десять искал место для парковки. Я закрыл машину и увидел выходящего Уолтера. Он тоже меня заметил и пошел навстречу через улицу.

– Есть время выпить по стаканчику? – спросил он.

– Заберу Кейру из библиотеки, и мы присоединимся к вам в пабе.

– Думаю, она ушла с полчаса назад, может, даже больше.

– Вы уверены?

– Она зашла проститься, и мы немного поболтали. Так что насчет пива?

Я взглянул на часы, понял, что, если поеду домой сейчас, навечно застряну в пробках, и решил позвонить Кейре из пивной.

Народу в пабе было не протолкнуться, но Уолтер так активно работал локтями, что мы все-таки пробрались к стойке. Уолтер взял две пинты, протянул мне кружку поверх плеча втиснувшегося между нами посетителя и заметил освободившийся в глубине зала столик. Мы успели занять его и погрузились в плотный, как вода в аквариуме, гул голосов.

– Итак, ваш набег на Шотландию прошел успешно?! – крикнул Уолтер.

– Восхитительно… если любишь селедку. Я считал, что замерзал в Атакаме, но на Елле не только холодно, но и влажно, и ветер дует

ледяной!

– Вы нашли, что искали?

– Кейра полна энтузиазма, так что, боюсь, скоро мы снова двинемся в путь.

– Эта история вас в конце концов разорит, – рявкнул Уолтер.

– Уже! – улыбнулся я.

В кармане завибрировал телефон.

– Ты рылся в моих вещах? – замогильным голосом спросила Кейра.

– Конечно нет, зачем мне это?

– Ты точно не открывал мою сумку? – шепотом продолжила она.

– Ты уже спрашивала. Разумеется, нет.

– И ты не оставлял свет в спальне?

– Тоже нет. Может, скажешь наконец, что происходит?

– Кажется, я в доме не одна…

У меня мгновенно заледенела кровь.

– Уходи оттуда, Кейра! – завопил я. – Убирайся немедленно из дома, беги не оборачиваясь в бакалейную лавку на углу Олд-Бромптон и жди меня там, слышишь? Кейра, ты меня слышишь?

Связь прервалась, я вихрем пронесся через зал, расталкивая всех на своем пути, и выскочил на улицу. Мотоциклист готовился объехать застрявшее в пробке такси, я кинулся наперерез, вынудив его остановиться, и принялся объяснять, что речь идет о жизни и смерти, а потом пообещал щедро заплатить, если он доставит меня на пересечение Олд-Бромптон-роуд и Крессвелл-Гарден. Он кивком указал мне на сиденье у себя за спиной и резко стартовал.

Мимо на сумасшедшей скорости пролетали улицы: Олд-Мэрилебон, Эджвер-роуд, Марбл-Арч, забитый машинами, автобусами и такси перекресток с круговым движением. Мой водила выскочил на тротуар. Я не так часто ездил на мотоцикле, но старался помогать ему, как только он закладывал очередной вираж. Десять нескончаемых минут бешеной гонки, проезд через Гайд-парк под проливным дождем, потом вверх по Кэрридж-Драйв между двумя рядами машин, колени то и дело задевают их кузова. Серпентайн, Экзибишн-роуд, площадь у станции метро «Южный Кенсингтон», уже видна Олд-Бромптон, до предела заполненная автомобилями. На пересечении с Куинс-Гейт-Мьюз мотоциклист прибавил газу, проскочил перекресток на желтый свет, и мы едва не столкнулись с грузовичком, который тронулся на

мгновение раньше, чем загорелся зеленый. Мотоциклист вцепился в руль и повалил машину набок, я на спине полетел к тротуару, машинально отмечая застывшие от ужаса, окаменевшие лица прохожих. Мне повезло, я не попал под колеса, вскочил, увидел, что мой мотоциклист цел и пытается поднять свою машину, махнул рукой в знак благодарности и кинулся бежать, криком разгоняя людей, толкнул какую-то пару, и в спину мне зазвучали ругательства. До бакалейной лавки оставалось не больше ста метров, я мчался что было сил, молясь, чтобы Кейра была там.

Хозяин страшно изумился, увидев меня на пороге: потный, задыхающийся, я, хватая воздух ртом, лишь с третьей попытки сумел задать ему вопрос. Впрочем, ответа я ждать не стал: в магазине была всего одна покупательница, и находилась она в глубине магазина. Я пробежал между рядами и заключил ее в объятия. Молодая женщина взвизгнула и отвесила мне две, а может, три хлесткие пощечины – посчитать я не успел. Хозяин лавки снял трубку телефона, и я крикнул ему, выбегая, чтобы как можно быстрее отправил полицию по адресу Крессвелл-плейс, 24.

Кейра сидела на парапете перед входной дверью.

– Что с тобой? У тебя пунцовые щеки, ты что, упал? – спросила она.

– Не упал, а напал… на кое-кого, очень похожего на тебя.

– И куртка разодрана. Скажи наконец, что стряслось!

– Я собирался задать тебе тот же вопрос.

– Боюсь, в наше отсутствие тут побывали незваные гости, – сказала Кейра. – Моя сумка стояла в гостиной и была открыта. Когда я вошла, услышала шаги грабителя, он был в доме.

– Ты видела, как он уходил?

Из подъехавшей полицейской машины вышли два офицера. Я объяснил, что у нас есть веские причины подозревать присутствие в доме грабителя. Они приказали нам оставаться на улице и отправились на разведку, но через несколько минут вернулись ни с чем. Видимо, преступник сбежал через сад. Второй этаж в этих старых домишках не слишком высокий, метра два, не больше, а густой газон под окнами смягчил приземление. Я вспомнил о ручке, которую так и не починил: скорее всего, вор вошел через заднюю дверь.

Нас попросили составить список похищенного и зайти в комиссариат, чтобы подписать жалобу.

Полицейские пообещали объехать квартал и позвонить, если кого-нибудь задержат.

Мы с Кейрой проверили обе комнаты. Мою коллекцию фотоаппаратов не тронули, бумажник, который я всегда держу в корзине для всяких мелочей в прихожей, лежал на своем месте. Я проверял спальню, когда снизу меня позвала Кейра.

– Дверь в сад закрыта, – сообщила она. – Я сама запирала ее вчера вечером, так как же этот тип вошел?

– Ты уверена, что кто-то действительно был?

– Если в твоем доме не живет привидение, абсолютно уверена.

– Тогда объясни, как таинственный грабитель сюда проник?

– Понятия не имею, Эдриен!

Я поклялся Кейре, что ничто не помешает нам устроить романтический ужин и вчерашняя история не повторится. Слава богу, с ней ничего не случилось, но я все равно тревожился. Неизжитый посткитайский синдром. Я позвонил Уолтеру, чтобы поделиться с ним своими страхами, но его телефон оказался занят.

Амстердам

Всякий раз, проходя по главному залу Королевского дворца на площади Дам, он восхищался красотой выгравированных на мраморном полу планисфер, но предпочитал всем остальным третью – гигантскую карту звездного неба. Он вышел на улицу и пересек площадь. Наступила ночь, и на улицах зажглись фонари, отражаясь в тихой воде каналов. Он пошел вверх по Хоогстраат, направляясь к своему дому. У тротуара возле дома номер 22 стоял тяжелый мотоцикл. Женщина с коляской улыбнулась Вакерсу, он улыбнулся в ответ и пошел дальше.

Мотоциклист опустил козырек шлема, пассажир последовал его примеру, машина взревела и помчалась по боковой аллее.

Под деревом обнимались влюбленные. Стоявший во втором ряду грузовичок блокировал движение, так что протиснуться могли только велосипедисты.

Пассажир на заднем сиденье мотоцикла вытащил из рукава дубинку.

Молодая женщина, толкавшая коляску, обернулась, влюбленные перестали целоваться.

Вакерс шел по мосту и вдруг почувствовал, как его спину что-то больно обожгло. У него перехватило дыхание, воздух перестал поступать в легкие. Он рухнул на колени, попробовал уцепиться за фонарь, но не сумел и упал на землю. Во рту появился вкус крови, и он подумал, что, падая, прикусил язык. С каждым вдохом воздух обжигал легкие, раненые почки обильно кровоточили, кровь с каждой секундой все сильнее давила на сердце.

Вокруг установилась странная тишина. Он собрал оставшиеся силы и поднял голову. К нему на помощь со всех сторон бежали прохожие, издалека приближался вой сирены.

Женщина с коляской испарилась. Парочка влюбленных исчезла, парень на заднем сиденье мотоцикла вскинул руку, отдавая честь Вакерсу, и тяжелая машина скрылась за углом.

Вакерс судорожно вцепился в лежавший в кармане мобильник, нажал на кнопку, с трудом поднес трубку к уху и оставил сообщение на автоответчике Айвори.

«Это я, – прошептал он, – боюсь, наш английский друг не оценил шутку, которую мы с ним сыграли».

Приступ кашля не дал ему продолжить. Изо рта потекла теплая кровь, и от этого почему-то стало легче. Лицо Вакерса исказилось от боли, он замерзал.

«К несчастью, мы больше не сможем сыграть в шахматы, и мне этого будет недоставать, мой дорогой, надеюсь, как и вам».

Новый приступ кашля, жуткая боль в спине, телефон едва не выскользнул из рук, но он успел его поймать.

«Рад, что при последней встрече успел сделать вам тот маленький подарок, используйте его по назначению. Мне будет не хватать вас, старина, еще больше, чем наших поединков. Будьте предельно осторожны и позаботьтесь о себе…»

Силы покидали Вакерса, но он успел стереть набранный номер. Рука медленно разжалась, свет погас, и его голова упала на асфальт.

Париж

Айвори вернулся из театра в свою парижскую квартиру. Спектакль оказался безобразно скучным. Он повесил пальто на вешалку в прихожей, пошел на кухню, достал из холодильника тарелку с фруктами, налил бокал вина, устроился на диванчике в гостиной, расшнуровал туфли и со стоном облегчения вытянул разболевшиеся ноги. Взяв пульт, он заметил мигающую на автоответчике лампочку. Это было странно. Он нажал на клавишу и сразу узнал голос старого друга.

Дослушав сообщение, Айвори почувствовал слабость, ноги задрожали, и он ухватился за стеллаж, уронив на паркет несколько старых фолиантов. Сделав над собой невероятное усилие, он выпрямился и сжал зубы, но не сумел унять слез. Айвори отирал их со щек тыльной стороной ладони и сотрясался в рыданиях, потом открыл старинный трактат по астрономии, взглянул на форзац, где была в мельчайших деталях воспроизведена карта звездного неба XVII века, и перечитал посвящение.

Я знаю, эта книга Вам понравится, ибо она не имеет недостатков и в ней есть все, даже свидетельство нашей дружбы.

Ваш верный шахматный партнер

Вакерс.

На рассвете Айвори собрал чемодан, закрыл за собой дверь квартиры и отправился на вокзал, чтобы первым поездом уехать в Амстердам.

Лондон

Утром позвонили из агентства и сообщили, что визы наконец получены и можно забрать паспорта. Кейра крепко спала, и я решил, что справлюсь один, а на обратном пути куплю молока и свежего хлеба. Было холодно, тротуар Крессвелл-плейс обледенел. Дойдя до угла, я помахал бакалейщику, он подмигнул в ответ, и тут зазвонил мой сотовый. Наверное, Кейра не нашла записку, которую я оставил для нее на кухне. К моему великому удивлению, оказалось, что звонит Мартин.

– Извините за тот разговор, – сказал он.

– Не извиняйтесь, я очень за вас беспокоился, не мог понять, что вас так расстроило.

– Я едва не лишился работы, Эдриен, из-за вас, из-за вашего визита в обсерваторию и тех исследований, что я провел для вас.

– Что за чушь?

– Они пригрозили, что уволят меня за грубую профессиональную ошибку, придравшись к тому, что я пустил в обсерваторию посторонних, в том числе вашего друга Уолтера.

– Да кто «они»?

– Те, кто нас финансирует, правительство.

– Но это был совершенно невинный визит, Мартин, к тому же мы с Уолтером члены Академии, все это какой-то бред!

– Вовсе нет, Эдриен, поэтому я не сразу перезвонил, а сейчас звоню с улицы, из автомата. Мне ясно дали понять, что вам раз и навсегда заказан вход в обсерваторию, а я не имею права выполнять никакие ваши просьбы, даже самые невинные. О вашем увольнении я узнал только вчера. Не знаю, что вы натворили, Эдриен, но, черт побери, таких, как вы, не увольняют, во всяком случае, так не увольняют, а если увольняют, значит, и моя карьера висит на тонком волоске: вы ведь в десять раз компетентней меня!

– Очень мило с вашей стороны, Мартин, вы мне льстите, но если это вас утешит, никто, кроме вас, так не думает. Не знаю, что происходит, мне подали все не как увольнение, я временно отстранен от преподавания.

– Очнитесь, Эдриен, они вас вышибли самым наглым образом. Мне дважды звонили и задавали вопросы о вас, запретили говорить с

вами, даже по телефону: наше начальство совсем обезумело.

– Воскресное жаркое и рыба с чипсами весь год не могли не сказаться, – съязвил я.

– Не смешно, Эдриен. Что теперь с вами будет?

– Не беспокойтесь, Мартин, у меня нет ни предложений о работе, ни денег на банковском счете, но с некоторых пор я просыпаюсь рядом с любимой женщиной, она меня удивляет, смешит, приводит в смятение, возбуждает, ее страстность завораживает меня днем, а вечером, когда она раздевается, я ужасно… Она, как бы это сказать… волнует меня. Сами видите – меня не стоит жалеть, скажу честно и не хвалясь: еще никогда в жизни я не был так счастлив.

– Рад за вас, Эдриен. Вы мой друг, и я чувствую себя виноватым за то, что уступил давлению и перестал общаться с вами. Поймите, я не могу себе позволить потерять работу, никто не ляжет со мной в постель сегодня вечером, работа – единственная страсть моей жизни. Если вам вдруг понадобится со мной связаться, оставьте сообщение от имени Гиллигана, и я сам перезвоню.

– Кто такой Гиллиган?

– Мой пес, красавец бассет. К несчастью, мне пришлось усыпить его в прошлом году. До скорого, Эдриен.

Я убрал телефон, озадаченный услышанным, и тут за моей спиной раздался голос:

– Ты правда так обо мне думаешь?

Я обернулся и увидел Кейру. Она снова надела один из моих свитеров и накинула на плечи пальто.

– Я нашла записку и решила зайти за тобой в агентство, чтобы ты отвел меня позавтракать. У тебя в холодильнике одни овощи, но есть кабачки утром… Ты с кем-то так увлеченно беседовал, что я решила: подкрадусь и застукаю тебя за разговором с любовницей.

Я повел ее в кафе, где подавали вкуснейшие круассаны: паспорта могли подождать.

– Итак, вечером, когда я раздеваюсь, ты возбуждаешься?

– У тебя нет своей одежды или мои шмотки – это какой-то фетиш?

– Кому ты так подробно описывал меня по телефону?

– Старому другу. Знаю, тебе это покажется странным, но он беспокоится из-за моего увольнения.

Мы вошли в кафе, устроились за столиком, и Кейра взялась за круассаны с миндальным кремом, а я сидел и думал, стоит ли делиться с ней тревогами, никак не связанными с моей работой.

Послезавтра мы сядем в самолет и улетим в Москву. Идея убраться из Лондона показалась мне удачной.

Амстердам

Похоронная процессия, следовавшая тем утром по пустынному кладбищу за длинным, блестевшим лаковыми боками гробом, состояла из двух человек. Мужчина и женщина медленно шли по дорожке за катафалком. Священника у могилы не было, и гроб сразу опустили в яму. Как только он коснулся земли, женщина бросила на крышку белую розу и горсть земли, мужчина повторил ее жест, они раскланялись и разошлись в разные стороны.

Лондон

Сэр Эштон собрал разложенные на столе фотографии, убрал их в конверт и захлопнул папку.

– Вы очень хорошо получились на этих снимках, Исабель. Траур вам к лицу.

– Айвори догадался.

– Надеюсь, что так, это было послание для него.

– Не знаю, правильно ли…

– Я попросил вас выбрать между Вакерсом и двумя молодыми учеными, и вы выбрали старика! Так что не стоит упрекать меня.

– Это было необходимо?

– И вы еще спрашиваете! Неужели только я, я один, правильно оцениваю последствия его действий? Вы отдаете себе отчет в том, что случится, если его протеже добьются успеха? Неужели вы не понимаете, как высоки ставки, не осознаете, что ради этого стоит пожертвовать последними годами жизни одного старика?

– Я все понимаю, Эштон, вы мне это уже говорили.

– Исабель, я вовсе не старый кровожадный безумец, но я не колеблюсь, когда того требуют интересы государства. Ни один из нас, и вы в том числе, не колеблется. Возможно, принятое нами решение спасет много жизней, а если Айвори наконец отступится, не пострадают и эти молодые ученые. Не смотрите на меня так, Исабель, я всегда действовал в интересах большинства. В рай я вряд ли попаду, но…

– Умоляю, Эштон, давайте сегодня обойдемся без сарказма. Мне действительно нравился Вакерс.

– Я тоже его ценил, хоть у нас и бывали стычки. Я уважал его и надеюсь, что принесенная жертва, которая так тяжело далась и вам, и мне, не окажется бесполезной.

– Вчера утром Айвори был чудовищно подавлен, я никогда не видела его в подобном состоянии, за одну ночь он постарел на десять лет.

– Я бы не возражал, чтобы он постарел на двадцать или сразу отправился к праотцам.

– Так почему было не пожертвовать им, а не Вакерсом?

– У меня на то были свои причины!

– Только не говорите, что ему удалось обезопасить себя, я думала, вы всесильны и неуязвимы.

– Если бы Айвори вдруг умер, его маленькая археологиня удвоила бы рвение. Она неуправляема и слишком умна и хитра, чтобы поверить в несчастный случай. Нет, я уверен, вы сделали верный выбор: мы убрали с доски нужную фигуру; но если развитие событий покажет, что вы ошиблись и они продолжат поиски, мне не придется называть вам имена наших следующих мишеней.

– Уверена, Айвори все понял, – вздохнула Исабель.

– В противном случае вы узнаете об этом первой, никому другому он больше не доверяет.

– Мадридский скетч был разыгран безупречно.

– Я позволил вам стать во главе совета, вы мне обязаны.

– Я действую так не из чувства благодарности к вам, Эштон, но потому, что разделяю вашу точку зрения. Мир не готов знать, еще слишком рано. Мы не готовы.

Исабель взяла сумку и пошла к двери.

– Может, стоит забрать из тайника наш фрагмент? – спросила она с порога.

– Нет, он в полной безопасности там, где находится теперь после смерти Вакерса. Кроме того, никто не знает, как до него добраться, чего мы и хотели. Вакерс унес тайну в могилу.

Исабель кивнула и вышла. Пока дворецкий провожал ее к выходу, секретарь сэра Эштона вошел в кабинет с конвертом в руке. Эштон распечатал его и поднял голову:

– Когда они получили визы?

– Позавчера, сэр, сейчас они в самолете. Нет, – секретарь взглянул на часы, – уже приземлились в Шереметьеве.

– Как случилось, что нас не предупредили заранее?

– Не знаю, но выясню, если прикажете. Вернуть вашу гостью? Она еще не покинула дом.

– Не стоит. Но предупредите наших людей на месте. Эти две птички не должны улететь из Москвы. С меня довольно. Пусть убьют девушку, без нее астрофизик безвреден.

– Вы уверены, что хотите действовать именно так, учитывая инцидент в Китае?

– Если бы я мог избавиться от Айвори, сделал бы это не задумываясь, но не могу, да и наша проблема вряд ли была бы решена. Действуйте, как я сказал, и пусть наши люди не стесняются в средствах, на сей раз я предпочитаю эффективность скрытности.

– Значит, нам следует предупредить наших русских друзей?

– Да. Я этим займусь.

Секретарь вышел.

Исабель поблагодарила дворецкого, открывшего ей дверцу такси, бросила последний взгляд на величественный фасад лондонского жилища сэра Эштона и велела шоферу везти ее в аэропорт Сити.

Сидевший на скамейке в маленьком сквере напротив викторианского здания Айвори посмотрел вслед удалявшейся машине. Заморосил дождь, он тяжело оперся на зонт, поднялся и пошел прочь.

Москва

Доставшийся нам номер пропитался застоявшимся запахом табака. Температура на улице была не выше ноля, но Кейра немедленно распахнула окно.

– Извини, других свободных номеров не оказалось.

– Здесь ужасно воняет сигарным дымом.

– И сигары явно были не лучшего качества. Хочешь, сменим гостиницу? Можно попросить еще одеял или два пуховика.

– Не стоит терять время. Давай немедленно отправимся в Археологическое общество: чем скорей мы получим адрес этого Егорова, тем скорей уберемся отсюда. Боже, как же мне не хватает ароматов долины Омо!

– Я ведь обещал, что мы туда вернемся, как только доведем дело до конца, помнишь?

– Я часто спрашиваю себя: будет ли он, этот конец? – буркнула Кейра, закрывая дверь.

– Ты помнишь адрес Общества? – спросил я, когда мы спускались в лифте на первый этаж.

– Не знаю, почему Торнстен по-прежнему так его называет: оно давно вошло в состав Академии наук.

– Академия наук? Звучит красиво! Возможно, у них найдется для меня работа, чем черт не шутит…

– В Москве? Не выдумывай!

– В Атакаме я вполне мог бы работать с русской командой. Звездам, знаешь ли, нет дела до национальности астронома.

– Это оказалось бы очень кстати в нынешней ситуации. Ты должен продемонстрировать мне знание кириллицы.

– Скажи-ка, желание всегда оставлять последнее слово за собой – это тщеславие или мания?

– Одно вполне совместимо с другим! Ну что, вперед?

Ледяной ветер втолкнул нас в такси. Кейра попыталась объясниться с водителем, но в конце концов прибегла к помощи карты. Тому, кто жалуется на хамство парижских таксистов, нужно хоть один раз прокатиться с их московским собратом. Нашего водителя не смущал

гололед, он лихо крутил баранку старенькой «Лады», и машину почти не заносило.

На входе в Академию Кейра представилась, и охранник направил нас в секретариат. Молодая сотрудница, вполне прилично говорившая по-английски, приняла нас весьма радушно. Кейра рассказала, что мы ищем адрес некоего профессора Егорова, который в пятидесятых годах был одним из крупнейших советских археологов.

Молодая женщина удивилась и сказала, что впервые слышит о таком, хотя картотека ведется со дня основания Академии. Она попросила нас подождать, отсутствовала полчаса и вернулась с мужчиной лет шестидесяти. Он представился одним из членов президиума и пригласил нас пройти в его кабинет. Мы простились с очаровательной Светланой, после чего Кейра больно пнула меня по ноге и язвительно поинтересовалась, сумею ли я сам заполучить телефон красотки или мне понадобится помощь.

– Не понимаю, о чем ты, – со страдальческим вздохом отвечал я, потирая ушибленную щиколотку.

– Не пудри мне мозги!

Размеры и богатство обстановки кабинета с огромным окном заставили бы Уолтера побледнеть от зависти. В стекле отражалось солнце, за окном, кружась в танце, пролетали пухлые хлопья снега.

– Зима не лучшее время года для посещения Москвы, – посетовал хозяин кабинета, приглашая нас сесть. – Ночью, самое позднее завтра утром, обещают метель.

Он разлил по чашкам душистый чай и продолжил:

– Думаю, я нашел вашего Егорова. Можете сказать, зачем вам понадобилось встречаться с этим человеком?

– Я пишу исследование о миграциях населения в Сибири в четвертом тысячелетии до нашей эры, и мне сказали, что Егоров – крупный специалист по этой теме.

– Вполне вероятно, – кивнул наш собеседник, – хотя у меня есть некоторые сомнения.

– Какого рода сомнения? – спросила Кейра.

– В Советском Союзе слежка за учеными велась, пожалуй, жестче, чем за другими гражданами. Скрываясь за фасадом научного института, сотрудники спецслужб отслеживали работу ученых, конфискуя все их находки. Многие предметы бесследно исчезли… Коррупция расцветает повсюду, где пахнет большими деньгами, – добавил он, заметив

изумление на наших лицах. – Жизнь в этой стране была и остается нелегкой, а в былые времена одна золотая монета из раскопа обеспечивала нашедшему месяцы безбедной жизни – как, кстати, и кости, которые было куда легче переправить за границу. В царствование Петра Первого, при котором, собственно, и начались археологические раскопки, национальное достояние России разграбляли все кому не лень. При Хрущеве были сделаны попытки защитить наши богатства, но в стране очень быстро возникла крупнейшая сеть контрабандной торговли предметами старины. Партийные чиновники разных уровней присваивали археологические находки и торговали ими, пополняя собрания западных музеев и частных коллекционеров. Агенты спецслужб следили абсолютно за всеми, начиная с работавших «в поле» рядовых ученых и кончая руководителями поисковых экспедиций. Ваш Владимир Егоров был, скорее всего, одним из заправил преступной сети, где в ход шли любые средства, вплоть до убийства. Если мы говорим об одном и том же Егорове, он человек с криминальным прошлым, пребывающий на свободе только благодаря влиятельным покровителям, до сих пор остающимся у власти. Все они его клиенты, не желающие терять ловкого и удачливого поставщика. Если захотите восстановить против себя всех честных археологов моего поколения, упомяните его имя, а посему, прежде чем дать вам адрес Егорова, хочу спросить: какого рода предмет вы надеетесь вывезти из России? Я уверен, что этот же вопрос очень заинтересует высшие инстанции Министерства внутренних дел и Таможенного комитета. Вряд ли вам захочется объясняться с ними лично, не так ли? – спросил он, снимая трубку телефона.

– Вы ошибаетесь, это наверняка не наш Егоров, а его однофамилец! – возмущенно закричала Кейра, прижимая ладонью рычаг.

Даже я не поверил ни единому слову из услышанного. Хозяин кабинета улыбнулся и снова набрал номер.

– Перестаньте! Торгуй я антиквариатом, неужели явился бы узнавать адрес маклера в Академию наук? По-вашему, я такой дурак?

– Должен признать, в этом есть резон. – Чиновник положил трубку. – Кто и почему порекомендовал вам обратиться к Егорову?

– Один старый археолог, по причинам, которые я от вас не утаила.

– В таком случае он над вами посмеялся, но я могу свести вас со специалистами, которые занимаются миграциями сибирских народов.

Следующим летом у нас состоится симпозиум на эту тему.

– Мне нужно встретиться с этим человеком, – ответила Кейра. – Мне требуются доказательства, и они, возможно, припрятаны в загашнике у вашего дельца.

– Могу я взглянуть на ваши паспорта? Хочу сообщить данные таможенникам, если решу свести вас с Егоровым. Вы пришли за помощью в Академию, но я не хочу, чтобы мое имя связали с этим делом или, хуже того, обвинили в соучастии. Предлагаю обмен: вы разрешаете снять копии с ваших документов, а я даю вам адрес.

– Боюсь, нам придется вернуться за паспортами в гостиницу.

– Они в «Метрополе», – вмешался я, – позвоните портье, если не верите, и попросите послать вам факсом первые страницы.

В дверь постучали. Вошедшая секретарша что-то вполголоса сказала хозяину кабинета, тот извинился, сказал, что вернется через несколько минут, и предложил воспользоваться телефоном.

Он записал номер на листке и протянул мне. Мы с Кейрой остались одни.

– Ну что за идиот этот Торнстен!

– Согласен, у него не было никаких причин посвящать нас в прошлое Егорова, – вступился я за старого отшельника, – но это не значит, что он участвовал в его темных делишках.

– А сто долларов? Думаешь, они предназначались для покупки безделушек? В семидесятые годы сотня долларов была в СССР большими деньгами. Звони, мне не по себе в этом кабинете.

Я не шевельнулся, и Кейра решила действовать сама, но я отнял у нее трубку.

– Мне все это не нравится, совсем не нравится, совсем, – сказал я, встал и подошел к окну.

– Можно узнать, что ты делаешь?

– Вспоминаю тот карниз на горе Хуашань, на высоте двух с половиной тысяч метров, помнишь? Сможешь пройти по такому же, только на уровне четвертого этажа?

– О чем ты?

– Думаю, наш любезный хозяин сейчас встречает легавых на крыльце Академии: через несколько минут они появятся здесь и арестуют нас. Их машина стоит на улице – «форд» с синей мигалкой на крыше. Запри дверь, и пошли!

Я придвинул к стене стул, открыл окно и попытался оценить взглядом расстояние до пожарной лестницы на углу здания. Карниз скользкий от снега, зато на фасаде много выступающих облицовочных камней, это вам не гладкая поверхность горы Хуашань! Я помог Кейре влезть на подоконник и последовал за ней на карниз. В дверь забарабанили: скоро наше бегство обнаружат и начнется погоня.

Кейра двигалась вдоль стены с фантастической ловкостью, несмотря на ветер и снег; я прикрывал ее с тыла, и через несколько минут мы оказались на пожарной лестнице. Оставалось преодолеть пятьдесят обледеневших железных ступеней. Кейра поскользнулась и растянулась на площадке второго этажа, ухватилась за перила и поднялась, бормоча себе под нос ругательства. Уборщик, натиравший пол в главном коридоре, обомлел, увидев нас за окном, я помахал ему и догнал Кейру. Последняя часть лестницы была выдвижной, но крючки примерзли, и мы зависли в трех метрах над землей – высоковато, слишком велик риск переломать ноги. Я вспомнил, как один мой приятель по колледжу выпрыгнул со второго этажа и приземлился на асфальт, получив открытый перелом обеих голеней. Это отбило у меня охоту изображать Джеймса Бонда (или его дублера), и я принялся дубасить по лестнице, чтобы сбить лед, а Кейра прыгала на ней обеими ногами и вопила: «Я тебя сделаю, сволочь!» (цитирую дословно). Угроза возымела действие, лед откололся, и Кейра с головокружительной скоростью поехала вниз.

Когда она с хриплым вскриком приземлилась на тротуаре, в окне появилось разъяренное лицо нашего давешнего знакомца. Я спрыгнул, и мы, как два вора, рванули к метро. Кейра вихрем пронеслась через подземный переход, поднялась по лестнице, перескакивая через две ступеньки, и оказалась на другой стороне проспекта. В Москве достаточно поднять руку, и какая-нибудь машина да остановится, многие автомобилисты подрабатывают извозом. За двадцать долларов водитель черной «Волги» согласился нас подвезти.

Я решил проверить его уровень знания английского и, сияя улыбкой, заявил, что в его машине здорово воняет козлом, что он как две капли воды похож на мою прабабушку и что с такими ручищами, как у него, наверное, непросто ковырять в носу. Он трижды ответил «Да», и я успокоился.

– Что будем делать? – спросил я.

– Заберем вещи и попробуем сесть в поезд прежде, чем нас загребут в милицию. Просидев ночь в китайской тюрьме, я скорее кого-нибудь убью, но за решетку не вернусь.

– И куда же мы поедем?

– На озеро Байкал, Торнстен нам о нем говорил.

Машина остановилась перед гостиницей. Мы подошли к стойке, и прелестная девушка-администратор вернула нам паспорта. Я сказал, что хочу оплатить счет, извинился за то, что мы вынуждены сократить срок пребывания в Москве, и попросил, если возможно, зарезервировать два билета на поезд Москва – Владивосток. Она наклонилась и, понизив голос, сообщила, что два агента пять минут назад запросили у нее список проживающих в гостинице англичан и сейчас изучают его, сидя в холле. Она добавила, что ее приятель – англичанин и скоро увезет ее в Лондон, а весной они поженятся. Я поздравил ее с такой удачей, она шепнула: «*Боже, храни королеву!*» – и подмигнула.

Я потащил Кейру к лифтам, дважды поклялся ей, что не флиртовал с девушкой у стойки, и объяснил, почему у нас практически не осталось времени.

Мы собрали вещи и уже выходили, когда зазвонил телефон и моя будущая соотечественница сообщила, что забронировала для нас два билета на поезд до Владивостока, вагон номер 7, отправление в 23.24. Билеты мы могли забрать прямо на вокзале – она внесла их стоимость в счет и указала номер моей кредитки. Помолчав, она добавила, что, пройдя через бар, мы покинем гостиницу незамеченными…

Лондон

Айвори не стал смотреть новости, выключил телевизор и подошел к окну. Дождь перестал, из «Дорчестера» вышла пара, женщина села в такси, а мужчина вернулся в отель. Старушка, выгуливавшая собаку на Парк-лейн, дружески помахала водителю.

Айвори покинул наблюдательный пост, достал из мини-бара шоколадку, развернул и положил на столик, после чего отправился в ванную за снотворным. Держа таблетку на ладони, он взглянул на свое отражение в зеркале.

«Старый идиот, ты разве не знал, что стоит на кону? Не понимал, в какую игру ввязался?»

Он запил снотворное водой из-под крана, вернулся в гостиную и устроился в кресле перед шахматной доской.

Айвори дал имена всем пешкам противника: Афины, Стамбул, Каир, Москва, Пекин, Рио, Тель-Авив, Берлин, Бостон, Париж, Рим, окрестил короля Лондоном, королеву – Мадридом и смахнул на ковер все фигуры, кроме Амстердама. Эту пешку он завернул в платок и спрятал в карман. Черный король отступил на клетку назад, офицер и пешка остались на своих местах, а двух слонов Айвори передвинул на третью линию. Закончив, он внимательно взглянул на доску, оценивая позицию, снял тапочки, улегся на диван и погасил свет.

Мадрид

После совещания был устроен фуршет. Исабель украдкой коснулась руки сэра Эштона. Этим вечером он был неотразим. На последнем совете большинство высказалось за продолжение поисков, но на сей раз перевес оказался на стороне английского лорда. Он получил голос даже самого ценного на текущий момент сторонника: Москва согласился употребить все свое влияние, чтобы найти и нейтрализовать двух ученых, выслав их из России в Лондон и отказав – раз и навсегда – в визах. Эштон предпочел бы более радикальные меры, но его коллеги не были готовы проголосовать за подобное решение. Желая успокоить их совесть, Исабель предложила идею, единодушно одобренную всеми. Кнут не помог, так почему бы не испробовать пряник, сделав каждому предложение, от которого он не сможет отказаться, и тем самым разделить их? Принуждение отнюдь не всегда дает лучшие результаты. Исабель, она же Мадрид, проводила гостей вниз, и кортеж лимузинов отправился от «Ворот Европы» в аэропорт Барахас. Сэр Эштон отказался воспользоваться личным самолетом Москвы, сославшись на необходимость уладить кое-какие дела в Испании.

Москва

Сотрудников милиции на Ярославском вокзале оказалось подозрительно много. Они патрулировали группами по четыре человека, вглядываясь в лица людей у выхода на платформы, в зале, у камер хранения и в торговых рядах. Кейра почувствовала, что я нервничаю, и решила меня успокоить:

– Мы же не грабители банков! Проверка в гостинице – обычное дело, но закрывать вокзалы и аэропорты… Нет, это уж слишком! Да и как они могли узнать, что мы здесь?

Я пожалел, что заказал билеты через службу бронирования «Метрополя». Если следивший за нами агент видел копию заказа – а у меня были веские причины полагать, что он ее видел! – максимум через десять минут девушка-администратор заговорит. Я не разделял оптимизма Кейры и был почти уверен, что служители правопорядка ищут на вокзале именно нас. Билетные автоматы находились в нескольких метрах от того места, где мы стояли. Я бросил взгляд на кассы, но отказался от этой мысли: там сразу поймут, что мы иностранцы, и поднимут тревогу.

По залу в поисках клиентов шатался чистильщик обуви с сундучком на ремне через плечо. Он несколько раз прошел мимо нас, с вожделением поглядывая на мои ботинки, я знаком подозвал его и предложил небольшую сделку.

– Что ты затеял? – удивилась Кейра.

– Хочу кое-что проверить.

Чистильщик взял предложенные в качестве аванса доллары, и я пообещал отдать остальное, как только он принесет нам билеты.

– Подло так подставлять человека!

– Ему ничего не грозит, ты сама сказала, что мы не преступники.

Стоило бедному парню начать операцию, как во всех концах зала затрещали рации: милиционеры получили приказ, смысл которого, увы, стал мне сразу ясен. Кейра поняла, что происходит, и крикнула чистильщику, чтобы сматывался. Я едва успел схватить ее за руку и оттащить в угол потемнее. Четверо патрульных пробежали мимо нас к билетным автоматам. Кейра застыла от ужаса, глядя, как на чистильщика надевают наручники, и я попытался ее успокоить:

полиция продержит парня несколько часов и отпустит, но описание наше он дать успеет.

– Снимай пальто! – велел я, сбрасывая куртку.

Я сунул одежду в сумку, мы натянули толстые длинные свитера, я обнял Кейру, и мы направились к камере хранения. Я поцеловал ее и велел ждать за колонной, а сам направился прямиком к билетным автоматам: там нас стали бы искать в последнюю очередь. Кейра изумленно смотрела мне вслед. Я пробрался через толпу, вежливо извинившись перед каким-то военным, подошел к автомату, на мое счастье выдававшему инструкции на английском, оплатил наличными два билета и вернулся за Кейрой.

Никто из сотрудников службы безопасности не обратил на меня ни малейшего внимания.

– Что мы станем делать в Монголии? – встревожилась Кейра, разглядывая билеты.

– Сядем в поезд Москва – Владивосток, а когда тронемся, я предъявлю контролеру эти билеты, объясню, что мы ошиблись, и, если понадобится, оплачу разницу.

Дело было далеко не завершено, предстояло попасть на платформу и сесть в вагон. У агентов наверняка было только описание наших примет, в лучшем случае – копии с фотографий в паспортах, но кольцо скоро сомкнется, и у поезда нас возьмут. Они ищут двоих, значит, нужно разделиться. Кейра шла метрах в пятидесяти впереди меня. Наш поезд отходил в 23.24, так что времени было в обрез. На платформе царили суета и суматоха, как в деревне в базарный день, тут и там вперемежку стояли ящики с птицей, коробки с сырами и солониной, чемоданы, баулы и корзины. Пассажиры старенького поезда, пересекавшего Азиатский континент за шесть дней, пробивались к составу, расталкивая носильщиков. Люди переругивались на китайском, русском, монгольском, мальчишки продавали из-под полы предметы первой необходимости – шапки, шарфы, бритвенные станки, зубные щетки и пасту. Милиционер приметил Кейру и остановил ее, я ускорил шаг, толкнул его, проходя мимо, и вежливо извинился, он что-то недовольно пробурчал, но вернулся на свой наблюдательный пост, а Кейра тем временем успела скрыться из виду.

Прозвучало объявление о скором отправлении поезда, и люди устремились к вагонам. Проводники нервничали, торопясь проверить билеты. Я остановился у седьмого вагона: проход был забит людьми, но

Кейры среди них не было. Я поднялся на площадку, бросил последний взгляд на платформу, и меня протолкнули внутрь. Я решил, что сойду на первой же остановке, если Кейры в поезде не окажется, и вернусь в Москву. Мы не договорились, где встретимся, если вдруг потеряемся в толчее посадки, и теперь я пытался представить, что может прийти ей в голову. Я заметил идущего с другого конца вагона милиционера и скользнул в ближайшее купе, но он не обратил на меня ни малейшего внимания. Я занял место рядом с итальянской четой, в соседнем купе устроились французы, были в поезде и мои соотечественники. В поезде оказалось много иностранцев, и это было нам на руку. Состав медленно тронулся, милиционеры остались на опустевшей платформе, и вскоре вокзал растаял вдалеке, уступив место унылому серому предместью.

Соседи по купе пообещали присмотреть за моими вещами, и я отправился на поиски Кейры. В двух следующих вагонах ее не оказалось. Поезд набрал скорость. Я прошел еще один вагон и попал во второй класс, где уже вовсю закусывали и выпивали, звучали тосты, кто-то во все горло распевал веселую песню.

В вагоне-ресторане были заняты почти все столики. Человек шесть краснощеких украинцев чокались, произнося тост за Францию. Среди них я обнаружил порядком захмелевшую Кейру.

– Не смотри на меня так, – попросила она, – они ужасно славные!

Кейра подвинулась, освобождая мне место за столиком, и объяснила, что новые знакомые помогли ей сесть в вагон, прикрыв своими телами от слишком ретивого милиционера. Она захотела их отблагодарить, вот и пригласила выпить в ресторане. Я никогда раньше не видел Кейру в подобном состоянии, горячо поблагодарил наших новых друзей и начал уговаривать ее уйти.

– Я хочу есть, мы в вагоне-ресторане, и мне надоело убегать, так что садись и ешь!

Она заказала нам картошку с рыбой, выпила подряд две рюмки водки и через четверть часа уже спала на моем плече.

Мы отнесли ее в купе и уложили на полку, чем ужасно развеселили соседей-итальянцев, она пробормотала что-то невнятное и тут же снова уснула.

Полночи я смотрел в окно, потом сходил к проводнице за чаем и заодно поинтересовался, сколько нам ехать до Иркутска. Женщина сообщила, что путь в четыре с половиной тысячи километров мы преодолеем за три дня и четыре ночи.

Мадрид

Сэр Эштон положил телефон на стол, развязал пояс халата и вернулся к кровати.

– Какие новости? – спросила Исабель, закрывая газету.

– Их засекли в Москве.

– При каких обстоятельствах?

– Они явились в Академию наук и пытались получить сведения об одном бывшем торговце антиквариатом. Принимавший их чиновник счел это подозрительным и позвонил в милицию.

Исабель села на постели и закурила.

– Их арестовали?

– Нет. Когда агенты добрались до гостиницы, пташки уже упорхнули.

– След потерян?

– Понятия не имею, знаю только, что они пытались сесть в поезд до Владивостока.

– Пытались?

– Русские выследили типа, выкупавшего забронированные на их имя билеты.

– Значит, они уехали?

– Вокзал кишел агентами, но никто не видел, чтобы они входили в вагон.

– Если они обнаружили слежку, могли навести преследователей на ложный след. Русская секретная служба не должна вмешиваться в наши дела, это может все осложнить.

– Не думаю, что наши ученые так хитроумны. Эти двое наверняка в поезде: тип, которого они ищут, живет где-то на Байкале.

– Зачем им понадобился этот торговец древностями? Странная идея… Или вы полагаете, что у него…

– …у него находится один из фрагментов? Нет, мы бы давно об этом узнали, но, раз они так упорно пытаются его найти, он точно владеет ценной информацией.

– Что же, дорогой, заставьте его замолчать прежде, чем они до него доберутся.

– Все не так просто. Человек, о котором идет речь, бывший партийный бонза, но живет на роскошной вилле у озера, следовательно, имеет высокопоставленных покровителей. Вряд ли местные решатся выступить против этого человека, придется кого-нибудь посылать.

Исабель затушила сигарету в пепельнице и тут же достала из пачки новую.

– У вас есть другой план, чтобы помешать встрече?

– Вы слишком много курите, дорогая, – сказал Эштон, открывая окно. – Никто не знает о моих планах больше вас, Исабель, но вы тем не менее предложили совету альтернативу, заставляющую нас терять время.

– Так мы можем их перехватить или нет?

– Я получил заверение Москвы, что это будет сделано. Мы сошлись во мнении, что нужно дать нашим пташкам расслабиться. Действовать в поезде слишком сложно. Через восемь часов им начнет казаться, что они выскользнули из сети. Москва пошлет команду в Иркутск, и его люди займутся нашей парочкой, но, принимая во внимание решение совета, ликвидировать не станут, а просто посадят в самолет до Лондона.

– Мое предложение позволило склонить большинство в пользу приостановки поисков и сняло с вас все подозрения касательно Вакерса. Что до остального… не всегда все происходит точно по сценарию…

– Я правильно понял: вы не станете противиться более радикальным мерам?

– Понимайте как хотите, только прекратите метаться по комнате, а то меня укачало.

Эштон закрыл окно, снял халат и лег.

– Не хотите позвонить вашим людям?

– В этом нет необходимости, я уже принял решение.

– Какое именно, позвольте спросить?

– Мы опередим наших русских друзей. Дело будет улажено завтра, как только поезд уйдет из Екатеринбурга. Потом я извещу Москву – из учтивости, – чтобы он не тратил время попусту.

– Совет придет в ярость, когда узнает, что вы проигнорировали принятые сегодня решения.

– Тут я полагаюсь на вашу изобретательность и артистические способности. Обвините меня в излишней инициативе или в

неспособности подчиняться правилам, пожурите, я принесу извинения, поклянусь, что мои люди действовали по собственной инициативе, и можете быть уверены, что через две недели все забудут о моем «прегрешении». Ваш авторитет не пострадает, наши проблемы будут решены. Идеальный вариант…

Эштон погасил свет.

Транссибирская магистраль

Кейра весь день пролежала на полке, терзаемая жестокой мигренью. Я воздержался от упреков за вчерашние бредовые речи, когда она умоляла прикончить ее и прекратить мучения. Каждые полчаса я отправлялся в конец вагона к проводнице за горячей водой и менял Кейре компрессы. Как только она задремывала, я прижимался лбом к стеклу и смотрел на пейзаж за окном. Время от времени поезд проезжал мимо деревень с бревенчатыми избами, останавливался на маленьких станциях, где местные жители торговали вареной картошкой, оладьями, вареньем, пирожками и вареными курами. Потом состав трогался и продолжал свой путь по величественным и пустынным уральским равнинам. К вечеру Кейре стало получше. Она выпила чаю и съела несколько черносливин. Мы подъезжали к Екатеринбургу, где наши соседи-итальянцы должны были пересесть на поезд до Улан-Батора.

– Как бы мне хотелось побывать в Екатеринбурге, – вздохнула Кейра, – увидеть своими глазами Храм-на-Крови.

Странное название для церкви, но она была построена на месте дома Ипатьева, где в июле 1918 года расстреляли императора Николая II, императрицу Александру Федоровну и пятерых детей.

К сожалению, насладиться городскими достопримечательностями не получится, стоянка продлится всего полчаса, пока вагоны будут цеплять к другому локомотиву, сообщила нам проводница. А вот размять ноги и купить чего-нибудь поесть успеем, Кейре это не повредит.

– Я не голодна, – простонала она.

Предместье Екатеринбурга напоминало предместья всех крупных промышленных городов. Вскоре поезд прибыл на вокзал.

Кейра согласилась встать и выйти на перрон подышать воздухом. Наступила ночь, торговавшие едой бабки наперебой предлагали пассажирам свой товар. В вагоны садились новые пассажиры, милицейский патруль совершал обход. На нас милиционеры не обратили никакого внимания, и я расслабился: мы отъехали от Москвы на тысячу с лишним километров, и наши неприятности, судя по всему, остались позади.

Свистка к отправлению не давали, но, когда народ потянулся к вагонам, я понял, что пора возвращаться, купил упаковку минеральной воды и пирожков, которые сам же и съел: Кейра легла и сразу заснула. Я поудобней устроился на полке и провалился в глубокий сон, убаюканный мерным стуком колес.

В два часа утра по московскому времени я услышал за дверью какой-то неясный шум: кто-то пытался проникнуть в наше купе. Я выглянул в коридор, но там никого не оказалось, даже проводница куда-то отлучилась.

Я повернул защелку и решил разбудить Кейру: что-то было не так, в воздухе витала опасность. Она вздрогнула, я прикрыл ей рот ладонью, чтобы не закричала, и знаком велел подниматься.

– В чем дело? – прошептала она.

– Пока не знаю, но хочу, чтобы ты оделась, и побыстрее.

– Куда мы пойдем?

Бессмысленный вопрос. Мы были заперты в тесном купе, ресторан находился через шесть вагонов от нашего, и идея отправиться туда мне не слишком нравилась. Я вытряхнул вещи из своего чемодана, разложил вещи на полках и прикрыл простынями. Потом помог Кейре залезть на багажную полку, выключил свет и неслышно улегся рядом.

– Можешь объяснить, что за игру ты затеял?

– Не шуми – это все, о чем я прошу.

Через десять минут язычок замка щелкнул, дверь купе отъехала в сторону, раздалось четыре сухих щелчка, и дверь снова закрылась. Мы долго лежали, прижавшись друг к другу, пока Кейра не сказала, что сейчас закричит, потому что ногу свела жестокая судорога. Мы покинули свое убежище, Кейра хотела зажечь свет, но я не позволил, отодвинул шторку на окне и впустил лунный свет. Вид продырявленных простыней заставил нас обоих побледнеть. Кто-то проник в купе, чтобы убить нас. Кейра опустилась на колени и сунула палец в дырку.

– Какой ужас… – прошептала она.

– Да уж, белье безнадежно испорчено!

– Откуда такое упорство, черт бы их всех побрал? Мы даже не знаем, что ищем, и уж тем более не можем знать, найдем ли, так почему…

– Возможно, те, кто на нас охотится, знают гораздо больше. Нужно сохранять присутствие духа, иначе не выпутаться. И соображать

побыстрее.

Наш убийца в поезде и до ближайшей остановки не сойдет, если только не решит подождать, пока обнаружат наши трупы, дабы убедиться, что задание выполнено. В первом случае нам лучше затаиться в купе, во втором будет правильней сойти раньше киллера. Поезд замедлил ход, должно быть, перед Омском, следующая остановка будет рано утром в Новосибирске.

Для начала я обмотал ручку двери ремнем и закрепил его на стойке лесенки. Кожа была прочная, так что больше никто в купе не войдет. Потом велел Кейре пригнуться, чтобы незаметно наблюдать за происходящим на перроне.

Состав остановился. Мы не могли видеть, вышел кто-нибудь из вагона или нет, и не были уверены, что убийца покинул поезд.

Следующие несколько часов мы провели, собирая вещи и с тревогой прислушиваясь к малейшему шороху. В 6 утра в коридоре раздались крики. Пассажиры покидали соседние с нашим купе, и Кейра не выдержала.

– Не могу больше сидеть взаперти! – воскликнула она, размотала ремень, бросила его мне и открыла дверь.

– Пошли! Вокруг слишком много народу, нам ничто не угрожает.

Один из пассажиров нашел проводницу лежащей без сознания у титана с глубокой раной на лбу. Ее сменщица, которая должна была заступить днем, велела нам разойтись по купе и сказала, что в Новосибирске в вагон поднимутся следователи.

– Возвращаемся в исходную точку! – в сердцах бросила Кейра.

– Если милиция будет осматривать купе, нужно спрятать простыни, – сказал я, надевая ремень, – не стоит привлекать к себе внимание.

– Думаешь, этот тип где-то поблизости?

– Понятия не имею, но повторять попытку он точно не станет.

На вокзале в Новосибирске два следователя допросили каждого пассажира, и выяснилось, что никто ничего не видел. Раненую проводницу увезли на «скорой помощи», ей на смену прислали другую. В поезде было достаточно иностранцев, так что наше присутствие не привлекло к себе особого внимания. В нашем вагоне ехали голландцы, итальянцы, немцы и даже одна японская пара, ну а мы были обычными

англичанами, не более того. Сыщики проверили наши документы, сошли с поезда, и мы отправились дальше.

Поезд шел среди замерзших болот, окружающий рельеф изменился, заснеженные горы и равнины сменяли друг друга. В середине дня поезд въехал на длинный ажурный металлический мост через величественный Енисей; стоянка в Красноярске продлилась полчаса. Я бы предпочел остаться в купе, но Кейра, несмотря на стужу – за окном было десять градусов мороза, – не могла усидеть на месте. Мы вышли на перрон и купили еды.

– Не вижу ничего подозрительного, – сказала Кейра, с аппетитом уплетая пирожок с капустой.

– Хотел бы я, чтобы это спокойствие продлилось до утра.

Пассажиры начали возвращаться в вагоны, я в последний раз оглянулся вокруг и подсадил Кейру на подножку. Проводница попросила нас поторопиться и закрыла дверь.

Я предложил провести последнюю ночь нашего путешествия в вагоне-ресторане. Пассажиры всех национальностей пили там до утра; среди людей мы будем в большей безопасности. Кейра согласилась со вздохом облегчения. Мы присели за столик к четырем голландцам.

– Как мы будем искать в Иркутске нашего человека? Байкал простирается на тысячи километров[14].

– Зайдем в интернет-кафе и поищем. Если повезет, выйдем на его след.

– Ты владеешь русским?

Я смотрел на весело ухмыляющуюся Кейру, и сердце у меня сжималось от любви. Но услуги переводчика нам все-таки могут понадобиться.

– В Иркутске, – продолжила она, поддразнивая меня, – мы пойдем к шаману, и он расскажет нам об этих местах и их обитателях в тысячу раз больше всех поисковых ресурсов твоего несчастного Интернета!

За ужином она объяснила мне, почему Байкал стал палеонтологическим центром. Открытие в начале XXI века палеолитических стоянок позволило доказать, что люди, за двадцать пять тысяч лет до нашей эры заселившие Сибирь, пришли в Забайкалье. У них был календарь, и они отправляли религиозные обряды.

– Азия – колыбель шаманизма. В этих местах шаманизм воспринимается как изначальная религия. Согласно мифам, шаманизм родился, когда возникла Вселенная, а первым шаманом был Сын Неба. Видишь, наши с тобой профессии связаны с незапамятных времен. Сибирским космогоническим мифам нет числа. В захоронении на Оленьем острове, что на Онеге, нашли костяную статуэтку, датируемую пятым тысячелетием до нашей эры. Она изображает шамана, возносящегося к небу в окружении двух женщин, голова его увенчана священным убором с изображением головы лося.

– К чему ты мне все это рассказываешь?

– А к тому, что здесь, как и во всех бурятских селениях, если хочешь что-нибудь узнать, следует попросить встречи с шаманом. А теперь объясни, зачем ты щупаешь меня под столом?

– Я тебя не щупаю!

– А что ты делаешь?

– Ищу путеводитель, который ты где-то спрятала. И не говори, что действительно знала все это, все равно не поверю!

– Не будь идиотом, – рассмеялась Кейра, а я принялся гладить ее бедра. – Нет у меня никакой книги под задницей! Я знаю урок назубок. Кстати, и на груди я тоже ничего не прячу! Ну хватит, Эдриен!

– Так откуда же ты все это знаешь?

– В университете я увлекалась мистицизмом, была, так сказать, весьма шаманизированной. Ладан, камни судьбы, пляски, экстаз, транс – короче говоря, период в духе *нью-эйдж*, если ты понимаешь, о чем я, и не смей надо мной смеяться. Прекрати, Эдриен, мне щекотно, в этом месте никто ничего не прячет.

– И как же нам отыскать шамана? – спросил я, убирая руки.

– Первый же мальчишка на улице скажет тебе, где живет местный шаман, так что беспокоиться не о чем. В двадцать лет я мечтала о подобном путешествии. Некоторые полагают, что рай находится в районе Катманду, а по мне, так он где-то в этих местах, и я всегда хотела сюда попасть.

– Правда?

– Конечно, правда! А теперь я не стану возражать, если ты продолжишь и даже расширишь свои поиски, но давай вернемся в купе.

Я не заставил себя уговаривать. Рано утром я весьма тщательно обследовал тело Кейры… и не нашел ни единой шпаргалки!

Лондон

Сэр Эштон пил в столовой чай и читал утреннюю газету. В комнату вошел его личный секретарь с мобильным телефоном на серебряном подносе. Эштон молча слушал собеседника, но молодой человек, против обыкновения, задержался: по всей видимости, он должен был сообщить что-то еще, но ждал, пока патрон сам заговорит с ним.

– Ну что еще? Неужели мне нельзя спокойно позавтракать?

– Начальник охраны хочет как можно скорее поговорить с вами, сэр.

– Пусть придет в полдень.

– Он ждет в коридоре, сэр. Похоже, дело очень срочное.

– Начальник охраны явился ко мне в девять утра. Что бы это значило?

– Думаю, он сам вам обо всем сообщит. Мне было сказано, что дело не терпит отлагательств.

– Так не болтайте, а впустите его и, боже правый, подайте нам горячий чай вместо теплой бурды, которую принесли мне. Поспешите, раз уж дело срочное!

Секретарь удалился.

– Что случилось? – отрывистым тоном спросил сэр Эштон.

Начальник охраны молча вручил ему конверт. Эштон распечатал его: внутри лежали фотографии. На одной был запечатлен Айвори, сидящий на скамейке в скверике напротив его дома.

– Что этот болван тут делает? – спросил Эштон, подходя к окну.

– Снимки сделаны вчера, во второй половине дня, сэр.

Эштон задернул шторы и повернулся:

– Если старому безумцу нравится кормить голубей напротив моего дома, это его проблема. Надеюсь, вы побеспокоили меня в неурочный час не из-за этой глупости.

– На первый взгляд операция в России завершилась так, как вы того хотели.

– Так почему было не начать с этой прекрасной новости? Выпьете чаю?

– Благодарю, сэр, я должен идти, у меня много дел.

– Подождите секунду! Почему вы сказали «на первый взгляд»?

– Наш человек вынужден был покинуть поезд раньше запланированного момента, но он абсолютно уверен, что «достал» обе цели.

– Можете быть свободны.

Иркутск

Мы с радостью покинули Транссибирский экспресс, где спокойно провели только последнюю ночь.

Проходя через здание вокзала, я настороженно оглядывался, но не заметил ничего подозрительного. Какой-то парнишка торговал из-под полы сигаретами, Кейра предложила ему десять долларов, сказав, что нам нужно к шаману, он не понял ни слова, но отвел нас к дому на старой улочке, где жил с отцом, державшим дубильную мастерскую.

Меня поразило разнообразие лиц местных жителей. Здесь в полной гармонии жили бок о бок разные этнические сообщества. Иркутск, где умирали медленной смертью покосившиеся деревянные дома, где по улицам шли старые бурятки в традиционных, завязанных под подбородком шерстяных платках с корзинками через руку, а мимо них, звеня по рельсам, медленно полз видавший виды трамвай, показался мне городом с загадочным прошлым… В этих местах в каждой долине, на каждой горе живет свой дух, здесь поклоняются небесам и, прежде чем выпить рюмку водки, брызгают несколько капель на столешницу, мысленно чокаясь с богами. Дубильщик радушно принял нас в своем скромном, чтобы не сказать убогом, жилище и на ломаном английском рассказал, что его предки поселились тут триста лет назад. Его дед был скорняком в те времена, когда буряты торговали мехами в городских торговых рядах, но теперь все в прошлом. Соболь, горностай, выдра и бобер стали редкостью, и маленькая мастерская близ храма Святой Параскевы производит теперь только кожаные ранцы, которые продаются на соседнем базаре, и довольно плохо. Кейра спросила, где и как можно встретиться с шаманом, и он сказал, что самый могущественный живет в Листвянке, маленьком городке на берегу озера Байкал, туда ходит маршрутка и проезд стоит совсем недорого, в отличие от не слишком комфортабельных такси. В этих местах, где одни люди всегда подавляли и жестоко эксплуатировали других, главным остается закон гостеприимства, и хозяин угостил нас обедом. Я никогда не забуду эту трапезу – жилистое вареное мясо с картошкой, чай с салом и хлеб, – которую разделил зимним днем в Иркутске со старым бурятом.

Кейре удалось завоевать доверие мальчика, и они затеяли игру – повторяли незнакомые английские и русские слова и ужасно веселились под растроганным взглядом отца. Потом паренек проводил нас до остановки и отказался взять у Кейры деньги. Тогда она сняла шарф и протянула ему. Он обмотал подарок вокруг шеи и побежал прочь, но в конце улицы остановился и в знак прощания взмахнул шарфом. Я понимал, как тяжело у Кейры на душе: она очень скучала по Гарри и в каждом ребенке, которого мы встречали в наших странствиях, видела его. Я осторожно обнял Кейру, и она положила голову мне на плечо. Я физически ощущал ее печаль и шепотом напомнил свое обещание. Мы вернемся в долину Омо и непременно найдем Гарри.

Маршрутка ехала вдоль реки, мы любовались пейзажем и с любопытством разглядывали шедших по обочине женщин со спящими детьми на руках. Кейра решила просветить меня насчет природы шаманства.

– Шаман – целитель, колдун, жрец, маг, прорицатель, одним словом, одержимый. Он лечит некоторые болезни, приманивает дичь, заклинает дождь, ищет потерянные вещи.

– А твой шаман, случайно, не сможет направить нас прямо к фрагменту? Не придется встречаться с Егоровым, и время сэкономим.

– Я пойду к нему одна!

Кейра была не в настроении шутить, и я приготовился внимательно слушать.

– Для общения с ду́хами шаман входит в транс. Конвульсии означают, что один из духов вошел в его тело. После транса шаман навзничь падает на землю и погружается в каталепсию. Это самый напряженный и опасный момент для собравшихся на круг, ибо шаман может и не вернуться в мир живых. Придя в себя, шаман рассказывает о своем странствии. Одно из них тебе бы точно понравилось, это странствие в космос, его называют волшебным полетом. Шаман по «небесному переходу» попадает на Полярную звезду и проникает на ее обратную сторону.

– Нам ведь нужен только адрес. Может, удовольствуемся «быстрым обслуживанием»?

Кейра отвернулась к окну и больше со мной не разговаривала.

Листвянка…

…город, как множество селений в Сибири целиком выстроенный из дерева, даже православная церковь сложена из березового кругляка. Дом шамана тоже был деревянным. Посетителей в этот день оказалось очень много. Я надеялся перекинуться с шаманом парой фраз, как с мэром маленькой деревушки, к которому заходят осведомиться о судьбе дальних родственников, но для начала нам пришлось принять участие в ритуальном действе.

В комнате на ковриках, расстеленных на полу, сидели в круг человек пятьдесят. Открылась дверь, вошел шаман в облачении, и наступила тишина. В центре на циновке лежала молодая женщина, у нее был сильный жар, она стонала, лоб блестел от пота. Шаман взял бубен, и Кейра – она все еще дулась на меня – объяснила, что бубен олицетворяет двойное сексуальное начало: кожа – мужское, каркас – женское. Я имел неосторожность хихикнуть и тут же получил подзатыльник.

Для начала шаман нагрел кожу бубна на пламени свечи.

– Признай, это несколько сложнее, чем искать сведения в Интернете, – прошептал я на ухо Кейре.

Шаман поднял руки, и его тело стало извиваться в такт мерным ударам бубна. Странное пение околдовывало, и мне расхотелось иронизировать, а Кейра была совершенно поглощена зрелищем. Шаман вошел в транс, и лицо лежавшей на циновке женщины изменилось, на него вернулись краски, казалось, что температура спа́ла. Происходящее заворожило нас. Гул бубна стих. Никто не издавал ни звука, все взгляды были устремлены на недвижное тело шамана. Потом он очнулся, встал, подошел к пациентке, положил руки ей на лицо и велел подняться. Девушка выглядела слабой, но исцелившейся. Раздались восторженные возгласы – колдовство подействовало.

Я до сих пор не знаю, какими способностями был в действительности наделен тот человек и чему я стал свидетелем в деревянном доме в Листвянке.

После церемонии все разошлись, и Кейра попросила шамана уделить нам немного времени. Он предложил ей сесть и разрешил задавать вопросы.

Мы узнали, что человек, которого мы ищем, известный в крае человек и благотворитель, он помогает бедным, строит школы и даже превратил старенький профилакторий в настоящую больницу. Шаман колебался: ему явно не хотелось давать адрес, не зная наших истинных намерений, но Кейра поклялась, что нам нужна только информация, рассказала, чем занимается, и объяснила, что интерес у нас сугубо научный.

Шаман вгляделся в висевший на шее Кейры кулон и спросил о его происхождении.

– Это очень древняя вещь, – не таясь, ответила она, – фрагмент звездной карты, мы ищем недостающие части.

Шаман попросил разрешения рассмотреть кулон поближе.

– Сколько ему лет?

– Миллионы, – ответила Кейра, протягивая ему цепочку.

Шаман осторожно провел пальцами по поверхности камня, и выражение его лица сразу изменилось.

– Вы не должны продолжать путешествие, – низким, напряженным голосом произнес он.

Кейра повернулась ко мне, не понимая, что могло так внезапно встревожить этого человека.

– Не держите его при себе, вы не ведаете, что творите.

– Вы уже видели похожий камень? – спросила Кейра.

Глаза шамана потемнели.

– Вы не понимаете, какие силы можете разбудить!

– Не понимаю, о чем вы… – Кейра пожала плечами и забрала у шамана кулон. – Мы ученые, исследователи…

– …невежды! Да известно ли вам, как движется мир? Хотите рискнуть, нарушив его устои?

– О чем вы, черт побери, говорите? – возмутилась Кейра.

– Уходите немедленно! Человек, которого вы ищете, живет в двух километрах отсюда, в розовом доме с тремя башенками, мимо не пройдете.

Дети катались на коньках по замерзшему озеру. Недалеко от берега лежал вмерзший в лед грузовой катер с проржавевшим корпусом. Захваченные холодом врасплох волны застыли в виде странных, жутковатых фигур. Кейра сунула руки в карманы.

– Что пытался сказать этот человек? – спросила она.

– Понятия не имею, эксперт по шаманизму у нас ты. Думаю, он просто не доверяет науке, только и всего.

– Его страх не выглядел иррациональным, и он, похоже, знал, о чем говорит… словно хотел предупредить об опасности.

– Мы не ученики чародея, Кейра, ни в твоей, ни в моей науке нет места ни магии, ни эзотерике. Мы оба преследуем сугубо научные цели, у нас есть два фрагмента карты, и нам нужно найти остальные.

– Карты, которая, по твоему мнению, была составлена четыреста миллионов лет назад и неизвестно, что она нам откроет, если все-таки будет собрана…

– Соединив все фрагменты, мы получим научное подтверждение того факта, что некая цивилизация обладала астрономическим знанием в эпоху, когда ее просто не могло быть на Земле… Подобное открытие заставит пересмотреть историю человечества. Именно это тебя больше всего и возбуждает, я прав?

– А сам-то ты что надеешься узнать?

– Буду в восторге, если обнаружу на этой карте неизвестную мне звезду. Почему у тебя такое лицо?

– Мне страшно, Эдриен, я никогда еще не сталкивалась с подобной жестокостью и не понимаю, что движет нашими преследователями. Шаман ничего о нас не знает, но его реакция на мой кулон меня… ужаснула.

– Неужели ты не понимаешь, что для него означают твои слова? Этот человек – оракул, вещун, жрец, чьи власть и сила покоятся на его знаниях и невежестве паствы. Мы заявляемся и суем ему под нос свидетельство знания, во многом превосходящего его собственное. Ты представляешь для него опасность. Не лучше поведут себя и члены Академии, захоти мы посвятить их в суть наших поисков. Если в деревню на краю света явится врач и вылечит больного с помощью лекарств, его объявят могущественным колдуном. Человеку свойственно поклоняться тому, кто знает больше его.

– Спасибо за урок, Эдриен, меня пугает невежество – наше, не местных жителей.

Мы добрались до розовой виллы, она в точности соответствовала описанию шамана: хозяин выставлял напоказ богатство как доказательство своей власти и успеха.

Вход охраняли два бугая с автоматами. Я представился, сказал, что хочу встретиться с Егоровым и по поручению его давнего друга

Торнстена вернуть ему долг. Один из охранников велел нам ждать у ворот. Кейра подпрыгивала на месте, чтобы согреться, а второй верзила с нескрываемым удовольствием пялился на нее, что очень мне не понравилось. Я обнял Кейру и стал растирать ей спину. Вернувшийся верзила обыскал нас и провел внутрь роскошного владения Егорова.

Полы в доме были из каррарского мрамора, стены украшали привезенные из Англии резные деревянные панели, полы были устланы бесценными персидскими коврами. Хозяин ждал нас в гостиной.

– Я думал, мерзавец Торнстен давно помер! – хохотнул Егоров и налил нам водки. – Пейте, пейте, быстрее согреетесь!

– Жаль вас разочаровывать, но он прекрасно себя чувствует! – сообщила Кейра.

– Тем лучше для него, – ответил Егоров. – Итак, вы явились, чтобы передать мне деньги?

Я вытащил бумажник, достал сто долларов и протянул ему.

– Вот, держите, – сказал я, – теперь вы в расчете.

– Надеюсь, это шутка! – сквозь зубы процедил Егоров, презрительным жестом оттолкнув купюру.

– Это именно та сумма, которую он просил вам передать.

– Он задолжал мне эту сотню тридцать лет назад! По нынешнему курсу, без учета процентов, ее нужно умножить на сто. Даю вам две минуты, чтобы убраться из моего дома, иначе пожалеете, что имели наглость заявиться сюда и издеваться надо мной.

– Торнстен сказал, что вы сумеете помочь нам, я археолог, и мне действительно очень нужна ваша консультация.

– Жаль, потому что я давно не занимаюсь антиквариатом, сырье приносит куда больший доход. Если вы проделали столь долгий путь в надежде что-нибудь у меня купить, то зря потратили время. Торнстен провел вас, как и меня когда-то. Заберите деньги и ступайте прочь.

– Не понимаю, почему вы так враждебно настроены, Торнстен отзывался о вас в самых лестных выражениях. Мне показалось, он вами искренне восхищается.

– Неужели? – отозвался польщенный Егоров.

– За что он вам задолжал? Тридцать лет назад сто долларов были в России значительной суммой.

– Торнстен был всего лишь посредником, он представлял одного парижского покупателя, который хотел купить древний манускрипт.

– Какого рода манускрипт?

– Каменную табличку из захоронения, найденного в Сибири, в вечной мерзлоте. Вам не хуже моего известно, что в пятидесятых годах было вскрыто некоторое количество таких могил и в каждой было полно прекрасно сохранившихся во льду сокровищ.

– И все были разграблены.

– Увы… – со вздохом кивнул Егоров. – Люди – чудовищно алчные существа, согласны? Им плевать на наследие старины, если пахнет большими деньгами.

– А вы, разумеется, преследовали этих расхитителей гробниц?

– У вас славная попка, мадемуазель, и милая мордашка, но не советую злоупотреблять моим терпением.

– Вы продали табличку Торнстену?

– Я всучил ему копию. Заказчик ничего не понял. Я знал, что он не заплатит, потому так и поступил, но копия была отличного качества. Заберите эту сотню, поужинайте в ресторане и передайте Торнстену, что долг оплачен.

– А оригинал все еще у вас? – с надеждой спросила Кейра.

Егоров бросил на нее оценивающий взгляд, улыбнулся и встал:

– Раз уж вы добрались сюда, идите за мной, я покажу, о чем шла речь.

Он взял с полки книжного стеллажа отделанную кожей коробку, открыл и тут же вернул на место.

– Не в этой, куда я мог ее положить?

Нужный предмет, завернутый в марлю, нашелся в пятой по счету шкатулке. Егоров развязал ленточку, достал камень размером двадцать на двадцать сантиметров, осторожно положил его на стол и сделал нам знак подойти. Потемневшая от времени поверхность была покрыта похожими на иероглифы письменами.

– Это шумерский язык, камню больше шести тысяч лет. Заказчику Торнстена следовало купить его тогда, цена была вполне приемлемая. Тридцать лет назад я готов был продать саркофаг Саргона[15] за несколько сотен долларов, сегодня этому камню нет цены, но продать его – вот ведь парадокс! – невозможно, разве что частному коллекционеру, который никогда и никому его не покажет. Времена изменились, торговля предметами старины стала слишком опасным делом. Как я уже говорил, нефть и газ приносят куда больше денег.

– Что означают эти надписи? – спросила завороженная красотой камня Кейра.

– Ничего особенного. Скорее всего, это поэма или древняя легенда, но тот несостоявшийся покупатель придавал ей, судя по всему, огромное значение. У меня где-то должен быть перевод. Ага, вот он!

Егоров передал Кейре листок, и она начала читать вслух.

Есть легенда о том, что младенец в утробе матери знает тайну сотворения Вселенной, происхождения мира и конца времен. Когда он появляется на свет, некий посланец, проходя мимо его колыбели, касается пальцем его уст, чтобы никогда он не смог выдать доверенную ему тайну – тайну жизни…

Я не мог скрыть изумления: этот текст напомнил мне о недавнем неудавшемся путешествии. Это были последние слова, которые я прочел на борту летевшего в Китай самолета, прежде чем потерять сознание. Кейра заметила мое смятение и замолчала. Я вытащил из кармана бумажник, достал из него листок, развернул и показал ей, а потом дочитал странный текст до конца.

Этот палец, приложенный к устам, навсегда лишает младенца памяти и оставляет отметину. Все, кроме меня, имеют посреди верхней губы эту отметину.

В тот день, когда я родился, посланец забыл прийти ко мне, и я помню все.

Кейра и Егоров переглянулись и с удивлением посмотрели на меня. Я объяснил, при каких обстоятельствах ко мне попал этот документ.

– Мне передал его твой друг, профессор Айвори, перед тем как я отправился в Китай искать тебя.

– Айвори? А он здесь при чем? – удивилась Кейра.

– Айвори! Это имя того мерзавца, что так мне и не заплатил! – воскликнул Егоров. – Я был уверен, что он тоже давно в могиле.

– Что у вас за мания – хоронить всех подряд? – поддела его Кейра. – Я очень сомневаюсь, что Айвори имеет хоть малейшее отношение к вашему постыдному ремеслу расхитителя могил.

– Говорю вам, этот ваш безупречный профессор – тот самый, что купил у меня копию, и прошу вас со мной не спорить, я не привык,

чтобы глупая болтушка подвергала сомнению мои слова. Жду ваших извинений!

Кейра скрестила руки и отвернулась. Я схватил ее за плечо и приказал немедленно извиниться. Она испепелила меня взглядом, буркнула «Сожалею», наш хозяин этим удовлетворился и согласился продолжить рассказ:

– Камень был найден на северо-западе Сибири при раскопках захоронений в вечной мерзлоте. В этом районе таких полно. Холод много тысяч лет сохранял их в прекрасном состоянии. Напомню вам, что всеми научными программами заправлял в те времена ЦК КПСС. Археологи получали нищенские зарплаты и работали в очень суровых условиях.

– У нас на Западе археологов тоже не балуют, однако мы не тащим из раскопов все, что плохо лежит!

Я бы предпочел, чтобы Кейра оставила такого рода замечания при себе.

– Все спекулировали, чтобы выжить. Я занимал достаточно высокий пост в партийной иерархии, и все планы, отчеты, разрешения и ассигнования проходили через меня. Я сортировал находки, выбирая, что отправить в Москву, а что придержать. Партия первой разграбляла сокровища, по праву принадлежавшие автономным республикам, мы всего лишь брали небольшие комиссионные. Некоторые предметы до Москвы не доезжали и пополняли коллекции западных покупателей. Именно при таких обстоятельствах я познакомился с вашим приятелем Торнстеном. Он представлял профессора Айвори, страстного собирателя всего скифского и шумерского. Я знал, что платы не дождусь, среди моих сотрудников был талантливый специалист по эпиграфике, он сделал копию на куске гранита. А теперь говорите, что привело вас ко мне на самом деле, вряд ли вы пересекли Уральский хребет, чтобы вернуть мне сотню баксов…

– Я иду по следу кочевников, которые за четыре тысячи лет до нашей эры пустились в долгое путешествие.

– Куда и откуда?

– Из Африки в Китай, и тому есть доказательство; дальше – одни гипотезы. Я предполагаю, что они направились в Монголию, пересекли Сибирь, шли вниз по Енисею до Карского моря.

– Неплохое путешествие! И зачем же ваши кочевники преодолели тысячи километров?

– Чтобы миновать Полярный круг и достичь Американского континента.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Они несли послание.

– И вы полагаете, что я способен помочь вам восстановить картину их увлекательного приключения? Кто вам это внушил?

– Торнстен. Он сказал, что вы были специалистом по шумерским цивилизациям, и камень, что вы нам показали, подтверждает его слова.

– Как вы познакомились с Торнстеном? – с хитрым видом спросил Егоров.

– Один друг посоветовал нам встретиться с ним.

– Забавно.

– Не понимаю, что в этом забавного?

– Ваш друг, случайно, не знаком с Айвори?

– Насколько мне известно, нет!

– И вы готовы поклясться, что они никогда не встречались?

Егоров протянул Кейре телефон.

– Либо вы – законченная идиотка, – с вызывающим видом бросил он, – либо вы оба безнадежно наивны. Позвоните вашему другу и спросите.

Мы с Кейрой смотрели на Егорова, не понимая, чего он добивается. Кейра набрала номер Макса и отошла в сторону, чем ужасно меня раздражила, но почти сразу вернулась, и лицо у нее было расстроенное.

– Оказывается, ты знаешь его номер наизусть… – процедил я сквозь зубы.

– Ты выбрал не лучший момент для семейной сцены…

– Он поинтересовался, как я поживаю?

– Он солгал. Я задала вопрос в лоб, и он поклялся, что не знает Айвори, но я чувствую, это неправда.

Егоров снял с полки толстый фолиант.

– Если я все правильно понял, старик профессор толкнул вас в лапы некоего друга, тот направил вас к Торнстену, и он послал вас ко мне. А тридцать лет назад – якобы совершенно случайно! – этот самый Айвори пытался завладеть находившейся у меня табличкой с текстом на шумерском языке, перевод которого передал вам. Все это, как вы понимаете, не более чем совпадение…

– На что вы намекаете? – не выдержал я.

– Вы марионетки в руках Айвори, он дергает за веревочки, гоняя вас с севера на юг и с востока на запад. Если до сих пор не поняли, что вами манипулируют, значит, вы еще глупее, чем я думал.

– Мы уже поняли, что вы считаете нас полными идиотами, – раздраженно буркнула Кейра, – но зачем Айвори так поступать?

– Не знаю, что именно вы ищете, но думаю, результат для него крайне важен. Вы продолжаете не законченное им самим дело. Дураку ясно, что вы, сами того не понимая, работаете на него.

Егоров раскрыл книгу и развернул старинную карту Азии:

– Доказательство, которое вы жаждете найти, у вас перед глазами, это табличка с текстом на шумерском языке. Айвори надеялся, что я ее сохранил, и устроил все так, чтобы вы меня нашли.

Егоров сел за письменный стол и кивком предложил нам занять стоявшие напротив кресла.

– Археологические раскопки в Сибири начались в восемнадцатом веке, при Петре Первом. До того россияне не проявляли никакого интереса к своему прошлому. Я занимал высокий пост в Сибирском отделении Академии наук и прикладывал нечеловеческие усилия, чтобы убедить власти сохранить бесценные сокровища. Я вовсе не вульгарный спекулянт, каким вы меня вообразили. Да, у меня были свои люди, целая сеть, но с их помощью я спас тысячи предметов старины и столько же отреставрировал, без меня они были обречены на уничтожение. Думаете, шумерская табличка уцелела бы без меня? Пошла бы на хозяйственные нужды! Не отрицаю, я извлекал некоторую личную выгоду, но всегда знал и понимал, что делаю. И не продавал сокровища Сибири невесть кому. В одном профессор прав: я изучил историю шумеров дотошней, чем кто бы то ни было другой в России, и не сомневаюсь, что они путешествовали на куда более дальние расстояния, чем принято считать. Никто не верил в мои теории, меня считали одержимым, обзывали бездарностью. Вы ищете артефакт, доказывающий, что кочевники достигли Крайнего Севера? Он перед вами. Текст на табличке датируется 4004 годом до нашей эры. Вот, – Егоров указал на маленькую, меньше остальных, черточку наверху таблички, – это точная датировка. А теперь не будете ли вы столь любезны объяснить, зачем им было отправляться на Американский континент? Думаю, вы знаете, раз уж здесь оказались.

– Я уже говорила: они несли послание.

– Я не глухой. Какое именно послание?

– Не знаю, но адресовано оно было вождям древних цивилизаций.

– Полагаете, они достигли цели?

Кейра наклонилась к карте, ткнула пальцем в Берингов пролив и провела указательным пальцем по линии побережья.

– Не знаю, – едва слышно промолвила она, – потому и хочу пройти по их следам.

Егоров взял руку Кейры и медленно передвинул ее на другое место.

– Мань-Пупу-нёр, – сказал он, – западнее Уральского хребта, на севере Республики Коми. Малая гора идолов, или становище семи уральских великанов. Здесь ваши вестники сделали последнюю остановку.

– Откуда вы знаете? – удивилась Кейра.

– Именно там была найдена табличка. Кочевники направлялись не к Карскому, а к Белому морю. Путь через Норвегию был короче и доступней.

– Почему вы сказали «последняя остановка»?

– У меня есть веские причины думать, что их путешествие закончилось именно там. Того, что я сейчас скажу, никто никогда не слышал. Тридцать лет назад мы вели раскопки в том районе. На вершине обдуваемой всеми ветрами горы, на плато Мань-Пупу-нёр, стоят семь каменных столбов высотой от тридцати до сорока двух метров каждый. Внешне они напоминают гигантские менгиры. Шесть образуют полукруг, седьмой смотрит на них. Семь уральских идолов никому не открыли своей тайны. Никто не знает, почему они там стоят, а свалить все на эрозию не получается. Это место напоминает ваш Стоунхендж, только масштаб иной.

– Почему вы сохранили все в тайне?

– Мы уничтожили все следы наших раскопок. Наверное, такой поступок кажется вам диким, но в то время партийному руководству не было дела до наших работ. Невежественные столичные бонзы просто не обратили бы внимания на наши поразительные находки, их в лучшем случае свалили бы в хранилище, даже не проанализировав и не удосужившись принять меры, чтобы они не сгнили в ящиках в каком-нибудь подвале.

– Что вы нашли? – спросила Кейра.

– Человеческие останки, датируемые четвертым тысячелетием до нашей эры, пятьдесят великолепно сохранившихся во льдах тел. Рядом

с телами в захоронении лежала табличка. Люди, по следам которых вы идете, стали пленниками зимы и умерли от голода.

Кейра повернулась ко мне, даже не пытаясь скрыть переполнявшее ее возбуждение.

– Это фундаментальное открытие! Никто не сумел доказать, что шумеры путешествовали на такие далекие расстояния. Международное научное сообщество носило бы вас на руках, чествуя как героев, опубликуй вы результаты исследований! У вас ведь были материальные свидетельства…

– Вы прелестны, но слишком молоды и не знаете, о чем говорите. Как только наши начальники поняли бы значение этого открытия, нас бы сразу посадили. А всю славу присвоили бы себе. В Советском Союзе слово «международный» было не в чести.

– И по этой причине вы все закопали и скрыли?

– А что бы вы сделали на моем месте?

– Почти все закопали… – бросил я как бы между прочим. – Рискну предположить, что вы взяли с собой не только эту табличку…

Егоров метнул в меня недобрый взгляд.

– Было еще несколько личных предметов, принадлежавших тем путешественникам, но мы почти ничего не взяли из страха попасться.

– Эдриен, – сказала Кейра, – если путешествие шумеров закончилось таким образом, возможно, фрагмент лежит где-то на плато Ма-Пупу-нёр.

– Мань-Пупу-нёр, – поправил Егоров, – но вы можете произносить это название как Манпупунер. О каком фрагменте вы говорите?

Кейра посмотрела на меня и, не дожидаясь ответа на незаданный вопрос, сняла кулон, показала его Егорову и рассказала почти все о наших поисках.

Егоров был так увлечен услышанным, что оставил нас ужинать, застолье затянулось, и мы заночевали в особняке.

За едой, поданной в столовой – размерами она больше напоминала площадку для игры в бадминтон, – Егоров терзал нас вопросами. Когда я описал, что происходит при соединении фрагментов, он умолил нас продемонстрировать ему загадочный феномен. Отказать ему мы не могли и соединили два фрагмента, которые тут же приобрели синеватый цвет, хоть и не такой интенсивный, как в последний раз.

Глаза у нашего хозяина стали огромными, как блюдца, лицо помолодело, он был возбужден, как ребенок на Рождество.

– Что, по-вашему, произойдет, если соединить все фрагменты?

– Не имею ни малейшего представления, – сказал я, опередив Кейру.

– И вы оба твердо уверены, что камням четыре миллиона лет?

– Это не камни, – сказала Кейра, – но в их возрасте мы уверены.

– У них пористая поверхность, испещренная миллионами микроперфораций. Когда фрагменты подвергаются действию мощного источника света, они проецируют карту звездного неба, и положение всех звезд в точности соответствует датировке. Продемонстрировать, увы, не могу – нужен мощный лазер.

– Об этом можно только мечтать, но лазера у меня, увы, нет.

– И слава богу! – откликнулся я.

Покончив с поданным на десерт куском бисквитного, пропитанного коньяком торта, Егоров начал ходить по комнате.

– Итак, вы полагаете, что один из недостающих фрагментов может находиться на плато семи уральских идолов? Ну конечно, вы так думаете, я задал глупый вопрос.

– Как бы мне хотелось сказать вам твердое «да»! – ответила Кейра.

– Наивная оптимистка! Вы и правда совершенно очаровательны!

– А вы…

Я толкнул ее коленом под столом, не дав закончить фразу.

– Сейчас зима, на плато Мань-Пупу-нёр дуют такие холодные и сухие ветры, что снег не задерживается на промерзшей земле. Вы собираетесь вести раскопки с помощью металлоискателя и двух лопаток?

– Ваш снисходительный тон меня бесит. И к вашему сведению, фрагменты – не металлические, – огрызнулась Кейра.

– Я предлагаю вам не любительский приборчик, с каким ищут жалкую добычу на пляже, а куда более масштабный план…

Мы перешли в гостиную, ничуть не уступавшую столовой размерами и роскошью обстановки: дубовый паркет, французская и итальянская мебель. Мы расселись на мягких диванчиках у огромного камина, где горел прожорливый огонь. Длинные языки пламени жадно лизали стенки очага.

Егоров предложил дать нам в помощь двадцать своих людей и пообещал предоставить Кейре любое оборудование, какое потребуется.

Он сказал, что даст столько денег, сколько мы не имели с самого начала нашей эпопеи, а взамен попросил об одном – сделать его соавтором всех открытий; разумеется, если таковые будут сделаны.

Кейра уточнила, что никакой выгоды эти открытия ему не принесут. То, что мы мечтаем найти, не имеет товарной ценности, только научную.

– Кто говорит о деньгах? – оскорбился Егоров. – Разве я сказал вам хоть слово о деньгах?

– Нет… – Кейра смутилась, искренне, я это видел. – Но мы оба знаем, что деньги, которые вы мне предлагаете, это гигантское вложение, а я встречала мало филантропов на своем пути, – сказала она извиняющимся тоном.

Егоров предложил мне сигару, и я почти соблазнился, но грозный взгляд Кейры разубедил меня.

– Я посвятил бóльшую часть жизни археологии, – продолжил Егоров, – и работал в кошмарных условиях – вы такие и вообразить не сможете. Я рисковал своей шкурой – физически и политически, спас много сокровищ, а мерзавцы из Академии вместо благодарности объявили меня спекулянтом. Да и сегодня мало что изменилось! Лицемеры! Меня травят и очерняют вот уже тридцать лет. Если ваш проект окажется успешным, я выиграю гораздо больше, чем деньги. Время, когда людей хоронили с нажитым добром, миновало, я не унесу в могилу ни персидские ковры, ни украшающие стены этого дома полотна девятнадцатого века. Я хочу вернуть себе доброе имя. Вы правы: если бы тридцать лет назад мы не убоялись начальства и опубликовали результаты своей работы, я стал бы известным и уважаемым ученым. Во второй раз я свой шанс не упущу. Давайте работать вместе и, если найдем, чем подтвердить ваши теории, если удача нам улыбнется, представим научному сообществу результат совместного труда. Договорились?

Кейра колебалась. В нашей затруднительной ситуации глупо было отвергать помощь такого союзника. Я хорошо понимал, что Егоров способен защитить нас от тех, кто покушался на нашу жизнь. Мы с Кейрой обменялись взглядами, и я как истинный джентльмен предоставил ей право заключить сделку.

Егоров широко улыбнулся.

– Верните мне ту сотню, – серьезным тоном сказал он Кейре.

Она протянула ему купюру, и он тут же сунул ее в карман.

– Ну вот, вы внесли свою долю в финансирование нашего предприятия, теперь мы компаньоны и можем как настоящие ученые обсудить детали, чтобы раскопки увенчались успехом.

Они устроились за низким столиком и целый час составляли список необходимого оборудования. В разговоре я не участвовал и с удовольствием рассматривал книги на стеллажах. На полках стояли труды по археологии, старинный учебник алхимии XVII века, еще один, по анатомии, такой же древний, полное собрание сочинений Александра Дюма, первое издание романа «Красное и черное». Такая библиотека, должно быть, стоила целое состояние. Я обнаружил трактат по астрономии XIV века и листал его, пока Кейра с Егоровым утрясали детали.

В час ночи Кейра спохватилась, подошла ко мне и имела нахальство спросить, чем я занимаюсь. Я услышал в ее словах упрек и вернулся к камину.

– Это фантастика, Эдриен, у нас будет все необходимое оборудование, мы сможем провести настоящие, масштабные раскопки. Не знаю, сколько времени это займет, но, если фрагмент действительно лежит где-то между менгирами, у нас есть все шансы его найти.

Я проглядел список: лопатки, шпатели, отвесы, кисточки, GPS-навигаторы, разметочные колья, решетки, сита, весы, антропометрические приборы, компрессоры, вытяжное оборудование, электрогенераторы, лампы для работы ночью, палатки, отметчики, фотокамеры… Ассортимент специализированного магазина, да и только. Егоров снял трубку стоявшего на круглом столике телефона. Через полминуты в гостиной появились два человека, забрали список и исчезли.

– Все будет готово завтра, до полудня, – сказал Егоров, потягиваясь.

– Как вы будете все это транспортировать? – осторожно поинтересовался я.

Кейра повернулась к Егорову, и тот одарил меня торжествующим взглядом.

– Устрою вам сюрприз. Уже поздно, всем нам нужно поспать, встретимся за завтраком. Будьте готовы, мы отправимся в путь очень рано.

Телохранитель Егорова проводил нас в комнату для гостей, огромную, как парадная зала королевского дворца. Кровать была

широченная, хочешь – ложись вдоль, хочешь – спи поперек. Кейра прыгнула на мягкую перину и поманила меня к себе. Я не видел ее такой счастливой с… вообще-то я никогда прежде не видел ее такой счастливой. Я много раз рисковал жизнью, проехал тысячи километров, чтобы отыскать ее. А всего-то нужно было подарить ей лопату и сито! Оказывается, моей любимой для счастья требовалось совсем немного… Кейра потянулась, сняла свитер и лифчик и послала мне более чем красноречивый взгляд. Я не заставил ее ждать.

Кент

«Ягуар» быстро катил по узкой дороге к замку. Сэр Эштон расположился на заднем сиденье и, включив верхний свет, просматривал бумаги. Он зевнул и захлопнул папку. Раздался звонок телефона. Шофер передал ему трубку. Звонили из Москвы.

– Нам не удалось перехватить ваших друзей на вокзале в Иркутске. Не знаю, как им это удалось, но они ускользнули от наших людей, – сообщил Москва.

– Дурная весть! – раздраженно воскликнул Эштон.

– Они на Байкале, в доме торговца антиквариатом, – продолжил Москва.

– Так чего вы ждете, почему не арестуете их?

– Ждем, когда они покинут особняк Егорова. У него есть связи, дом охраняет небольшая армия, и я не хочу, чтобы рядовое задержание обернулось кровавой баней.

– Не подозревал в вас подобной щепетильности.

– Знаю, вам трудно с этим смириться, но в нашей стране существуют законы. Если мои агенты вмешаются, а люди Егорова окажут сопротивление, будет трудно объяснить федеральным властям причины вторжения на частную территорию, да еще и без ордера. Ведь с точки зрения закона ваши ученые совершенно чисты.

– А их присутствие в доме спекулянта антиквариатом не основание для задержания?

– В этом нет ничего противозаконного. Имейте терпение. Как только они высунутся из берлоги, мы их возьмем, без шума и пыли. Завтра вечером они будут сидеть в самолете, обещаю вам.

«Ягуар» вильнул, Эштон едва не выронил трубку и раздраженно постучал по стеклу, выражая недовольство водителю.

– Один вопрос, – продолжал Москва. – Вы, случайно, ничего не предприняли за моей спиной?

– О чем вы?

– О небольшом инциденте, имевшем место в поезде. Одну из проводниц ударили по голове, да так сильно, что она попала в больницу с черепно-мозговой травмой.

– Сожалею, дорогой друг. Бить женщину недостойно и возмутительно.

– Я не усомнился бы в вашей искренности, не находись в поезде ваша археологиня и ее приятель, но вот ведь незадача: факт немотивированной агрессии имел место именно в их вагоне. Полагаю, это не более чем совпадение? Вы никогда не стали бы действовать у меня за спиной, да еще и на моей территории, не так ли?

– Безусловно, – ответил Эштон, – ваше предположение крайне оскорбительно.

Машину еще раз тряхнуло. Эштон поправил бабочку и снова постучал по стеклу. Поднеся трубку к уху, он услышал короткие гудки.

Эштон нажал на кнопку, и стекло за спиной водителя опустилось.

– Надеюсь, с тряской покончено? К чему так разгоняться, мы ведь не на скоростном шоссе!

– Конечно, сэр, но спуск с этого холма пологим не назовешь, вот тормоза и дали сбой! Я стараюсь как могу, но прошу вас пристегнуться: боюсь, нам придется съехать в кювет, чтобы остановить эту треклятую машину.

Эштон закатил глаза и пристегнул ремень безопасности. Шоферу удалось вписаться в следующий поворот, но ему все-таки пришлось съехать с дороги на поле, чтобы избежать лобового столкновения с грузовиком.

Водитель открыл дверцу сэра Эштона, принес извинения за причиненное неудобство, сказав, что ничего не понимает: машина только что прошла осмотр, он забрал ее из гаража прямо перед поездкой. Эштон спросил, есть ли в машине фонарик, шофер кивнул.

– Так полезайте под машину и проверьте, что не так, черт побери! – распорядился Эштон.

Водитель подчинился, снял форменную куртку и, хоть и не без труда, заглянул под машину. Вылез он весь в грязи и в полном замешательстве доложил, что поврежден тормозной шланг.

Эштон не верил, что кто-то мог покушаться на его жизнь столь грубо и явно, но потом вспомнил о фотографии, которую показал ему начальник охраны: сидящий на скамье Айвори смотрит в объектив и улыбается.

Париж

Айвори в который уже раз обследовал прощальный дар покойного партнера по шахматной игре. Он вернулся к форзацу и перечитал посвящение:

Я знаю, эта книга Вам понравится, ибо она не имеет недостатков и в ней есть все, даже свидетельство нашей дружбы.
Ваш верный шахматный партнер
Вакерс.

Ни черта не понятно. Айвори взглянул на часы, улыбнулся, надел пальто, обмотал шею шарфом и отправился на ночную прогулку вдоль берегов Сены.

Дойдя до моста Мари, он набрал номер Уолтера:

– Вы пытались со мной связаться?

– Несколько раз, но безуспешно, я уже отчаялся. Эдриен звонил из Иркутска; кажется, у них были неприятности в дороге.

– Какого рода?

– Крупные неприятности – их пытались убить.

Айвори взглянул на реку, стараясь взять себя в руки.

– Нужно их вернуть, – продолжал Уолтер. – В конце концов случится непоправимое, и я себе этого не прощу.

– Как и я, Уолтер, как и я… Они встретились с Егоровым?

– Думаю, да. В конце разговора Эдриен сказал, что они едут на поиски. Он был очень встревожен и наверняка отступился бы, не будь Кейра настроена так решительно.

– Он говорил, что хочет все бросить?

– Не единожды, и я чуть было не поддержал его.

– Это вопрос дней, в крайнем случае – недель. Нам нельзя останавливаться, Уолтер, только не теперь.

– Вы можете их защитить?

– Я завтра же свяжусь с Мадридом, только она имеет влияние на Эштона. Нисколько не сомневаюсь, что последние покушения – его рук дело. Сегодня вечером я послал ему маленький привет, но не думаю, что этого будет достаточно.

– Так позвольте мне сказать Эдриену, чтобы они с Кейрой возвращались в Англию, пока не случилось непоправимое.

– Уже слишком поздно, Уолтер, мы не можем отступить.

Айвори нажал на «отбой», убрал телефон в карман и в глубокой задумчивости вернулся к себе.

Россия

Вошедший дворецкий раздвинул шторы, и нас ослепил яркий свет дня.

Кейра нырнула с головой под одеяло, но старик сообщил, что уже одиннадцать утра, а в полдень нас ждут в холле с вещами, поставил поднос с завтраком в изножье кровати и удалился.

Кейра высунулась из укрытия, обозрела корзинку с булочками, цапнула круассан и мгновенно его слопала.

– Ну почему мы не можем остаться здесь на денек-другой? – простонала она, допивая чай.

– Вернемся в Лондон, поселимся на неделю в пентхаусе самой роскошной гостиницы и… не будем выходить неделю.

– Признайся, тебе расхотелось продолжать, да? С Егоровым мы в безопасности… – сказала Кейра, принимаясь за сдобную булочку.

– По-моему, ты слишком быстро доверилась этому типу. Еще вчера мы даже не были знакомы, а сегодня – нате вам! – компаньоны. И я не знаю, куда мы направляемся и что нас ждет.

– Я тоже не знаю, но чувствую, что цель близка.

– Что ты называешь целью – шумерские захоронения или могилы, в которых закопают нас?

– Ладно, все! – Кейра отбросила простыню. – Пойдем к Егорову, скажем, что передумали, и, если его гориллы не прихлопнут нас на месте, прыгнем в такси, доедем до аэропорта и первым же самолетом улетим в Лондон. Я заверну ненадолго в Париж, чтобы зарегистрироваться на бирже труда. Кстати, в Англии платят пособие по безработице?

– Оставь этот цинизм! Я согласен продолжать, но пообещай мне, что при малейшей опасности мы все прекращаем.

– Сначала дай определение опасности, – потребовала она, садясь на кровать.

Я обхватил ее лицо ладонями и ответил:

– Опасность – это когда кто-то пытается тебя убить! Я знаю, что твоя жажда открытий сильнее всех остальных желаний, но ты должна осознать, чем рискуешь, пока еще есть время отступиться.

Егоров ждал нас внизу, одетый в белую шубу и меховой малахай. Мишель Строгофф[16] во плоти. Он приготовил для нас меховые парки, шапки, перчатки и шерстяные шлемы.

– Там, куда мы едем, будет очень холодно. Переоденьтесь, мы отправляемся через десять минут. Мои люди займутся вашим багажом. Пошли на стоянку.

Мы спустились на лифте в гараж, где Егоров держал свою коллекцию автомобилей – от спортивного купе до президентского лимузина.

– Вижу, вы увлекаетесь не только торговлей предметами старины, – сказал я Егорову.

– Так и есть, – ответил он и открыл дверцу.

Впереди нас ехали два седана, два других замыкали караван. Мы на полной скорости выскочили из гаража и понеслись по дороге вдоль берега озера.

– Простите, что спрашиваю, но до места назначения не одна тысяча километров. «Санитарная» остановка планируется?

Егоров сделал знак водителю, и машина резко затормозила. Егоров обернулся ко мне:

– Вы долго будете меня доставать? Можете выйти, если чем-то недовольны.

Взгляд, которым наградила меня Кейра, был грозным, как воды Байкала, я извинился, и Егоров протянул мне руку. Джентльмену не пристало отвергать рукопожатие… В следующие полчаса никто не промолвил ни слова. Мы въехали в заснеженный лес, у живописной деревушки свернули на поперечную дорогу, в конце которой стояли невидимые с шоссе ангары. Внутри обнаружились два вертолета – большие армейские транспортники для перевозки людей и грузов. Я видел такие в репортажах о боевых действиях в Афганистане.

– Вы, конечно, снова мне не поверите, но я выиграл их в карты.

Кейру эта реплика явно развеселила, она подмигнула мне и начала подниматься по трапу.

– Что вы за человек? – поинтересовался я.

– Ваш союзник, – ответил он, похлопав меня по спине, – и надеюсь, что сумею в конце концов вас в этом убедить. Останетесь в ангаре или полетите?

Кабина была просторной, как в пассажирском авиалайнере. Автопогрузчики заезжали внутрь через задний откидной борт, доставляя ящики с оборудованием, а люди Егорова тщательно их закрепляли, чтобы они не сдвинулись в полете. Егоров гордился двадцатипятиместным Ми-26 с двигателем в одиннадцать тысяч двести сорок лошадиных сил, как коневод гордится своими чистокровными питомцами. В полете были предусмотрены четыре остановки для дозаправки керосином. От плато Мань-Пупу-нёр нас отделяло несколько тысяч километров; груженый вертолет мог преодолеть этот путь за одиннадцать часов. Автопогрузчики отъехали, люди Егорова последний раз проверили крепежные ремни в багажном отделении, задняя дверь закрылась, и вертолет выкатили из ангара.

Заработал двигатель, и кабина наполнилась оглушительным шумом.

– Привыкнете! – крикнул Егоров. – Наслаждайтесь видами России с воздуха: мало кому так везет.

Пилот махнул рукой, и машина начала подниматься. На пятидесятиметровой высоте вертолет клюнул носом вниз, и Кейра прильнула к иллюминатору.

Через час полета слева по борту возник город Ильянск[17], следующими по маршруту были Канск и Красноярск, которые мы собирались облететь стороной, чтобы не попасть в зону действия радаров. Наш пилот, похоже, знал свое дело – под брюхом вертолета тянулись бесконечные заснеженные равнины. Время от времени я замечал серебристую ленту замерзшей реки, напоминающую рисунок углем на белой бумаге.

Первая заправка происходила на берегу реки Уды, в нескольких километрах от города Атагая, откуда и приехали бензовозы.

– Главное – все организовать, – объяснял Егоров, глядя на суетящихся возле вертолета людей. – Когда на улице минус двадцать, импровизация недопустима. Если бы заправщики опоздали на встречу, мы бы тут околели от холода за пару-тройку часов.

Мы решили размять ноги и немедленно осознали правоту Егорова.

Как только бензовозы исчезли из виду, вертолет взлетел. Никто не озаботился оставленными на земле следами, зная, что снег их заметет.

Я попадал в болтанку на самолете, но вертолетное приключение переживал впервые: перелеты из пустыни Атакама в долину были детской игрой по сравнению с тем, что происходило сейчас. На нас надвигалась снежная буря, вертолет трясло и раскачивало, но лицо Егорова оставалось невозмутимым, из чего я заключил, что мы ничем не рискуем. Когда машина завалилась набок и заскрипела, я задался вопросом, покажет ли он свой страх окружающим перед лицом смерти. После второй дозаправки условия полета улучшились, и Кейра задремала. Я осторожно обнял ее и вдруг поймал полный нежности и участия взгляд Егорова. Я улыбнулся в ответ, но он отвернулся к иллюминатору, сделав вид, что ничего не заметил.

Во время третьей, и последней, остановки видимость была нулевая, и никто не отважился отходить от вертолета даже на несколько метров. Встревоженный Егоров отправился в кабину пилотов, вгляделся через стекло в непогоду и что-то сказал. Летчик ответил, но смысла я не понял – говорили они по-русски. Потом Егоров вернулся, сел на свое место, и Кейра спросила:

– Проблемы?

– Если водители не найдут нас в этой белой взвеси, проблемы будут, и серьезные.

Я наклонился к иллюминатору: яростные порывы ветра взметали тучи снега и расшвыривали их по сторонам.

– Вертолету не грозит обледенение? – спросил я.

– Нет, – ответил Егоров, – воздуховоды двигателя оборудованы обогревателями, так что машина противостоит обледенению даже при очень низких температурах.

Желтый луч полоснул по кабине, и Егоров со вздохом облегчения сообщил, что это фары бензовозов. После залива топлива, потребовавшего участия всех людей Егорова, пришлось ждать, когда повысится температура. Наконец мы взлетели, и два часа жестянку болтало, как яхту в девятибалльный шторм. Кейру мутило, и я как мог успокаивал и утешал ее. Наконец небо прояснилось.

– В Сибири в это время года такое часто случается, – сказал Егоров, – но худшее позади. У нас впереди четыре часа полета, отдыхайте: когда будем на месте, придется хорошенько потрудиться, чтобы быстро разбить лагерь.

От еды мы отказались: измученные тряской желудки отвергли бы любую пищу, и Кейра уснула, положив голову мне на колени. Я

наклонился к иллюминатору.

– Мы в шестистах метрах над поверхностью Карского моря, – объяснил Егоров, кивком указав направление на север. – Нашим шумерам понадобилось куда больше времени, чем нам, чтобы добраться сюда!

Кейра выпрямилась, попыталась хоть что-нибудь разглядеть, и Егоров предложил ей пройти в кабину. Второй пилот уступил ей кресло, я встал сзади. Она была заворожена, очарована и так счастлива, что я забыл все свои сомнения. От этой рискованной авантюры у нас останутся потрясающие общие воспоминания, значит, дело того стоит.

– Дети не поверят, если ты однажды решишь все им рассказать! – крикнул я.

Она не обернулась, но ответила тонким голоском, который всегда так меня заводил:

– Ты так намекаешь, что хочешь детей?

Гостиница «Балчуг Кемпински»

Москва пил чай с молодой женщиной, которая явно не была его женой. Народу в холле гостиницы собралось много, официанты бесшумно сновали между креслами, разнося чай и крошечные пирожные туристам и бизнесменам, любившим назначать встречи в этом шикарном месте.

На табурет у стойки сел мужчина и повернулся к Москве. Как только их взгляды встретились, Москва извинился перед спутницей и направился к бару.

– Что вы здесь делаете? – спросил он, устраиваясь на соседнем табурете.

– Сожалею, что побеспокоил вас, но вынужден доложить: сегодня утром у нас ничего не вышло.

– Ваши люди ни на что не годятся! Я обещал Лондону, что дело будет сделано сегодня к вечеру, и надеялся услышать, что парочка летит в Англию.

– Мы не могли действовать: они покинули владения Егорова под охраной, а потом улетели вместе с ним на вертолете.

Москва пребывал в бешенстве от собственного бессилия: он не сумел бы вмешаться, не пролив море крови, ведь нас защищали люди Егорова.

– Куда они летят?

– По полетному плану, о котором сегодня утром сообщил Егоров, вертолет должен был приземлиться в Лесосибирске, но отклонился от маршрута и почти сразу исчез с экранов радаров.

– Хорошо бы он рухнул и разбился!

– Это вполне вероятно, была очень сильная снежная буря.

– Они могли сесть и переждать.

– Буря ушла, но вертушка на экраны не вернулась.

– Это означает, что пилот сумел обмануть радары. Мы их потеряли.

– Не совсем, я учел такую возможность. Два нефтеналивных грузовика с двенадцатью тысячами литров керосина выехали из Пыть-Яха вскоре после полудня и вернулись на базу только спустя четыре часа. Если они слили горючее для вертолета Егорова, это произошло на полпути к Ханты-Мансийску, то есть в двух часах езды от Пыть-Яха.

– Но мы все равно не знаем, куда точно летел этот вертолет.

– Нет, но я сделал дополнительные расчеты. Дальность полета Ми-26 – шестьсот километров, не больше, с учетом встречного ветра. С момента взлета они, вероятно, шли по прямой до места первой посадки. Если и дальше будут следовать тем же курсом, то приземлятся в Республике Коми, где-то в окрестностях Вуктыла, еще до наступления темноты.

– У вас есть хоть малейшая идея насчет того, зачем они туда направляются?

– Пока нет, но причины наверняка серьезные, не зря же они преодолели три тысячи километров, проведя одиннадцать часов в полете. Если вылетим завтра утром из Екатеринбурга на «Сикорском», в полдень начнем поиски и обнаружим их.

– Нет, поступим по-другому. Они не должны нас заметить, иначе мгновенно скроются. Ищите место вероятной посадки. Расспрашивайте местных жителей – не сами, поручите это районной милиции, возможно, кто-то видел вертолет. Как только что-нибудь узнаете, звоните мне на мобильный в любое время, даже ночью. И соберите штурмовую группу. Если эти болваны укрылись в безлюдном месте, мы сможем действовать без помех.

Мань-Пупу-нёр

Пилот объявил, что мы подлетаем. Мы вернулись на свои места, второй пилот занял кресло в кабине, но Егоров пригласил нас полюбоваться открывающимся видом.

На высоком, сливающемся с горизонтом плато стояли семь каменных исполинов. Природа трудилась над застывшими в неподвижности камнями двести миллионов лет, оставив нам в наследство один из самых впечатляющих геологических памятников планеты. Гиганты поражали не только размерами, но и расположением. Шесть статуй выстроились полукругом напротив седьмого. Белые снеговые шубы словно защищали их от холода. Я повернулся к Егорову: он был явно взволнован.

– Не думал, что когда-нибудь вернусь сюда, – прошептал он. – Сколько воспоминаний!

Вертолет снижался, взвихряя снег на земле.

– На языке манси Мань-Пупу-нёр означает «малая гора идолов», – продолжил Егоров. – В стародавние времена сюда могли приходить только шаманы народа манси. О семи уральских исполинах сложено множество легенд. Одна из них повествует о ссоре между шаманом и шестью явившимися из ада великанами, которые хотели перейти через горы. Шаман обратил их в камень, но и сам погиб, став пленником седьмого каменного истукана, того, что стоит лицом к шести остальным. Зимой попасть на плато невозможно, во всяком случае без специальной подготовки, разве что по воздуху.

Вертолет сел, пилот выключил двигатель, и кабину заполнил вой ветра.

– Выходим, – скомандовал Егоров, – у нас мало времени.

Его люди отстегнули крепежные ремни и начали распаковывать грузы. В двух первых контейнерах находились шесть трехместных снегоходов, в других – покрытые брезентом упряжки. Когда задний борт откинули, ледяной ветер проник внутрь. Егоров знаком поторопил нас: каждый должен был сделать свою часть работы, чтобы успеть разбить лагерь до наступления ночи.

– Умеете управлять снегоходом? – спросил он.

Я ездил по Лондону на мотоцикле… на заднем сиденье, в качестве пассажира. Полозья и гусеницы наверняка делали машину более устойчивой. Я кивнул. Егоров, видимо, усомнился в моих умениях: когда я начал искать ножной, как у мотоцикла, стартер, он закатил глаза и показал, где находится электрическое пусковое устройство.

– У снегоходов нет ни нейтралки, ни сцепления: если захотите ускориться, не поворачивайте ручку, просто нажмите на рычаг под тормозом. Уверены, что справитесь?

Я снова кивнул и знаком пригласил Кейру «в седло». Пока я ерзал по снегу, привыкая к новому средству передвижения, команда Егорова устанавливала освещение, определяя периметр лагеря. Когда они запустили два электрогенератора, на большей части плато стало светло, как днем. Трое здоровяков несли на спине баллоны с узкими трубками, откуда вырывались струи огня. Будь сейчас война, я решил бы, что это огнеметы, но Егоров называл их «горелками». Егоровские ребятишки прошлись огненными метлами по земле, лед растаял, и они установили в ряд десять больших палаток из серой изотермической ткани. Лагерь приобрел вид лунной базы, но даже в этой непривычной обстановке к Кейре мгновенно вернулись рефлексы археолога. В одной из палаток оборудовали лабораторию, и она принялась налаживать приборы, пока два помощника доставали из упаковок фантастическое по разнообразию оборудование. Мне тоже пришлось поучаствовать, поскольку инструкции были на русском. Я справлялся не слишком хорошо, и Кейра то и дело одергивала меня, когда я совал лопатку к шпателям, но настроения мне это не портило.

В девять вечера Егоров позвал нас ужинать. Мое самолюбие было уязвлено при виде походной кухни: пока я разбирал содержимое десятка небольших коробок, повар обустроил превосходную полевую кухню.

Нам подали горячую еду. Люди Егорова разговаривали между собой, не обращая на нас ни малейшего внимания. Мы ужинали за столом Егорова и пили не пиво, а отличное красное вино. В десять работа возобновилась. Следуя указаниям Кейры, команда из двенадцати человек размечала участок под раскоп. В полночь колокол прозвонил отбой, и все разошлись спать.

Нам с Кейрой отвели две походные койки в глубине большой палатки, чуть поодаль от десяти остальных кроватей. Персональная палатка была у одного Егорова.

Тишину нарушал только храп мгновенно провалившихся в сон усталых мужчин. Кейра вылезла из койки и пришла ко мне.

– Подвинься, – шепнула она, забираясь в мой спальник, – вдвоем будет теплее.

Она сразу уснула, утомленная работой и впечатлениями.

Ветер завывал все сильнее, надувая брезент палатки, как парус.

Отель «Балчуг Кемпински»

На ночном столике замигал синий огонек. Москва выдвинул крышку мобильного телефона.

– Мы их нашли.

Спавшая рядом с ним молодая женщина повернулась на другой бок и коснулась ладонью его лица. Он оттолкнул руку любовницы, встал и перешел в гостиную.

– Как нам действовать дальше? – спросил его собеседник.

Москва достал сигарету из лежавшей на диване пачки, закурил и подошел к окну: лед на реке еще не встал, зима пока с ней не справилась.

– Организуйте спасательную операцию, – ответил Москва. – Скажите вашим людям, что им предстоит освободить двух знаменитых западных ученых – живыми и здоровыми. С теми, кто взял их в заложники, пусть не церемонятся.

– Умно. А как быть с Егоровым?

– Если уцелеет, тем лучше для него, в противном случае заройте его рядом с подельниками. Не оставляйте никаких следов. Я свяжусь с вами, когда наши подопечные окажутся в безопасности. Проявите уважение, но пусть никто не говорит с ними до моего приезда – никто, вам ясно?

– Территорию, где нам предстоит действовать, можно назвать враждебной. Для подготовки столь серьезной операции мне необходимо какое-то время.

– Даю вам только половину этого времени. Звоните, когда дело будет сделано.

Мань-Пупу-нёр

Первый восход солнца после ночной бури. Землю замело снегом, и мы с Кейрой вылезли из палатки, одевшись, как эскимосы на прогулку. До походной столовой было рукой подать, но, когда мы добрались, мне показалось, что я израсходовал все накопленные за ночь калории. От холода стыли даже зубы, но Егоров пообещал, что через несколько часов воздух станет посуше и не будет так обжигать легкие. Проглотив завтрак, мы с Кейрой отправились на раскоп в сопровождении одного из людей Егорова, исполнявшего обязанности начальника лагеря и переводчика. Английский, кстати, у него оказался вполне приличный. Кейра обвела взглядом горизонт и каменных исполинов. Они производили грандиозное впечатление. Двести миллионов лет над ними трудились дожди и ветры, но я не был уверен, что постаралась только природа.

– Ты действительно думаешь, что там, внутри, шаман? – спросила Кейра, подходя к одиноко стоящему каменному столбу.

– Кто знает? – ответил я. – Трудно сказать, какова доля истины в каждой легенде.

– Мне кажется, они за нами наблюдают.

– Великаны?

– Да нет же, люди Егорова! Делают вид, что не обращают на нас никакого внимания, а на самом деле следят – по очереди. Ужасная глупость: куда тут бежать?

– Вот это меня и беспокоит! Мы условно свободны, находимся на краю света и полностью зависим от твоего нового дружка. Предположим, мы нашли фрагмент. Кто помешает Егорову присвоить его, а нас бросить здесь на погибель?

– Исключено, ему необходима наша поддержка как ученых с именем и безупречной репутацией.

– При условии, что он был искренен, объясняя, почему решил нам помочь.

Мы увидели, что к нам идет Егоров, и сменили тему.

– Я перечитал свои заметки тех лет. По идее первые захоронения мы должны найти на этом участке, – сказал он, указав на пространство

между двумя последними каменными гигантами. – Начнем копать, время поджимает.

Память Егорова не подвела, а может, дневниковые записи оказались подробными и точными. Около полудня случилась первая находка, лишившая Кейру дара речи.

Все утро мы расчищали территорию и копали, углубились сантиметров на восемьдесят и вдруг наткнулись на захоронение. Кейра поскребла землю, обнаружила кусок черного полотна, взяла с помощью щипчиков несколько волокон, разложила их по трем стеклянным пузырькам, герметично закупорила и продолжила тщательно и осторожно отскребать лед. Работавшие неподалеку люди Егорова делали то же самое.

– Если мы нашли шумеров, это просто фантастика! – воскликнула она, с трудом распрямляясь. – Группа шумеров к западу от Урала! Ты понимаешь значение этого открытия, Эдриен? Степень сохранности уникальна, мы сможем выяснить, как они одевались, что ели.

– Я считал, что они умерли от голода!

– В высохших внутренних органах наверняка остались следы участвовавших в пищеварительном процессе бактерий, а кости укажут, чем эти люди болели.

Я не дослушал «неаппетитную» лекцию и отправился за термосом с кофе. Кейра грела о чашку замерзшие пальцы, она совершенно заледенела за два часа непрерывной работы. Спина у нее болела, но она снова опустилась на колени и взялась за дело.

К концу дня были раскрыты одиннадцать захоронений. Лежавшие в них тела мумифицировались, и сразу встал вопрос о том, как их сохранить. За едой Кейра и Егоров обсуждали проблему.

– Что вы намерены делать? – спросила она.

– На холоде с телами ничего не случится. Мы перенесли их в неотапливаемую палатку. Через два дня отправим два из них в герметичных контейнерах в Печору. По-моему, важно, чтобы они остались в Республике Коми и московские академики не смогли наложить на них лапу. Захотят увидеть чудо, пусть оторвут задницы от мягких кресел и приедут сюда.

– А что будет с остальными? Вы говорили о пятидесяти захоронениях на плато, но их может оказаться гораздо больше.

– Мы снимем все на пленку, после чего закроем их и будем молчать, пока не сообщим научной общественности о сделанных

открытиях и не предъявим найденные доказательства. Тогда мы получим официальное разрешение на раскопки и договоримся о нашем статусе. Но я хочу напомнить, что мы ищем здесь не только древние захоронения и волновать нас должно не их количество, а та единственная ледяная могила, где лежит ваш фрагмент. Нельзя тратить столько времени на одно тело, необходимо обратить внимание на все, что находится вокруг.

Кейра задумалась, отодвинула тарелку, не доев, и устремила взгляд в пустоту.

– В чем дело? – спросил я.

– Эти люди умерли от холода и голода, и природа их погребла подо льдом. Вряд ли у них оставались силы, чтобы выкопать могилы. Все, кроме детей и стариков, умерли практически одновременно.

– К чему вы ведете? – удивился Егоров.

– Давайте порассуждаем вслух… Вы несете послание, прошли тысячи километров, сменилось не одно поколение. А теперь представьте, что вы – последние выжившие в этом невероятном путешествии… Вы понимаете, что оказались в ловушке и не сумеете завершить миссию. Как вы поступите?

Егоров посмотрел на меня так, словно был уверен, что я знаю ответ… Кажется, впервые за все время он проявил ко мне интерес! Я положил себе еще рагу – довольно, кстати, гадостного на вкус! – что позволило мне оттянуть время.

– Ну… – заговорил я с полным ртом, – если хорошенько подумать…

– Если вы преодолели тысячи километров, чтобы доставить послание, – перебила меня Кейра, – если пожертвовали ради этого жизнью, разве вы не сделали бы все возможное, чтобы послание попало по назначению?

– В таком случае похоронить фрагмент было бы не лучшим решением, – небрежно бросил я, с вызовом глядя на Егорова.

– Вот именно! – воскликнула Кейра. – Значит, вы потратили бы последние силы на то, чтобы спрятать бесценный предмет там, где его смогут найти.

Егоров и Кейра вскочили как по команде, натянули куртки и выбежали на улицу, я нехотя поплелся следом.

Работа на раскопе возобновилась.

– Где? – спросил Егоров, обводя взглядом плато.

– Я, в отличие от вас обоих, не археолог, однако, умирая от холода – в точности, как сейчас! – и не желая, чтобы предмет оказался погребенным подо льдом… – произнес я смиренным тоном. – В общем, единственное возможное место прямо перед нами.

– Каменные гиганты! – констатировала Кейра. – Фрагмент должен быть на одном из идолов!

– Не хочу показаться занудой, но средняя высота этих каменных столбов доходит до пятидесяти метров, диаметр – метров десять, то есть $\pi \times 10 \times 50$. Получается, исследовать придется поверхность в 1571 квадратный метр, не считая углублений и трещин, а еще нужно растопить снег и придумать, как вскарабкаться на столб, иначе этот головокружительный проект не осуществить.

Кейра бросила на меня странный взгляд.

– В чем дело, что я такого сказал?

– Ты зануда!

– Он прав, – сказал Егоров. – Мы не сумеем очистить статуи от льда, пришлось бы строить грандиозные леса, да и людей понадобилось бы раз в десять больше. Это нереально.

– Подождите, – вмешалась Кейра. – Давайте еще подумаем.

Она принялась ходить вдоль раскопа.

– Я тот, кто несет фрагмент, – громким голосом произнесла она. – Мы со спутниками застряли на этом плато, куда имели неосторожность взобраться, чтобы определить, куда идти дальше. Склоны горы обледенели, и спуститься мы не можем. Здесь нет ни дичи, ни растительности, никакой пищи, и я понимаю, что мы обречены на голодную смерть. Умерших замело снегом, скоро настанет мой черед, и я решаю забраться на один из тотемов и закрепить на нем доверенный мне маленький предмет. Я надеюсь, что однажды кто-нибудь найдет его и продолжит миссию.

– Рассказ живой и очень яркий, я полон сочувствия к безымянному герою, я восхищаюсь его самопожертвованием, но это не поможет нам угадать, какой камень он выбрал и с какой стороны на него забрался.

– Нужно бросить копать в центре плато и сосредоточиться на участках у подножия статуй; если найдем тело, значит, мы на правильном пути.

– Что заставляет вас так думать? – спросил Егоров.

– Я тоже восхищаюсь этим человеком, – сказала Кейра. – Он исполнил предназначение – спрятал фрагмент, сил не осталось, друзья

и соплеменники умерли. Думаю, он бросился в пропасть, чтобы не длить страданий.

Егоров доверился инстинкту Кейры и созвал рабочих, чтобы дать новые указания.

– Где начнем? – нетерпеливо спросил он.

– Вам известен миф о семи мудрецах?

– Об Абгалах?[18] Семь мудрецов, полулюди-полузвери, несущие знания боги. Семерка хранителей Неба и Земли. Хотели меня проверить?

– Нет, но, следуя вашей логике, если шумеры приняли этих идолов за семерых Абгалов…

– …то они обязательно выбрали бы первого среди равных, того, кто вел их, – перебил Кейру Егоров.

– Это тот, что стоит лицом к остальным шести? – спросил я.

– Да, они называли его Адапой, – ответил Егоров.

Он приказал своим людям перейти к подножию истукана и начать копать. А я подумал, что героический шумер-самоубийца мог прыгнуть с каменного исполина, зажав вожделенный фрагмент в кулаке. В этой гипотезе напрочь отсутствовала научная основа, но если бы она оправдалась, это сэкономило бы нам массу времени, и потом, чем черт не шутит! Я подозревал, что Кейре пришла в голову та же идея: она умоляющим тоном попросила людей Егорова не торопиться и осматривать землю самым тщательным образом.

Погода ухудшалась час от часа, снег усилился, и нам пришлось остановить работы. Я чувствовал себя совершенно разбитым и мечтал лишь о горячей ванне и мягкой постели. Егоров приказал всем отдыхать и сказал, что, как только пурга утихнет, он всех поднимет на ноги, даже среди ночи. Возбуждение Кейры достигло предела, она на чем свет стоит кляла бурю, помешавшую продолжить раскопки. Она сказала, что пойдет в лабораторию и начнет изучать первые образцы, и мне пришлось сильно постараться, чтобы переубедить ее. Видимость была практически нулевая, искать палатку в такую пургу представлялось мне чистым безумием. Она послушалась, хоть и не сразу, и легла рядом со мной.

– Наверное, я проклята, – пожаловалась она.

– Это всего лишь зимняя снежная буря на Севере, а вовсе не проклятие. Я уверен, завтра погода улучшится.

– А Егоров сказал, что пурга может продлиться несколько дней! – рявкнула на меня Кейра.

– На тебе лица нет, ты должна отдохнуть. Даже если непогода продлится двое суток, это еще не конец света. Твоим утренним находкам цены нет.

– Почему ты все время самоустраняешься? Без тебя мы бы никогда сюда не добрались и не пережили всего того, что пережили.

Я припомнил безумие последних недель, и великодушное замечание Кейры показалось мне двусмысленным. Она прижалась ко мне, и я мысленно благословил шквалистый ветер и пургу, подарившие нам эти мгновения передышки, позволив побыть вместе.

Назавтра погода только ухудшилась, буря усилилась, было темно, как ночью, и выходить из палатки без страховки и мощного фонаря не следовало, даже в столовую. Ближе к вечеру Егоров сообщил, что худшее позади и ветры с севера прогонят циклон с плато. Он надеялся возобновить работу уже на следующий день, и мы с Кейрой попытались определить, сколько снега придется отгрести, прежде чем можно будет начать копать. Чтобы убить время, мы сели играть в карты. Кейра то и дело отходила проверить, не стихла ли буря, и всякий раз возвращалась разочарованная.

В шесть утра меня разбудил звук шагов рядом с палаткой. Я бесшумно поднялся, расстегнул молнию и высунул голову наружу. С серого неба сыпался мелкий снежок, в тусклой предрассветной мгле вырисовывались очертания семи истуканов. И тут мое внимание привлекло нечто, чего я предпочел бы не видеть. У подножия каменного исполина, ставшего, по нашему предположению, усыпальницей древнего шамана, в луже крови валялось тело моего современника.

Появившись из-за горы, десятка три коммандос в белых комбинезонах бесшумно продвигались вперед, готовясь окружить лагерь. Один из наших телохранителей получил пулю в грудь, когда выходил из палатки, но успел выстрелить и поднял тревогу.

Нападавшие расстреливали людей Егорова в упор из автоматов, началась настоящая бойня. Двое нападавших были ранены из помповых ружей, но преимущество было на их стороне.

Стрельба разбудила Кейру, она рывком села на кровати, заметила, что я побледнел от ужаса, и вопросительно взглянула на меня. Я велел

ей одеваться, а сам попытался оценить ситуацию: выползти сзади невозможно, ткань слишком прочная. Поддавшись панике, я схватил лопатку и принялся судорожно копать. Кейра осторожно подошла ко входу, я обернулся и дернул ее за ногу, оттаскивая внутрь.

– Они расстреливают все, что движется, держись подальше от стенок и помоги мне!

– Ты впустую тратишь силы и время, Эдриен, лед твердый, как дерево. Кто они?

– Понятия не имею. Они начали палить, не представившись!

На улице теперь стреляли очередями, я не выдержал и выглянул наружу, о чем немедленно пожалел: люди в белых комбинезонах подобрались к одной из палаток, посветили внутрь и перебили всех ее обитателей, после чего занялись следующей.

Я застегнул молнию на входе, вернулся к Кейре и прикрыл ее своим телом в тщетной попытке защитить.

Она подняла голову, печально улыбнулась и поцеловала в губы.

– Боюсь, это бесполезно, мой возлюбленный рыцарь. Я люблю тебя и ни о чем не жалею.

Нам оставалось одно – ждать развязки. Я обнял Кейру и прошептал, что тоже ни о чем не жалею. Наши любовные признания были прерваны ворвавшимися в палатку автоматчиками. Я еще теснее прижал к себе любимую женщину и закрыл глаза.

Малый Каменный мост

Гладь Водоотводного канала сковал прочный лед. Человек, носивший кодовое имя «Москва», шел на работу пешком. Его персональный черный «мерседес» ехал следом на небольшом отдалении. Он достал мобильный телефон и набрал номер Лондона.

– Операция завершена, – сообщил он.

– У вас странный голос. Что-то пошло не так?

– Не совсем так, были сложности.

Эштон затаил дыхание, ожидая подробностей.

– Боюсь, отчет от меня потребуют скорее, чем я предполагал, – продолжал его собеседник. – Люди Егорова отчаянно защищались, у нас есть потери.

– Мне нет дела до ваших людей, – перебил его Эштон. – Говорите, что с учеными!

Москва прервал разговор, сделал знак водителю, телохранитель вылез из машины и открыл дверцу. Москва устроился на заднем сиденье, и «мерседес» на полной скорости рванул с места. Телефон надрывался, но он не ответил ни на один звонок.

В рабочем кабинете он не задержался и отправился в Шереметьево, где уже ждал под парами частный самолет. Черная машина с включенной сиреной проталкивалась через пробки. Москва раздосадованно вздохнул: в Екатеринбурге он будет только через три часа.

Мань-Пупу-нёр

Ворвавшиеся в палатку люди вытащили нас наружу. Плато семи уральских идолов было усеяно окровавленными телами. Выжил только Егоров, он лежал, уткнувшись лицом в землю, скованный наручниками. Его сторожили шестеро автоматчиков. Егоров поднял голову, чтобы попрощаться с нами взглядом, и тут же получил жестокий удар ботинком по затылку. Раздался глухой шум мотора, поднялся снежный вихрь, над склоном появился мощный боевой вертолет и через минуту приземлился в нескольких метрах от нас. Двое коммандос дали нам дружеского тычка в спину и рысью поволокли к машине. Нас в буквальном смысле слова закинули внутрь, а один боец поднял вверх большой палец, словно выражая нам восхищение. Пилот сделал круг, и Кейра прильнула к стеклу, прощаясь с лагерем.

– Они хотят все разрушить, – произнесла она бесцветным голосом.

Я наклонился к иллюминатору, и моему взору представилось ужасающее зрелище. С десяток людей в белых комбинезонах сбрасывали в шумерские захоронения трупы людей Егорова, другие снимали палатки. Кейра была безутешна.

Никто из шести членов экипажа не обменялся с нами ни словом. Нам предложили кофе и бутерброды, но мы отказались, не чувствуя ни голода, ни жажды. Я крепко сжал руку Кейры.

– Не знаю, куда нас везут, – сказала она, – но боюсь, это конец наших приключений.

Я обнял ее за плечи и прижал к себе, напоминая, что мы все еще живы.

Через два часа полета сидевший перед нами человек попросил, чтобы мы пристегнулись. Машина заходила на посадку. Как только шасси коснулось бетонных плит, люк отъехал в сторону. Мы оказались у ворот ангара, где стоял двухмоторный самолет с российским флагом на фюзеляже, но без опознавательных номеров и знаков. Мы поднялись по трапу в салон и увидели двух типов в темно-синих костюмах. Мысленно я окрестил их «толстым» и «тонким». Сухощавый поднялся и одарил нас лучезарной улыбкой.

– Счастлив видеть вас живыми и здоровыми, – сказал он на безупречном английском. – Полагаю, вы крайне утомлены, но не

беспокойтесь, мы взлетаем немедленно.

Заурчали моторы, и самолет вырулил на взлетную полосу.

– Екатеринбург очень красивый город, – продолжал разговор наш «любезный» хозяин. – Через полтора часа мы будем в Москве. Там мы посадим вас на рейс до Лондона. Вам заказали билеты в бизнес-классе. Не благодарите. Учитывая все, что вам пришлось пережить, это пустяк. Ученые вашего уровня заслуживают самого предупредительного отношения. А теперь, если не возражаете, передайте мне ваши паспорта.

Он убрал документы в карман пиджака, открыл мини-бар и налил нам водки. Кейра выпила залпом, знаком попросила налить еще и, не говоря ни слова, опрокинула вторую рюмку.

– Можем мы рассчитывать на объяснения? – поинтересовался я.

Он снова разлил водку и поднял рюмку.

– Мы так рады, что нам удалось вырвать вас из рук похитителей.

Кейра едва не подавилась:

– Похитителей? Каких таких похитителей?

– Вам повезло, – не отвечая на вопрос, произнес наш собеседник. – Вас захватили очень опасные преступники, но мы вовремя вмешались. Наши люди рисковали жизнями, двое лучших агентов погибли ради вашего спасения.

– Нас никто не удерживал силой! – взорвалась Кейра. – Мы находились там по доброй воле и принимали участие в невероятных, увлекательнейших раскопках. Ваши люди учинили резню, вели себя как вандалы, уничтожили все результаты нашего труда, так как вы смеете?..

– Нам известно, что вы участвовали в незаконных раскопках, организованных злоумышленниками, бессовестно разграбляющими покоящиеся в сибирской земле национальные сокровища. Вы разве не знали, мадемуазель, что Егоров тесно связан с мафиозными структурами? Ученые со столь безупречной репутацией, как ваша, могли ввязаться в криминальную авантюру только по принуждению. Видимо, похитители пригрозили вам смертью за неподчинение. Вы прибыли в Россию по туристическим визам, и нам очень лестно, что вы решили отдохнуть именно у нас. Если бы вы захотели здесь поработать, то запросили бы официальное согласие властей, не так ли? Вам лучше, чем кому бы то ни было другому, известно, какой ущерб наносят стране «черные» археологи. Это уголовное преступление, за него дают от

десяти до двадцати лет тюрьмы. Надеюсь, мы пришли к согласию касательно изложенной мною версии?

Я кивнул. Кейра промолчала, но потом не выдержала и все-таки поинтересовалась судьбой Егорова, вызвав улыбку у нашего собеседника.

– Это будет зависеть исключительно от его готовности сотрудничать со следствием. Забудьте об угрызениях совести, мадемуазель, Егоров – малопочтенный персонаж.

Он извинился, сказал, что должен поработать, достал папку, углубился в бумаги и больше не промолвил ни слова.

Самолет пошел на снижение над столицей. Как только мы вышли, нас усадили в машину и подвезли к самолету «Британских авиалиний».

– Прежде чем расстаться, скажу еще две вещи. Первое – не возвращайтесь в Россию, мы больше не сможем гарантировать вашу безопасность. А теперь слушайте очень внимательно, ибо, говоря это, я нарушаю правила, но вы мне гораздо симпатичней человека, который их установил. В Лондоне вас будут ждать и, боюсь, предложат совершить куда менее приятную прогулку. На вашем месте я бы не стал «светиться» в Хитроу: пройдите таможню и немедленно уезжайте, а еще лучше – вообще минуйте зону контроля.

Мужчина вернул нам паспорта и жестом пригласил на трап. Безупречный английский бортпроводницы пролил бальзам на мою измученную душу, я рассыпался в благодарностях и был, возможно, чуточку слишком многословен.

– Может, попросишь телефончик? – съязвила Кейра, пристегивая ремень.

– Не хочу, но будет здорово, если ты уговоришь типа, что сидит через проход, одолжить нам мобильник.

Кейра явно удивилась, но спрашивать ни о чем не стала, повернулась к набиравшему сообщение соседу, обольстительно улыбнулась и две минуты спустя протянула мне вожделенный телефон.

Лондон

«Боинг-767» совершил посадку в Хитроу спустя четыре часа после вылета из Москвы. Было половина одиннадцатого вечера по местному времени: темнота будет нашей союзницей. Самолет вырулил на стоянку в стороне от терминала. В иллюминатор я увидел два автобуса у трапа и попросил Кейру не торопиться, чтобы выйти со второй волной пассажиров.

Мы вошли в автобус, встали у двери, и я незаметно сунул ногу между гармошками дверей, чтобы они не закрылись. Автобус покатил по бетонным плитам и въехал в туннель под взлетно-посадочными полосами, но сразу притормозил, пропуская автокар, тащивший тележки с багажом. Теперь или никогда. Я резко толкнул дверь, потянул Кейру за руку, мы выпрыгнули из автобуса, кинулись вдогонку за автокаром и залезли в одну из тележек. Кейра оказалась зажатой между двумя толстыми чемоданами, я растянулся на сумках. Пассажиры автобуса, разинув от изумления рты, наблюдали за нашей эскападой. Думаю, они попытались предупредить водителя, но наш маленький состав уже удалялся в противоположном направлении и через несколько мгновений скрылся на цокольном этаже терминала. В этот поздний час в зоне разгрузки было малолюдно, работали всего две бригады, но они были далеко и нас не заметили. Автокар петлял между транспортерами. Я заметил грузовой лифт, и мы покинули наше укрытие. К несчастью, кнопка вызова находилась за решеткой и без ключа мы открыть ее не могли.

– Есть идеи? – поинтересовалась Кейра.

Я огляделся, но увидел лишь черные ленты остановленных транспортеров.

– Туда! – воскликнула Кейра, указывая на запасный выход.

Я боялся, что дверь окажется заперта, но удача была на нашей стороне, и мы выскочили к подножию лестницы.

– Не беги, – сказал я Кейре. – Идем спокойно, как будто так и надо.

– У нас нет бейджиков, так что, если кого-нибудь встретим, будут неприятности.

Я посмотрел на часы: автобус уже доехал до терминала. В одиннадцать вечера очереди на таможенном досмотре не будет, и

последний пассажир с нашего рейса вот-вот пройдет паспортный контроль. Времени у нас не осталось – те, кто нас караулит, поймут, что их провели…

Наверху мы уперлись в очередную дверь. Кейра отодвинула засов, и тут же завыла сирена.

Мы оказались в терминале, между двумя транспортерами для выдачи багажа. Один из грузчиков заметил нас и застыл с открытым ртом. Не дожидаясь, когда он поднимет тревогу, я схватил Кейру за руку, и мы понеслись во всю прыть. Кто-то отчаянно засвистел нам вслед. Только не оборачиваться, бежать, быстрее, быстрее, добраться до раздвижных дверей и выскочить на тротуар. Кейра споткнулась и вскрикнула, я помог ей, потянул за собой. Топот шагов и свистки приближались. Не останавливаться, не уступать страху, до свободы рукой подать. Кейра выдохлась. Мы ввалились в такси и крикнули водителю, что очень торопимся.

– Куда вам? – спросил он.

– Езжайте! Мы опаздываем! – задыхающимся голосом взмолилась Кейра.

Машина наконец тронулась. Я запретил себе оборачиваться, вообразив, как беснуются наши преследователи, глядя вслед «черному кэбу».

– Трудности еще не закончились, – шепнул я Кейре. – Езжайте к терминалу № 2.

Кейра наградила меня изумленным взглядом.

– Доверься мне, я знаю, что делаю.

На ближайшей площадке я попросил водителя остановиться: жена в положении, ее ужасно укачало. Он затормозил. Я дал ему двадцать фунтов и сказал, что мы, пожалуй, подышим воздухом, ждать нас не стоит, вдруг это надолго, вернемся пешком.

– Здесь опасно прогуливаться, вы уж повнимательней, тут грузовики выезжают со всех сторон.

Он уехал, махнув на прощание рукой, весьма довольный полученной суммой.

– Что будем делать теперь, когда я родила? – спросила Кейра.

– Ждать! – ответил я.

– Чего?

– Увидишь!

Кент

– Что значит, они от вас ускользнули? Разве ваши люди не ждали у выхода?

– Конечно, ждали, сэр, но ваши ученые не появились.

– Не мелите ерунду, мой человек заверил, что сам посадил их в самолет.

– Я и не думал ставить под сомнение ваши слова, но те двое, которых нам приказали задержать, не проходили паспортный контроль. Нас было шестеро, так что проскользнуть незамеченными они никак не могли.

– Хотите сказать, они выпрыгнули с парашютом над Ла-Маншем? – рыкнул в трубку сэр Эштон.

– Нет, сэр. Уже должны были подать трап, но в последний момент перенаправили на другую площадку, о чем нас, естественно, не известили. Они ускользнули из автобуса, перевозившего пассажиров к терминалу, где мы их ждали. Нашей вины тут нет, они сбежали через цокольный этаж.

– Можете предупредить службу безопасности Хитроу, что им не поздоровится!

– Конечно, сэр.

– Бездарные идиоты! Довольно болтать, отправляйтесь к ним домой, прочешите город, ищите во всех отелях, делайте что хотите, но арестуйте их сегодня же ночью, если хоть чуть-чуть дорожите работой. Даю вам время до утра. Все ясно?

Собеседник сэра Эштона снова рассыпался в извинениях, обещая в кратчайший срок загладить вину за провал порученной ему операции.

Стоянка «Конкорда», Хитроу

К тротуару подъехал «Фиат-500», водитель наклонился и открыл дверцу.

– Я уже час тут кручусь, – недовольно проворчал Уолтер, опуская спинку сиденья, чтобы я пролез назад.

– Не могли найти машину поменьше?

– Ну и нахал же вы, Эдриен! Просите забрать вас с самолетной стоянки в неурочный час и еще возмущаетесь!

– Я хотел сказать: счастье, что у нас нет багажа.

– Полагаю, будь у вас чемоданы, вы назначили бы встречу у выхода из терминала, как все нормальные люди, а не заставляли бы меня как последнего идиота ездить по кругу!

– Вы долго будете препираться? – вмешалась Кейра.

– Счастлив вас видеть, – ответил Уолтер, протягивая ей руку. – Как прошло ваше маленькое путешествие?

– Плохо! – отрезала она. – Так мы едем?

– Охотно, но куда?

Я собирался попросить Уолтера отвезти нас ко мне домой, но мимо, завывая сиренами, промчались две полицейские машины, и идея показалась мне не слишком удачной. Кем бы ни были наши враги, мой адрес они уж точно знают.

– Ну, что вы решили? – спросил Уолтер.

– Понятия не имею.

Уолтер выехал на шоссе.

– Я готов кататься хоть всю ночь, – сообщил он, – но нам придется заправиться.

– Это ваша машина? – поинтересовалась Кейра. – Чудная малышка.

– Рад, что она вам нравится, я ее только что купил.

– По какому случаю? – удивился я. – Вы вроде были на нуле?

– Именно по случаю. Кроме того, в пятницу приезжает ваша прелестная тетушка, вот я и пожертвовал последними сбережениями, чтобы покатать ее по городу.

– Элена нанесет вам визит в этот уик-энд?

– Именно так, и я вам об этом говорил, забыли?

– У нас выдалась напряженная неделя, не обижайтесь на мою рассеянность.

– Я знаю, куда мы можем отправиться, – вмешалась Кейра, – но сначала нужно залить полный бак, Уолтер.

– Можно хотя бы поинтересоваться, в какую сторону? – спросил он. – Предупреждаю, я должен вернуться не позднее завтрашнего дня, у меня свидание с парикмахером!

Кейра взглянула на лысый череп Уолтера.

– Знаю, знаю, – сказал он, подняв глаза к небу, – но я хочу избавиться от этой дурацкой пряди, утренняя «Таймс» написала, что сексуальный потенциал лысых мужчин превышает средний уровень!

– Если у вас есть ножницы, я могу подстричь вас прямо здесь, – предложила Кейра.

– И речи быть не может! Свои последние волосы я доверю только высокому профессионалу. Вы скажете наконец, куда ехать?

– В Сент-Моус, в Корнуолл, – ответила Кейра, – там мы будем в безопасности.

– От кого? – спросил Уолтер.

Кейра промолчала. Я предполагал, что знаю ответ, и попросил его пустить меня за руль.

За шесть часов пути я пересказал Уолтеру наши приключения в России. Он ужаснулся происшедшему в поезде Москва – Владивосток и на плато Мань-Пупу-нёр и несколько раз переспросил, кто именно пытался нас убить, но я не мог удовлетворить его любопытство, потому что и сам этого не знал. Но в одном я был совершенно уверен: все дело в предмете, который мы искали.

Кейра промолчала всю дорогу. На рассвете мы добрались до Сент-Моуса, и она попросила Уолтера остановиться у маленькой гостиницы на поднимавшейся к кладбищу улочке.

– Приехали, – сказала она, попрощалась с Уолтером, вылезла из машины и пошла прочь.

– Когда мы увидимся? – спросил у меня Уолтер.

– Наслаждайтесь общением с Эленой и не волнуйтесь за нас. Надеюсь, несколько дней отдыха пойдут нам на пользу.

– Тихое местечко, – сказал Уолтер, глядя на фасад. – Уверен, вам здесь будет хорошо.

– Вашими бы устами…

– Ей здорово досталось… – Уолтер смотрел на медленно бредущую по улице Кейру.

– Да уж, последние дни выдались слишком тяжелыми, и она ужасно переживает из-за внезапного прекращения поисков. Мы были очень близко к цели.

– Но вы живы, и это главное. К черту эти фрагменты, нужно остановиться, вы слишком рисковали и чудом уцелели.

– Будь это обычная охота за сокровищами, Уолтер, проблем бы не возникло, но все более чем серьезно. Собрав все фрагменты, мы наверняка сделали бы беспрецедентное открытие.

– Вы снова о вашей первой звезде? Ее место на небе, ваше – на Земле, причем в добром здравии. Мне больше ничего не надо.

– Очень благородно с вашей стороны, Уолтер, но вдруг мы сумели бы увидеть первые мгновения жизни Вселенной, узнать наконец свои истоки, выяснить, кем были первые жители нашей планеты. Кейра всегда на это надеялась и сегодня безгранично разочарована.

– Так догоняйте ее, а не стойте тут со мной. Кейра в вас нуждается, вот и позаботьтесь о ней.

Уолтер обнял меня и завел мотор своего «Фиата-500».

– Вы не слишком устали? – спросил я, наклонясь к дверце. – Сможете вести машину?

– Устал от чего? По пути сюда я спал.

Я смотрел вслед удалявшейся машине, пока свет ее габаритных огней не исчез за домом на другом конце деревни.

Кейра исчезла из виду, и я отправился на поиски. Калитка кладбища была приоткрыта, я вошел и попал на центральную аллею. На кладбище Сент-Моуса покоилось человек сто, не больше. Кейра стояла на коленях у стены, обвитой карабкающимися вверх побегами глицинии.

– Весной она покрывается красивыми лиловыми цветами, – не оборачиваясь сказала она.

Я взглянул на надгробие: позолота стерлась, но имя Уильяма Перкинса все еще можно было прочесть.

– Жанна обидится, что я привезла тебя сюда, не поговорив с ней.

Мы обнялись, и Кейра продолжила:

– Я странствовала по свету, чтобы показать ему, на что способна, и в конце концов вернулась сюда с пустыми руками и тяжелым сердцем.

Наверное, я всегда искала его одного.

– Уверен, отец тобой гордился.

– Мне он об этом никогда не говорил.

Кейра протерла плиту и взяла меня за руку:

– Не представляешь, как я жалею, что ты его не знал. Мой отец был человеком сдержанным и в конце жизни ужасно одиноким. В детстве я обожала задавать ему вопросы, и он всегда старался на них отвечать, а если не мог, улыбался и вел меня гулять на мол. Вечером, встав на цыпочки, я подглядывала, как он сидит за кухонным столом и изучает энциклопедию. На следующее утро, за завтраком, папа говорил как бы между прочим: «Вчера ты задала мне вопрос, но мы отвлеклись, и я забыл ответить, так вот…»

Кейра вздрогнула, и я накинул ей на плечи свое пальто.

– Ты никогда не рассказывал мне о своем детстве, Эдриен.

– Потому что я такой же сдержанный, как твой отец, и не очень люблю говорить о себе.

– Придется сделать над собой усилие. Если нам суждено пройти часть пути рука об руку, я не хочу недомолвок.

Кейра привела меня назад в гостиницу. В обеденном зале никого не было, хозяин усадил нас у большого окна и подал плотный завтрак. Мне показалось, что они с Кейрой старые знакомые. Потом он проводил нас на второй этаж, в комнату с видом на маленькую гавань. Хотя даже зимой заведение покоряло с первого взгляда, мы были единственными его постояльцами. Начался отлив, рыбацкие лодки лежали на боку. По молу, взявшись за руки, шли мужчина и его маленький сын. Кейра подошла и встала рядом со мной у окна.

– Я тоже скучаю по отцу, – сказал я, – мне всегда его недоставало, даже когда он был жив. Мы почти не общались, отец был замечательным человеком, но слишком много работал и частенько забывал, что у него есть сын. В тот день, когда он это заметил, я покинул родительский дом. Мы шли параллельными курсами и почти не встречались, но я не жалуюсь: мама отдала мне всю свою нежность и любовь.

Кейра посмотрела на меня долгим взглядом, а потом спросила, почему я решил стать астрофизиком.

– В детстве, на Гидре, у нас с мамой был один ритуал. Перед сном мы подходили к окну и вместе смотрели на небо. Мама придумывала имена для звезд. Однажды вечером я спросил, как родился мир, почему

каждое утро встает солнце и всегда ли будет наступать ночь. Мама взглянула мне в глаза и сказала: «Во Вселенной множество миров и столько же жизней; мой мир возник в день твоего рождения, в тот миг, когда я взяла тебя на руки». Я с детства мечтаю узнать, где начинается рассвет.

Кейра обняла меня за шею:

– Ты будешь замечательным отцом.

Лондон

– В понедельник я продам машину, верну вам долг, куплю себе пару сапог и к черту Академию вместе с ее крышей! Я умываю руки. Больше ни слова не скажу, не стану их уговаривать. Не рассчитывайте на меня. Каждое утро, глядя на свое отражение в зеркале, я чувствую, что предаю доверие Эдриена. Настаивать бесполезно, я своего мнения не изменю. Мне давно следовало послать вас подальше. А если вздумаете подталкивать их, я все расскажу, хотя почти ничего о вас не знаю.

– Вы разговариваете сами с собой, Уолтер? – спросила Элена.

– Нет, с чего вы взяли?

– Вы что-то бормотали, и губы у вас шевелились.

На светофоре зажегся красный свет, Уолтер нажал на тормоз и повернулся к спутнице:

– Сегодня вечером мне предстоит важный разговор, вот я и репетировал.

– Случилось что-то плохое?

– Нет-нет, не волнуйтесь, совсем наоборот.

– Вы ничего от меня не скрываете? Если в вашей жизни есть другая женщина – моложе меня, я все пойму, просто хочу знать.

Уолтер придвинулся ближе:

– Я ничего от вас не скрываю, мне бы такое даже в голову не пришло. И я нахожу вас самой соблазнительной женщиной на свете.

Сделав неожиданное признание, Уолтер густо покраснел.

– Мне очень нравится ваша новая стрижка, – ответила Элена. – Поехали, дорогой, не то нас сейчас растерзают. Я так рада, что попаду наконец в Букингемский дворец! Думаете, мы увидим королеву?

– Все может быть, никогда не знаешь, в какой момент Ее Величество выйдет по делам из своих покоев…

Сент-Моус

Мы проспали бóльшую часть дня. Я отдернул шторы, и перед нашими глазами предстало небо цвета сумерек.

Хотелось есть, и Кейра решила отвести меня в чайный салон неподалеку от гостиницы и заодно показать деревню. Я смотрел на прилепившиеся к холму белые домики и вдруг понял, что хотел бы однажды поселиться в таком же. Неужели я, полжизни колесивший по планете, в конце концов осяду в корнуолльской глуши? Я сожалел о размолвке с Мартином: он наверняка стал бы навещать меня время от времени. Мы бы пили пиво в гавани, предаваясь сладким воспоминаниям.

– О чем ты думаешь? – спросила Кейра.

– Ни о чем особенном, – ответил я.

– Вид у тебя был совершенно отсутствующий, а мы ведь договорились – никаких недомолвок.

– Будь по-твоему. Я думал о том, чем мы займемся на следующей неделе и потом тоже.

– У тебя есть идеи?

– Ни одной!

– А у меня есть!

Кейра повернулась ко мне и склонила голову набок – значит, собралась сказать что-то важное. Кое-кто сообщает важные новости торжественным тоном, а вот Кейра наклоняет голову.

– Я хочу объясниться с Айвори. Но ты должен поучаствовать в одном маленьком и вполне невинном обмане…

– Какого рода?

– Он должен поверить, что мы добыли в России третий фрагмент.

– Зачем? Что это нам даст?

– Он наконец скажет, где находится тот, что когда-то обнаружили в Амазонии.

– Но он уверял, что не знает этого.

– Старина Айвори много чего наговорил и еще больше скрыл. Егоров был отчасти прав, когда утверждал, что Айвори манипулировал нами как хотел. Если мы заставим его поверить, что у нас теперь три фрагмента, он не устоит перед искушением сложить мозаику. Уверена,

Айвори знает больше, чем говорит. Егоров был прав, обвиняя его в том, что он нами манипулирует.

– По-моему, в умении манипулировать ты ему не уступаешь.

– Да нет, куда мне до него! Но именно поэтому я с удовольствием с ним посчитаюсь.

– Ладно, давай представим, что нам удалось обмануть его, и предположим, что он скажет, где находится четвертый фрагмент, но пятый по-прежнему закопан где-то на плато Мань-Пупу-нёр, так что звездная карта останется неполной. Так зачем городить огород?

– Отсутствие одного фрагмента не помешает представить общую картину целиком. Мы практически никогда не находим древние останки в целом виде, но выкопанные кости позволяют реконструировать скелет и представить внешний облик древнего человека. Добавь фрагмент Айвори к нашим двум и, возможно, поймешь, что означает карта. Иного решения нет – если только ты не скажешь, что хочешь остаться в этой деревушке и посвятить остаток жизни рыбной ловле.

– Забавная идея!

Мы вернулись в гостиницу, Кейра позвонила сестре, и они довольно долго разговаривали, но о наших приключениях в России не было сказано ни слова. Кейра сообщила, что мы в Корнуолле и что она, вероятно, вскоре вернется в Париж. Я спустился в бар выпить пива. Кейра присоединилась ко мне час спустя. Я отложил газету и поинтересовался, связалась ли она с Айвори.

– Он категорически отрицает, что хоть как-то влиял на наши поиски, и разыграл оскорбленную невинность, когда я заявила, что он, похоже, с самого первого дня, с нашей встречи в музее, водил меня за нос. Интонация была искренняя, но я не очень верю.

– Ты сказала, что мы привезли из России третий фрагмент?

Кейра покивала и залпом допила мое пиво.

– Он поверил?

– Ну, во всяком случае, сразу перестал меня отчитывать и заявил, что жаждет нас видеть.

– Как будешь вести себя при встрече, чтобы он не уличил нас во вранье?

– Я сказала, что мы спрятали вещь в надежном месте и покажем только после того, как он сообщит нам подробности об амазонском фрагменте.

– Ну и?

– Ответил, что у него есть предположения, но он пока не знает, как туда проникнуть. Предложил помочь ему разгадать загадку.

– Какого рода?

– Он не захотел сказать по телефону.

– Значит, приедет сюда?

– Нет, назначил встречу в Амстердаме, через сорок восемь часов.

– А как мы попадем в Амстердам? Я не жажду возвращаться в Хитроу: при попытке пересечь границу мы рискуем угодить за решетку.

– Знаю, знаю, я рассказала Айвори о наших проблемах. Он посоветовал добираться до Голландии на пароме, сказал, что прибывающие из Англии суда проверяют кое-как.

– А где мы сядем на паром?

– В Плимуте, это в полутора часах езды на машине.

– Но у нас же нет машины.

– Поедем на автобусе. Тебя что-то смущает?

– Сколько продлится наше плавание?

– Двенадцать часов.

– Этого-то я и боялся.

Кейра с сокрушенным видом нежно похлопала меня по руке.

– В чем дело? – насторожился я.

– Вообще-то в Амстердам ходят не совсем паромы, вернее, совсем не паромы, а грузовые суда. Почти все берут на борт пассажиров, а нам ведь что паром, что сухогруз – все едино, правда?

– Была бы верхняя палуба, где я смогу двенадцать часов подыхать от морской болезни!

Автобус отходил в семь утра. Хозяин гостинички приготовил нам в дорогу бутерброды, пообещал Кейре, что с наступлением весны приведет в порядок могилу ее отца, попросил нас приехать снова, заверив, что поселит нас в том же номере, если мы заранее его предупредим.

В Плимуте мы отправились в управление порта, где дежурный офицер сообщил, что через час в Амстердам отправится английский сухогруз, и указал нам причал номер 5.

Капитан запросил с нас двести фунтов наличными и повел по внешнему коридору в кают-компанию. Нам отдали каюту одного из членов экипажа, но я сказал, что предпочитаю палубу – любую, где причиню меньше хлопот.

– Как вам будет угодно, но как только мы выйдем в море, станет очень холодно, а идти мы будем часов двадцать, не меньше.

Я повернулся к Кейре:

– Кажется, ты говорила о двенадцати часах?

Капитан расхохотался:

– На сверхскоростном судне – может быть, но такая старая посудина редко идет со скоростью больше двадцати узлов, и то, если ветер благоприятствует. Если вас укачивает, оставайтесь на палубе. Только оденьтесь потеплее.

– Клянусь, я ничего не знала, – сказала Кейра, скрестив пальцы за спиной.

Сухогруз отчалил. Ла-Манш был спокоен, но небо хмурилось, обещая дождь. Кейра целый час составляла мне компанию, а когда совсем замерзла, пошла в каюту. Старпом сжалился надо мной и послал вахтенного лейтенанта отнести замерзающему пассажиру дождевик и перчатки. Офицер решил выкурить сигарету и развлечь меня беседой.

В команде было тридцать человек – офицеры, механики, боцманы, коки и матросы. Лейтенант объяснил, что погрузка – сложнейшая операция, от которой зависит безопасность плавания. В восьмидесятых сухогрузы тонули сотнями, да так быстро, что ни один моряк не успевал спастись. Погибли шестьсот пятьдесят человек. Груз ни в коем случае не должен сдвигаться с места, иначе корабль дает крен, заваливается на борт и переворачивается. Именно поэтому специальные устройства в трюмах все время разравнивают зерно. Выдохнув дым, лейтенант добавил, что это не единственная опасность, которая нас подстерегает. Если волна будет слишком высокой, вода через люки попадет в трюмы и корпус расколется пополам. Одним словом, что так, что эдак, потонем мы мгновенно. Но сегодня ночью, благословение Небесам, Ла-Манш спокоен, так что, если не поднимется ветер, нам ничто не грозит. Офицер выкинул окурок за борт и вернулся к работе, оставив меня размышлять о превратностях грозной судьбы.

Кейра несколько раз выходила на палубу, умоляя меня пойти в каюту, потом принесла бутерброды и термос с чаем. Есть я отказался, а чаю выпил, чтобы согреться. В полночь она ушла спать, пообещав, что к утру я непременно задубею от холода. Я закутался в плащ, свернулся калачиком у мачты, на которой горел сигнальный огонь, и задремал под скрип форштевня.

На рассвете Кейра нашла меня на палубе: я спал, лежа на спине и сложив руки на груди. Я проголодался, но аппетит улетучился, как только я переступил порог камбуза и почувствовал запах рыбы, прогорклого масла и кофе. Меня затошнило, и я пулей выскочил на палубу.

– Голландское побережье уже недалеко, значит, мучиться осталось недолго, – сообщила Кейра.

«Недолго» оказалось понятием относительным – лишь четыре часа спустя прозвучал туманный горн и машины замедлили ход. Судно входило в гавань Амстердама.

Мы сразу же сошли на берег. Таможенный офицер проверил наши паспорта, бегло досмотрел сумки, где лежали купленные в Сент-Моус сувениры, и козырнул, пропуская нас.

– Куда направимся? – спросил я у Кейры.

– Под душ!

– А потом?

Она взглянула на часы:

– Мы встречаемся с Айвори в 18.00, в кафе… – Она вынула из кармана бумажку с адресом: – …на площади Дам.

Амстердам

Мы поселились в «Гранд-отеле Краснопольски», не самом дешевом в городе, зато в пятидесяти метрах от места назначенной встречи. В конце дня Кейра отвела меня на центральную площадь, и мы смешались с толпой. Перед входом в Музей мадам Тюссо стояла длинная очередь, несколько туристов ужинали на террасе «Европаба» у газовых обогревателей, но Айвори среди них не было. Я заметил его первым. Он подошел и сел за наш столик у самого окна.

– Счастлив вас видеть, – сказал он. – Что за путешествие!

Кейра обдала его холодом, и старый профессор мгновенно понял, что легко не отделается.

– Вы сердитесь? – спросил он насмешливо.

– С чего бы это? Мы чуть не свалились в пропасть, я едва не утонула в реке, провела несколько недель в китайской тюрьме – в шикарных условиях, как вы сами понимаете, в нас стреляли в поезде, в России спецназовцы у нас на глазах убили два десятка человек, а нас выдворили из страны. Избавлю вас от описания экстремальных условий, в которых мы путешествовали в последние месяцы, – старые самолеты, машины-развалюхи, тряские автобусы, не говоря уж о тележке с багажом, где меня зажало между двумя «Самсонайтами»[19]. Вы гоняли нас по всему свету, а сами преспокойно ждали в своей уютной квартирке, пока мы сделаем грязную работу, я права? Вы принялись морочить мне голову с того дня, когда принимали в своем кабинете в музее, или это началось позже?

– Кейра, – нравоучительным тоном начал Айвори, – мы уже говорили об этом позавчера по телефону. Вы заблуждаетесь, у меня пока не было возможности все объяснить, но я никогда вами не манипулировал. Более того – я неустанно вас защищал. Решение начать поиски приняли вы сами. Мне не пришлось вас уговаривать, я всего лишь указал на некоторые факты. Что до риска, которому вы оба подверглись… Да будет вам известно, что мой ближайший друг заплатил жизнью, чтобы вытащить Эдриена из Китая, а вас – из тюрьмы.

– Какой друг?

– Его кабинет находился во дворце, там, напротив кафе, – печальным голосом ответил Айвори. – По этой самой причине я и попросил вас встретиться со мной именно здесь… Вы действительно привезли из России третий фрагмент?

– Услуга за услугу, – бросила Кейра. – Я уже говорила, что покажу вам новый фрагмент только после того, как вы выложите все, что знаете об амазонском камне. Убеждена: вам известно, где он находится, так что не пытайтесь отпираться!

– Он перед вами, – вздохнул Айвори.

– Перестаньте наконец говорить загадками, профессор, я наигралась досыта, да и вы, надеюсь, тоже. Не вижу на столе никакого фрагмента.

– Не валяйте дурака, поднимите глаза и посмотрите прямо перед собой.

Наши взгляды обратились на стоявший на другой стороне площади дворец.

– Фрагмент в этом здании? – спросила Кейра.

– У меня есть все основания так думать, но я не знаю, где именно. Мой покойный друг был его хранителем, но он унес с собой в могилу ключи к загадке, которые помогли бы нам найти камень.

– Откуда такая уверенность? – спросил я.

Айвори нагнулся к стоявшей на полу сумке, откинул клапан, достал толстый том и положил его на стол. Обложка сразу привлекла мое внимание – это был очень старый учебник астрономии. Я взял книгу и перелистал.

– Великолепный экземпляр.

– Согласен, – кивнул Айвори, – первое издание. Подарок друга, я им очень дорожу. Взгляните на посвящение.

Я вернулся к началу и прочел вслух написанную на форзаце фразу: «Я знаю, эта книга Вам понравится, ибо она не имеет недостатков и в ней есть все, даже свидетельство нашей дружбы. Ваш верный шахматный партнер Вакерс».

– Разгадка скрыта в этой фразе. Я уверен, Вакерс хотел мне что-то сказать. Это не пустые слова. Но смысла я не улавливаю.

– Как вам помочь? Мы никогда не видели Вакерса.

– О чем я очень сожалею, Вакерс очень бы вам понравился, он был человеком редкостного ума. Эта книга – трактат по астрономии, вот я и решил, что, возможно, Эдриен что-нибудь сообразит.

– В ней около шестисот страниц, – заметил я, – так что на изучение уйдут не часы, а дни. Нет никакого другого следа? Мы даже не знаем, что искать в книге.

– Идите за мной, – сказал Айвори, поднимаясь, – я отведу вас туда, куда никто, ну, почти никто, не имеет доступа. О существовании этого места знали Вакерс, его личный секретарь и я. Вакерс знал, что я нашел его тайник, но притворялся, будто ни о чем не догадывается. Думаю, эта деликатность была проявлением дружеских чувств.

– Об этом он говорит в посвящении? – спросила Кейра.

– Да, – вздохнул Айвори, – ради этого мы здесь и собрались.

Он оплатил счет и повел нас через площадь. Кейра шла, не обращая ни малейшего внимания на движение, и едва не угодила под трамвай, хотя вагоновожатый отчаянно сигналил. Я едва успел схватить ее за руку.

Мы попали в церковь через боковой вход и через величественный центральный неф прошли в трансепт. Я любовался гробницей адмирала де Рёйтера, и тут в приделе появился мужчина в темном костюме.

– Спасибо, что согласились встретиться, – шепотом произнес Айвори, чтобы не мешать молящимся.

– Вы были его единственным другом, и я знаю, что господин Вакерс одобрил бы мое решение. Полагаюсь на вашу сдержанность: если о нашей встрече узнают, у меня могут быть серьезные проблемы.

– Ни о чем не беспокойтесь. – Айвори дружески похлопал собеседника по плечу. – Вакерс очень вас ценил. Когда он говорил со мной о вас, я чувствовал в его голосе… как бы это поточнее выразить… дружеское чувство, да, именно так, Вакерс одарил вас своей дружбой.

– Правда? – В тоне мужчины прозвучала трогательная искренность.

Он вынул из кармана ключ, открыл маленькую дверь в глубине часовни, и мы увидели узкую, спускавшуюся вниз лестницу. Одолев пятьдесят ступеней, мы попали в длинный коридор.

– Этот подземный ход тянется под площадью прямо до дворца, – пояснил наш гид. – Света здесь недостаточно, так что не отставайте.

Мы шли вперед, слыша лишь эхо собственных шагов, сумрак сгущался, и вскоре стало совсем темно.

– Еще пятьдесят шагов, и мы снова выйдем на свет, держитесь ближе к центральному желобу, чтобы не оступиться. Не слишком приятное место, я его терпеть не могу.

Мы оказались у второй лестницы.

– Ступени очень скользкие, держитесь за натянутую вдоль стены веревку.

Поднявшись наверх, мы увидели крепкую деревянную дверь с тяжелыми железными засовами. Помощник Вакерса повернул две большие ручки, и щелкнул язычок замка. Мы оказались в вестибюле, на первом этаже дворца. На белом мраморе пола были выгравированы три огромные карты. Первая изображала Западное полушарие, вторая – Восточное, третья, на редкость точная, – звездное небо. Я подошел, чтобы разглядеть ее поближе. У меня еще никогда не было возможности одним махом преодолеть расстояние от Кассиопеи до Андромеды, и прыгать из одной галактики в другую оказалось весьма забавно. Кейра кашлянула, призывая меня к порядку. Айвори и наш провожатый смотрели на меня с немым укором.

– Сюда, – сказал мужчина в темном костюме.

Он открыл еще одну дверь, и мы спустились по лестнице в подвалы дворца. Когда глаза привыкли к полумраку, мы увидели паутину мостиков над водой подземного канала.

– Мы под центральным залом, смотрите под ноги, вода ледяная, а глубина мне неизвестна.

Он подошел к балке и нажал на крепежный ключ из кованого железа. Две доски повернулись, открыв путь к противоположной стене. Только подойдя совсем близко, можно было заметить маленькую, скрытую в камне, невидимую в темноте дверь. Секретарь Вакерса впустил нас в комнату. Зажег свет. Всю обстановку составляли металлический стол и кресло. К стене был прикреплен плоский экран, на столе стоял компьютер.

– Больше ничем помочь не могу, – сказал наш провожатый. – Сами видите, ничего особенного тут нет.

Кейра включила компьютер, экран зажегся.

– Тут защищенный доступ, – доложила Кейра.

Айвори вынул из кармана листок и протянул ей:

– Попробуйте вот этот пароль. Я украл его, когда мы играли в шахматы у Вакерса дома.

Кейра набрала слово, нажала на ввод и вошла.

– Что дальше? – спросила она.

– Понятия не имею, – ответил Айвори. – Проверьте информацию на жестком диске. Возможно, там найдется нечто, что приведет нас к

фрагменту.

– Жесткий диск пуст, осталась только программа для связи. Этот компьютер был предназначен исключительно для видеоконференций. Над экраном есть маленькая видеокамера.

– Быть того не может, – вскипел Айвори, – ищите, я уверен, что ключ к загадке где-то там.

– Мне жаль вас огорчать, но там совершенно пусто!

– Вернитесь к началу и скопируйте посвящение: «Я знаю, эта книга Вам понравится, ибо она не имеет недостатков и в ней есть все, даже свидетельство нашей дружбы. Ваш верный шахматный партнер Вакерс».

На экране высветилась надпись «в доступе отказано».

– Здесь что-то не так, – сказала Кейра, – сами посмотрите: диск пуст, но объем наполовину загружен, значит, есть скрытый файл. Может, есть другой пароль?

– Ничего не приходит в голову, – пожаловался Айвори.

Кейра взглянула на старого профессора и набрала на клавиатуре слово «Айвори». На экране открылось новое окно.

– Думаю, я нашла свидетельство дружбы, о котором он говорил, но нам нужен еще один пароль.

– У меня его нет, – вздохнул Айвори.

– Ищите, думайте, что вас связывало.

– У нас было так много общего. Как тут выберешь? Попробуйте «Шахматы».

Снова мимо.

– Пробуйте еще, – приказала Кейра, – нужно нечто более сложное, что-то, о чем могли бы догадаться лишь вы двое.

Айвори принялся ходить по комнате за нашими спинами, что-то бормоча себе под нос.

– Была одна партия, которую мы разыгрывали сотню раз…

– Какая партия? – спросил я.

– Знаменитый поединок, в котором сошлись два великих игрока XVIII века Франсуа Андре Даникан Филидор и капитан Смит. Думаю, Филидор был величайшим гроссмейстером своего времени. Он написал книгу «Анализ шахматной игры», которая долго считалась хрестоматийной. Попробуйте ввести его имя.

Увы, мы снова не получили доступа.

– Расскажите мне об этом Филидоре, – попросила Кейра.

– До переезда в Англию он играл во Франции, в кафе «Ла Режанс», где встречались крупнейшие шахматисты тех лет.

Кейра напечатала «Режанс», потом «кафе де ла Режанс»… ничего не произошло.

– Он был учеником Легаля де Кермюра, – продолжил Айвори.

Кейра ввела слов «Кермюр», но успеха не добилась.

Внезапно Айвори вскинул голову:

– Филидор стал знаменит, победив сирийца Филиппа Стамму, нет, постойте, настоящая слава пришла к нему, когда он победил на турнире, где играл с закрытыми глазами одновременно на трех досках против трех противников. Этот подвиг Филидор совершил в Шахматном клубе на Сент-Джеймс-стрит в Лондоне.

Кейра напечатала «Сент-Джеймс-стрит» – ничего.

– Возможно, мы пошли по ложному пути и нам следует обратить внимание на капитана Смита? Или, например, не знаю… Назовите мне даты жизни этого вашего Филидора.

– Вряд ли я смогу, нас с Вакерсом интересовала исключительно его шахматная карьера.

– Когда точно состоялась знаменитая игра между капитаном Смитом и его приятелем Филидором? – спросил я.

– 13 марта 1790 года.

Кейра ввела последовательность цифр «13031790», и мы онемели от изумления. На экране появилась странная астрономическая карта. Судя по степени точности и ошибкам, я мог датировать ее XVII или XVIII веком.

– Невероятно! – воскликнул Айвори.

– Гравюра восхитительная, – согласилась Кейра, – но она не указывает местоположение того, что мы ищем.

Секретарь Вакерса поднял голову.

– Эта же карта украшает пол вестибюля дворца на первом этаже, – сказал он, подходя ближе к экрану. – Они разнятся всего несколькими деталями.

– Вы уверены? – спросил я.

– Я ступал по этому полу тысячу раз, я десять лет был на службе у господина Вакерса, и он всегда назначал мне встречи в кабинете на втором этаже.

– Чем эта отличается от той? – спросила Кейра.

– Рисунки не совсем те же, – ответил он, – линии между звездами расположены иначе.

Меня осенило:

– Когда был построен этот дворец?

– Строительство закончилось в 1655-м, – ответил мужчина.

Кейра ввела в компьютер четыре цифры. Карта на экране начала поворачиваться, откуда-то с потолка донесся глухой шум.

– Что у нас над головой? – поинтересовалась Кейра.

– Бургерзал, большой зал, где находятся мраморные карты, – сообщил наш провожатый.

Мы кинулись к двери. Голландец призвал нас быть внимательней: лабиринт из балок находился в нескольких сантиметрах над подземным каналом. Пятью минутами позже мы оказались в вестибюле дворца. Кейра подбежала к выгравированной на полу карте с изображением небесного свода, медленно поворачивавшейся против часовой стрелки. Совершив пол-оборота, она остановилась. Внезапно центральная часть приподнялась на несколько сантиметров. Кейра просунула ладонь в образовавшуюся щель и вытащила третий фрагмент, точно такой же, как два предыдущих. На ее лице отразились восторг и торжество победителя.

– Умоляю вас, давайте приведем все в порядок. Если завтра, когда дворец откроется, вестибюль обнаружат в подобном состоянии, это будет иметь для меня трагические последствия! – воскликнул голландец.

Не успел наш провожатый договорить, как крышка тайника опустилась, карта повернулась по часовой стрелке и встала на место.

– Итак, где же четвертый, привезенный вами из России фрагмент? – поинтересовался Айвори.

Мы с Кейрой обменялись смущенными взглядами.

– Не хочу портить всем удовольствие, – вмешался в разговор мужчина в темном костюме, – но был бы очень признателен, если бы вы обсудили все это за пределами дворца. Я должен еще закрыть кабинет господина Вакерса, скоро начнется обход охранников, так что вам пора.

Айвори взял Кейру за руку:

– Он прав, идемте, у нас для разговоров вся ночь впереди.

***

Мы вернулись в гостиницу, и Айвори пригласил нас в свой номер.

– Вы мне солгали, так ведь? – спросил он, закрывая дверь. – Ради всего святого, не держите меня за дурака, я заметил смущение на ваших лицах. Вам не удалось отыскать четвертый фрагмент в России.

– Не удалось, вы правы! – рассердился я. – Мы знали, где он, оставалось протянуть руку и взять его, но никто не счел нужным предупредить, что́ нас там ждет, а вы поостереглись объяснить, насколько опасны люди, идущие по нашим следам! Вы послали нас на охоту за фрагментами, и нас едва не убили, так что не ждите извинений!

– Вы оба совершенно безответственные люди! Вы вынудили меня сделать ход, который следовало оставить на самый крайний случай. Неужели вы думаете, что наша сегодняшняя встреча пройдет незамеченной? Компьютер, в который мы влезли, часть сложной, хорошо защищенной сети. В этот самый момент десятки программистов уже предупредили вышестоящих начальников своих отделений, что терминал Вакерса сам собой включился среди ночи, и вряд ли кто-нибудь из этих людей поверит, что это сделал его призрак!

– Да кто они такие, «эти люди», черт бы их всех побрал?! – выкрикнул я в лицо Айвори.

– Успокойтесь немедленно, не время сводить счеты, – вмешалась Кейра. – Мы ни к чему не придем, если будем орать друг на друга. Идея обмануть вас принадлежала не Эдриену, а мне, и это не совсем обман. Надеюсь, три фрагмента сообщат нам достаточно данных, и мы сумеем продвинуться в поисках, так что прекратите ругаться и давайте соединим их.

Кейра сняла кулон, я достал из кармана завернутый в носовой платок фрагмент, и мы сложили их с найденным под плитой дворца.

Нас постигло жесточайшее разочарование: ничего не произошло. Синеватое свечение не возникло. Фрагменты даже не притянулись друг к другу, как было в первый раз, когда я соединил два первых. Они остались безжизненными.

– Мы здорово продвинулись! – рявкнул Айвори.

– Как это возможно? – спросила Кейра.

– Полагаю, мы исчерпали энергию, – ответил я.

Айвори удалился в спальню, хлопнув дверью. Мы остались в маленькой гостиной.

Кейра собрала фрагменты, и мы вышли.

– Умираю от голода, – сообщила она в коридоре. – Спустимся в ресторан или закажем еду в номер?

– Конечно, в номер, – не колеблясь решил я.

Кейра нежилась в ванне. Я разложил фрагменты на маленьком письменном столе и разглядывал их, задавая себе десять вопросов в секунду. Как их активировать? Подвергнуть воздействию источника яркого света? Какая энергия способна вернуть силу, которая притягивала их друг к другу? Я чувствовал, что в моих рассуждениях есть какой-то пробел, и решил рассмотреть поближе найденный сегодня вечером фрагмент. Треугольный камень ничем не отличался от двух других, их толщина была одинакова. Я так и сяк вертел камень на ладони и вдруг заметил одну деталь на боковой стороне. С краю имелся паз, бороздка, горизонтальная круговая выемка, идеально ровная. Значит, это не случайность. Я сложил фрагменты и обнаружил, что прорези идеально совпадают. В голове мелькнула идея, я открыл ящик стола и нашел то, что искал: черный карандаш и блокнот. Вырвал листок, разместил на нем камни, соединил и начал обводить грифелем внешний контур. Когда я убрал камни, на бумаге осталось изображение трех четвертей идеального круга.

Я ринулся в ванную.

– Быстро надевай халат и идем со мной.

– В чем дело? – спросила Кейра.

– Поторопись!

Через несколько секунд Кейра появилась в комнате: одно полотенце она обмотала вокруг талии, другое свернула тюрбаном на голове.

– Смотри! – Я протянул Кейре рисунок.

– Потрясающе! Тебе почти удалось нарисовать круг, но неужели ты вытащил меня из воды только ради этого?

Я взял камни и уложил их на круге.

– Ничего не замечаешь?

– Конечно, замечаю – одного куска по-прежнему не хватает!

– И это крайне важная информация! До сегодняшнего дня мы не знали, из скольких фрагментов состоит карта, но, глядя на листок – ты

сама это сказала! – ясно видим, что недостает одного, а не двух, как мы думали.

– Но один тем не менее отсутствует, Эдриен, а те, что у нас, лишились силы. Так могу я вернуться в ванну, пока вода не совсем остыла?

– Ты больше ничего не видишь?

– Долго будешь загадывать загадки? Нет, я вижу лишь нарисованный карандашом круг. Просвети же меня с моим бедным жалким умишком!

– В армиллярной сфере интересно не столько то, что она нам показывает, сколько то, чего она не показывает, но о чем мы догадываемся!

– Не переведешь на французский?

– Предметы утратили свои свойства, потому что им не хватает проводника, пятого элемента мозаики! Эти фрагменты были снабжены кольцом, проволокой, проводившей ток.

– Тогда почему светились первые два?

– Они накопили энергию благодаря удару молнии, а мы истощили запас, когда соединяли их. Фрагменты функционируют простейшим способом, положительные и отрицательные заряды создают ток.

– Тебе придется дать мне несколько уроков: я даже лампочку менять не умею.

– Электрический ток – это перемещение электронов внутри материала-проводника. Ток любой мощности, в том числе тот, что обеспечивает функционирование твоей нервной системы, является перемещением электронов. Наши фрагменты не работают, потому что отсутствует проводник. Проводник – это пятый недостающий элемент, кольцо, окружавшее предмет, когда он еще был целым. Люди, разделившие карту на фрагменты, сломали кольцо. Нужно найти способ сделать новое, чтобы оно точно легло в паз, и фрагменты снова начнут светиться.

– Но где сумеют изготовить необходимый нам предмет?

– В мастерской реставратора армиллярных сфер! Лучшие сферы делали в Антверпене, и кое-кто в Париже сумеет вывести нас на нужного человека.

– Расскажем Айвори? – спросила Кейра.

– Безусловно. Не стоит забывать и о типе, сопровождавшем нас во дворец, он может оказаться крайне полезным, учитывая, что я не знаю

ни слова по-голландски!

Я убедил Кейру, она позвонила Айвори и заявила, что мы хотим поделиться с ним важным открытием. Старый профессор уже лежал в постели, но согласился принять нас у себя в номере.

Я изложил свои соображения, и дурное настроение Айвори как рукой сняло. Он отсоветовал звонить моему знакомому антиквару из квартала Марэ. Время поджимало, невидимый противник в самом скором времени сделает ответный ход, так что будет правильней отправиться в Антверпен: передвижения обеспечат нам бóльшую безопасность. Старик позвонил секретарю Вакерса, нимало не озаботясь поздним временем, и попросил найти мастера, способного отреставрировать старинный астрономический прибор. Тот пообещал немедленно начать поиски и позвонить утром.

– Не хочу быть нескромной, но у этого типа есть фамилия или хотя бы имя? – поинтересовалась Кейра. – Если завтра мы снова с ним увидимся, я предпочитаю знать, как к нему обращаться.

– Удовлетворитесь пока что именем Вим. Через несколько дней он, возможно, будет зваться Амстердамом, и тогда мы больше не сможем рассчитывать на его помощь.

На следующее утро мы встретились с Вимом. Он был в том же костюме и том же галстуке, что накануне. Мы сели выпить кофе, и он сообщил, что ехать в Антверпен не понадобится: в Амстердаме находится часовая мастерская, чей владелец будто бы является прямым потомком Эразма Хабермеля.

– Кто такой этот Эразм Хабермель? – поинтересовалась Кейра.

– Знаменитый мастер шестнадцатого века, создатель научных приборов, – объяснил ей Айвори.

– Откуда вам это известно? – удивился я.

– Я профессор, если не забыли, так что уж извините за эрудированность…

– Как чудесно, что вы сами об этом заговорили, – вмешалась Кейра. – Мы с Эдриеном часто задавали себе вопрос: в какой именно области науки вы сделали научную карьеру?

– Рад, что моя карьера так интересует вас обоих, но скажите, чем вы предпочитаете заняться – найти реставратора старинных астрономических приборов или изучать мое жизнеописание? Ладно… Так что там с Эразмом Хабермелем? Поскольку Эдриена так удивила

моя эрудированность, дадим ему слово, послушаем, как он сам выучил урок!

– Инструменты и приборы, изготовленные в мастерских Хабермеля, остаются непревзойденными по качеству исполнения и красоте, – продолжил я, испепелив Айвори взглядом. – Если не ошибаюсь, единственная приписываемая ему армиллярная сфера находится в Париже, она часть коллекции Национального собрания. Хабермель тесно общался с крупнейшими астрономами своего времени, Тихо Браге[20] и его ассистентом Иоганном Кеплером[21], а также с великим часовщиком Йостом Бюрги[22]. Кажется, он работал с Гуалтерусом Арсениусом, чья мастерская находилась в Лёвене. В 1580 году, когда случилась великая эпидемия чумы, они вместе бежали из города. Стилистическое сходство между инструментами Хабермеля и Арсениуса столь очевидно, что…

– Отлично, студент Эдриен, прекрасный доклад, – сухим тоном произнес Айвори, – но мы собрались не для того, чтобы вы демонстрировали нам глубину своих знаний. Нам важна связь между Хабермелем и Арсениусом. Итак, с помощью Вима я выяснил, что один из его прямых потомков живет в Амстердаме, и предлагаю – если вы, конечно, не против! – закончить урок и нанести ему визит. Идите за пальто, встречаемся в холле через десять минут!

Мы с Кейрой отправились в свой номер. В лифте она спросила:

– Откуда ты столько знаешь о Хабермеле?

– Вызубрил книгу, которую купил у букиниста в Марэ.

– Когда?

– В тот день, когда ты так изящно бросила меня, чтобы провести вечер со своим драгоценным Максом, припоминаешь? Я остался один в гостинице, один в постели и читал всю ночь!

Мы приехали на такси на улочку старого города. В глубине тупика находился часовой магазин… Над мастерской возвышался большой световой фонарь. Со двора мы могли видеть склонившегося над верстаком старика, чинившего каминные часы. Механизм, который он с крайней тщательностью собирал, состоял из несчетного числа крошечных деталей, разложенных в строго определенном порядке. Мы толкнули дверь и вошли под звон колокольчика. Хозяин поднял голову:

он был в удивительных очках, придававших ему вид диковинного животного.

– Чем могу служить? – спросил он.

Вим объяснил, что нам необходимо изготовить недостающую деталь старинного прибора.

– Какого рода деталь? – поинтересовался старый мастер, снимая очки.

– Обод, латунный или медный, – пояснил я.

Он повернулся ко мне и спросил по-английски с немецким акцентом:

– Какого диаметра?

– С абсолютной точностью сказать не могу.

– А показать нуждающийся в починке инструмент можете?

Кейра шагнула к верстаку, и он воскликнул, всплеснув руками:

– Да не сюда, несчастная, вы все мне спутаете! Идите к столу. – Он кивком показал на стоявший в центре мастерской стол.

Я впервые в жизни видел так много астрономических инструментов. Мой антиквар из Марэ побледнел бы от зависти. Астролябии, сферы, теодолиты, секстанты ждали на стеллажах, когда мастер вернет им молодость.

Кейра положила на стол три фрагмента, соединила их вместе и отступила назад.

– Какой странный инструмент… Каково его назначение?

– Это своего рода астролябия, – встрял я.

– Такого цвета и из этого материала? Никогда не видел ничего подобного. Напоминает оникс, но точно не оникс. Кто изготовил эту вещь?

– Мы не знаем.

– Вы странные клиенты: не знаете, кто сделал вашу вещь, не знаете, из чего она сделана и даже назначения ее не знаете, но хотите починить… Как можно починить нечто, не зная, как оно функционирует?

– Мы хотим вернуть на место недостающую деталь, – пояснила Кейра. – Если вглядеться повнимательней, можно заметить паз на ребре каждого фрагмента. Мы уверены, что в этот паз вставлялся обруч, скорее всего – из проводящего материала, который скреплял их в единое целое.

– Возможно, возможно… – пробормотал заинтригованный старик. – Давайте посмотрим.

Множество инструментов было подвешено к потолку на длинных веревочках.

– Слишком много вещей, – буркнул он, – вот и приходится изобретать новые способы хранения. Ага, нашел!

Он взял длинный циркуль с выдвижными ножками, соединенными градуированной дугой, надел очки и склонился над нашими фрагментами.

– Забавно, – задумчиво произнес он.

– Что именно? – не поняла Кейра.

– Диаметр составляет 31,4115 сантиметра.

– И что в этом забавного? – спросила Кейра.

– Это умноженное на десять значение числа π. π – трансцендентное число. Надеюсь, вам это известно? – поинтересовался старый часовщик. – Оно обозначает в математике число, равное отношению длины окружности к длине ее диаметра.

– Наверное, я прогуляла урок, на котором это проходили, – призналась Кейра.

– Ничего страшного, – улыбнулся старик, – но я никогда еще не видел инструмента, который бы так точно выражал длину диаметра. Очень изобретательно. Вы действительно даже не догадываетесь о его назначении?

– Нет! – резко бросил я, чтобы пресечь столь свойственный Кейре порыв к искренности.

– Сделать обруч несложно, я смогу выполнить эту работу за, скажем, двести флоринов, что составляет…

Он достал из ящика калькулятор:

– …девяносто евро. Прошу меня извинить, я никак не могу привыкнуть к новой валюте.

– Когда он будет готов? – спросил я.

– Я должен закончить с часами, которые чинил, когда вы пришли. Им давно пора вернуться на фронтон церкви, настоятель звонит мне едва ли не каждый день. Своей очереди ждут три пары старинных наручных часов, так что вашей вещью я займусь в конце месяца. Устраивает?

– Плачу тысячу флоринов, если вы начнете немедленно! – сказал Айвори.

– Это так спешно? – удивился мастер.

– Вы и вообразить не можете, насколько это спешно, – ответил Айвори. – И я удвою сумму, если обруч будет готов сегодня вечером!

– Не стоит… – Часовщик покачал головой. – Тысячи флоринов будет вполне достаточно. Кроме того, я так задержал всю остальную работу, что один лишний день погоды не сделает… Приходите в шесть часов.

– Мы бы предпочли подождать здесь, если не возражаете.

– Почему бы и нет, если не станете мешать мне работать. В конце концов, хорошая компания никогда никому не вредила.

Старый мастер немедленно взялся за дело. Он выдвинул ящики, выбрал латунный стержень, внимательно изучил его, сравнив толщину с толщиной края фрагмента, и объявил, что он подойдет. Положил стержень на верстак и начал его обрабатывать, проделал бороздку на одной стороне, перевернул стержень и продемонстрировал нам образовавшуюся с другой стороны грань. Мы были заворожены его сноровкой. Мастер проверил, укладывается ли деталь в паз фрагментов, подточил, снял висевшее на цепочке лекало и начал сгибать стержень при помощи маленького молоточка.

– Вы правда потомок Хабермеля? – спросила Кейра.

Старик поднял голову и улыбнулся:

– Это что-то меняет?

– Нет, конечно нет, но все эти старинные инструменты в вашей мастерской…

– Вам лучше меня не отвлекать, если хотите, чтобы я закончил работу. Мы обсудим мою родословную позже.

Мы молча сидели в углу, восхищаясь чудесной работой мастера. Он два часа провел за верстаком и больше всего на свете напоминал хирурга, борющегося за жизнь пациента. Потом вдруг крутанулся на табурете и повернулся к нам.

– Думаю, готово, – объявил он. – Хотите взглянуть?

Мы склонились над верстаком: круг был идеален. Мастер отполировал его металлической щеточкой, которая вращалась при помощи мотора, и протер мягкой тряпочкой.

– А теперь проверим, что у нас получилось.

Старик один за другим установил все три фрагмента и удовлетворенно кивнул.

– Одна часть отсутствует, но я сделал обод достаточно упругим, так что эти три фрагмента не распадутся, если вы будете обращаться с ними аккуратно.

– Да, одного фрагмента действительно не хватает, – подтвердил я, не в силах скрыть разочарования.

Мои надежды не оправдались: никакого электричества не возникло.

– Как жаль, что я не могу увидеть ваш инструмент в рабочем состоянии, это ведь астролябия, верно?

– Именно так, – не моргнув солгал Айвори.

Профессор положил на верстак пятьсот евро и поблагодарил часовщика.

– Кто, по вашему мнению, ее создал? – спросил тот. – Не припомню ничего подобного.

– Вы проделали фантастическую работу, – сказал Айвори, – у вас золотые руки, и я не премину рекомендовать вас моим друзьям, если потребуется отреставрировать ценную вещь.

– Буду рад поработать для них, если они проявят чуть больше терпения, чем вы, – ответил мастер, провожая нас до двери.

– Какой еще способ потратить мои деньги вы придумали? – язвительно поинтересовался Айвори, когда мы вышли на улицу. – До сего дня я не видел ничего более трансцендентного!

– Нам нужен лазер, – объявил я. – Мощный лазер сможет перезарядить устройство, и мы получим новую проекцию карты. Возможно, наличие третьего фрагмента позволит нам обнаружить нечто важное.

– Мощный лазер… и только-то? И где же нам его взять? – раздражился Айвори.

В разговор вступил Вим, не проронивший ни слова, пока мы были в мастерской.

– Лазерная установка есть в Амстердамском свободном университете, в ЛЦ. Факультеты физики, астрономии и химии по очереди на ней работают.

– ЛЦ? – переспросил Айвори.

– Лазерный центр Свободного университета, – пояснил Вим, – его основал Хогерфорст. Я учился на этом факультете и хорошо знал профессора; он ушел на пенсию, но я могу с ним связаться и попросить похлопотать, чтобы нас допустили к установке.

– Так чего же вы ждете? – спросил Айвори.

Вим достал из кармана небольшой блокнот и начал нервно перелистывать страницы.

– У меня нет его номера, но я позвоню в университет и узнаю.

Вим минут тридцать говорил по телефону, сделал с десяток звонков, пытаясь отыскать Хогерфорста, но вернулся ни с чем.

– Удалось узнать домашний номер телефона, и стоило это немалого труда, но ассистент сообщил мне неутешительные новости: Хогерфорст в Аргентине, на конгрессе, и вернется только в начале следующей недели.

То, что сработало один раз, имеет все шансы сработать снова. Я вспомнил о Крите и хитрой уловке Уолтера, когда нам понадобилось такое же оборудование. Он тогда представился шишкой из Академии. Я взял телефон Айвори и позвонил Уолтеру. Его голос в трубке прозвучал мрачнее мрачного.

– Что случилось? – спросил я.

– Ничего!

– Я слышу по голосу, Уолтер. В чем дело?

– Говорю же – ни в чем.

– Я не отстану, вы явно не в своей тарелке.

– Вы звоните по «посудному» вопросу?

– Не ребячьтесь, Уолтер, с вами явно что-то не так. Вы пили?

– А если и так! Я волен поступать как пожелаю.

– Сейчас только семь вечера, где вы?

– У себя в кабинете!

– Вы нализались на рабочем месте?!

– Не выдумывайте, я слегка навеселе! И не поучайте меня, я сейчас не в том состоянии, чтобы выслушивать ваши назидания.

– У меня и в мыслях ничего подобного не было, но я не повешу трубку, пока вы не объясните, в чем дело.

Уолтер замолчал. Я слышал в трубке его дыхание, а потом он вдруг разрыдался.

– Вы что, плачете, Уолтер?

– А вам что за дело? Лучше бы мне никогда с вами не встречаться…

Я не знал, отчего Уолтер впал в такое состояние, но его последние слова сильно меня задели. Снова тишина, опять всхлип. Уолтер шумно высморкался:

– Простите меня, я не то хотел сказать.

– Но сказали. Чем я провинился, за что вы так на меня обиделись?

– Вы, вы, вы, всегда и повсюду только вы! Уолтер, подите туда, Уолтер, сделайте это. Если вы звоните, значит, вам нужна услуга. И не говорите, что просто хотели узнать, как я поживаю!

– Именно это я тщетно пытаюсь сделать с самого начала разговора.

Уолтер затаился, уже в третий раз, он размышлял.

– Вы правы, – наконец произнес он с тяжелым вздохом.

– Выкладывайте, что вас так расстроило.

Потерявший терпение Айвори начал подавать мне знаки, и я отошел подальше, оставив его в обществе Кейры и Вима.

– Ваша тетушка вернулась на Гидру, и я никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким, – со слезами в голосе поведал мне Уолтер.

– Вы хорошо провели уик-энд? – спросил я, молясь в душе, чтобы так оно и было.

– Не то слово, каждое мгновение было чистой, упоительной идиллией.

– Значит, вы должны быть безмерно счастливы, а не изображать мировую скорбь.

– Я по ней скучаю, Эдриен, вы не представляете, как мне ее не хватает. Я никогда не переживал ничего подобного. До встречи с Эленой моя любовная жизнь была пустыней с редкими оазисами, которые оказывались миражами, но с ней все всерьез, все по-настоящему.

– Обещаю не говорить Элене, что вы сравнивали ее с пальмовой рощей, это останется между нами.

Кажется, моя шутка заставила Уолтера улыбнуться, и настроение у него поднялось.

– Когда вы должны снова встретиться?

– Мы не назначали даты, ваша тетушка была ужасно смущена, когда мы ехали в аэропорт. Боюсь, она даже плакала, вам ведь известна ее деликатность. Всю дорогу она смотрела в окно, но я понял, как сильно она опечалена.

– И вы не условились о новой встрече?

– Перед отлетом она сказала, что продолжать наши отношения было бы неразумно. Ее жизнь – на Гидре, рядом с вашей матушкой, кроме того, у нее магазин, а я живу в Лондоне, просиживаю штаны в

своем мрачном кабинете в Академии. Нас разделяют две с половиной тысячи километров.

– Боже, Уолтер, и вы еще называли меня неуклюжим медведем! Выходит, вы не поняли смысла ее слов?

– Она имела в виду, что предпочитает закончить нашу историю и больше со мной не видеться, – прорыдал в трубку Уолтер.

Я дал ему успокоиться.

– Вовсе нет! – Мне пришлось почти кричать, чтобы несчастный влюбленный отреагировал.

– То есть как это нет?

– Смысл сказанного Эленой был прямо противоположным. Ее слова означали «приезжайте поскорее ко мне на остров, я буду каждое утро ждать вас с первым паромом».

Если я не ошибся, наступившая пауза была четвертой по счету.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Но почему, как?..

– Она ведь моя тетушка, не ваша!

– И я благодарю за это Небеса! Даже обезумев от любви, я бы ни за что не стал флиртовать со своей теткой, это был бы верх неприличия.

– Само собой разумеется!

– Что мне делать, Эдриен?

– Продайте машину и возьмите билет на самолет до Гидры.

– Вы – гений! – прежним бодрым голосом воскликнул Уолтер.

– Благодарю, друг мой.

– Вешаю трубку, возвращаюсь домой, ложусь в постель, ставлю будильник на семь, а завтра, прямо с утра, отправляюсь в гараж, а потом в турагентство.

– Окажите мне небольшую услугу, прежде чем уедете, Уолтер.

– Все, что угодно.

– Помните наше маленькое приключение на Крите?

– Помню ли я? Еще бы мне не помнить! Я до сих пор смеюсь, когда вспоминаю, какое у вас стало лицо после того, как я уложил того охранника…

– Я в Амстердаме, и мне необходим доступ к таким же установкам, как на Крите. Те, что меня интересуют, находятся в кампусе Свободного университета. Сумеете помочь?

Уолтер помолчал, размышляя.

– Перезвоните мне через полчаса, посмотрим, что я смогу сделать.

Я вернулся к Кейре. Айвори предложил поужинать в гостинице. Он поблагодарил Вима за помощь, сказав, что вечером мы обойдемся без его помощи. Кейра спросила, как дела у Уолтера, и я ответил, что хорошо, даже прекрасно. В середине ужина я извинился и поднялся наверх, чтобы позвонить. Номер Уолтера оказался занят, потом он наконец снял трубку:

– Завтра в 9.30 вас ждут в Амстердаме, на улице де Бойлелаан, 1081. Не опаздывайте. Лазер будет в вашем распоряжении один час, и ни минутой больше.

– Вы волшебник! Как вам это удалось?

– Все равно не поверите!

– Рассказывайте!

– Я связался с университетом, представился президентом нашей Академии, сказал, что должен немедленно поговорить с их генеральным директором и прошу его как можно скорее перезвонить мне в Академию, оставил номер телефона и электронной почты – дабы не решили, что это шутка. Дальше все было легче легкого. Через четверть часа мне позвонил из Амстердама директор Центра, некий профессор Убах. Я рассыпался в благодарностях за поздний звонок и объяснил, что в Голландии сейчас находятся двое наших лучших исследователей, что они заканчивают важнейшую работу и им необходим лазер для проверки некоторых данных.

– И он согласился нас принять?

– Да. Я пообещал, что в благодарность за эту маленькую услугу Академия удвоит квоту приема голландских студентов. Не забывайте, он считал, что беседует с президентом Королевской Академии наук! Я очень веселился.

– Как мне вас благодарить, Уолтер?

– Благодарите бутылку бурбона, которую я уговорил за ужином, без нее я бы так хорошо не сыграл! Прошу вас, Эдриен, будьте осторожны и сразу же возвращайтесь, мне вас очень не хватает.

– Взаимно, Уолтер. В любом случае завтра решающий день. Если моя идея не сработает, нам придется все бросить.

– Не то чтобы я вам этого желал, но не стану скрывать, что временами очень на это надеюсь.

Я повесил трубку и вернулся в ресторан, чтобы сообщить добрую весть Кейре и Айвори.

Лондон

Дворецкий сэра Эштона сообщил хозяину, что ему звонят, он извинился перед гостями и вышел из-за стола, чтобы поговорить в кабинете.

– Что у нас? – спросил он.

– Все трое проводят вечер в отеле. Я оставил там своего человека, она караулит в машине на случай, если им вдруг вздумается выйти ночью, но не думаю, что это случится. Завтра утром у нас назначена встреча, я перезвоню, как только появятся новые данные.

– Главное, не упустите их.

– Можете на меня положиться.

– Я рад, что поспособствовал вашему продвижению, для первого дня в новом качестве вы проделали хорошую работу.

– Спасибо, сэр Эштон.

– Не благодарите, Амстердам, желаю хорошо провести вечер.

Эштон положил трубку и вернулся к сотрапезникам.

Амстердамский свободный университет

Мы встретились с Вимом у дверей Лазерного центра в 9.25. Все сотрудники свободно говорили по-английски, но в случае необходимости Вим мог поработать переводчиком. Директору Исследовательского центра профессору Убаху оказалось не больше сорока, и он сразу расположил меня к себе открытостью и простотой в общении. Все время, пока длилось наше невероятное приключение, я встретил немного по-настоящему доброжелательных людей и потому решил честно и подробно объяснить Убаху цель эксперимента и рассказать, какой результат надеюсь получить.

Он был изумлен:

– Если бы не личная рекомендация президента вашей Академии, я принял бы вас за одержимого, но теперь понимаю, почему он намекал на Нобелевскую премию! Идемте, наша лазерная установка находится в глубине здания.

Я поймал удивленный взгляд Кейры и знаком попросил ее молчать. Мы шли по длинному коридору, и ни сотрудники, ни студенты не обращали особого внимания на директора Центра.

– Сюда, – сказал он, набирая код доступа в помещение, скрытое за двойными дверями. – С учетом того, что вы мне рассказали, предпочитаю никого больше не привлекать и буду сам управлять лазером.

Наисовременнейшее оборудование лаборатории и гигантский лазер заставили бы побледнеть от зависти исследователей всех европейских центров. Мне не терпелось увидеть прибор в действии.

На полу под лазерной пушкой лежал стальной рельс. Кейра помогла мне закрепить кольцо с фрагментами на подставке.

– Какая ширина луча вам нужна? – спросил Убах.

– π, умноженное на десять, – ответил я.

Профессор склонился над пультом управления и ввел требуемую величину. Айвори не отходил от него ни на шаг. Лазер начал медленно вращаться.

– Какая интенсивность?

– Максимальная!

– Ваш предмет мгновенно расплавится, ни один материал не устоит перед максимальным зарядом.

– Доверьтесь мне!

– Ты уверен? – шепнула Кейра.

– Очень на это надеюсь.

– Встаньте за защитный экран, – приказал Убах.

Лазер начал потрескивать, энергия электронов передавалась атомам газа в стеклянных трубках. Фотоны между двумя зеркалами на оконечностях трубок вошли в резонанс. Мощность возрастала, через несколько секунд луч преодолеет полупрозрачную поверхность зеркала, и я наконец узнаю, прав был или ошибался.

– Готовы? – нетерпеливо-возбужденным голосом спросил Убах.

– Да, – ответил Айвори, – мы готовы как никогда, вы и представить себе не можете, как долго мы ждали этого мгновения.

– Подождите! – крикнул я. – У вас есть фотоаппарат?

– Он нам не нужен, – ответил Убах, – шесть камер включаются одновременно с лазером и снимают с разных точек все, что происходит. Мы можем начинать?

Убах повернул рычаг, и невероятно мощный луч ударил по трем фрагментам. Обруч расплавился, и фрагменты приобрели синий цвет, еще более яркий, чем наблюдали мы с Кейрой. Поверхность камней начала светиться, интенсивность нарастала с каждой секундой, и внезапно на стене напротив пушки возникло изображение миллиардов точек. Каждый, кто находился в лаборатории, с благоговейным восторгом узнал величественную картину небесного свода.

Потом Вселенная начала вращаться, медленно сворачиваясь в спираль. Фрагменты внутри стоявшего на цоколе кольца вращались, набирая все бóльшую скорость.

– Поразительно! – выдохнул Убах.

– Более чем… – со слезами на глазах отозвался Айвори.

– Что это? – спросил директор Лазерного центра.

– Первые мгновения жизни Вселенной, – объяснил я.

Сюрпризы на этом не закончились. Интенсивность свечения фрагментов усилилась вдвое, скорость вращения нарастала. Небесный свод продолжал закручиваться вокруг своей оси, потом на короткое мгновение застыл на месте. Я надеялся, что гонка продолжится и мы увидим, как в «нулевой» момент времени зажглась первая звезда, но то,

что предстало перед нашими глазами, имело совсем иную природу. Проекция начала увеличиваться в размерах, некоторые звезды исчезали, изгоняемые со стены по мере продвижения вперед. Визуальный эффект был фантастическим, казалось, мы путешествуем через галактики, и одну из них, по мере приближения, я узнал.

– Мы на нашем Млечном Пути, – прокомментировал я, – и путешествие продолжается.

– Куда? – изумилась Кейра.

– Пока не знаю.

Фрагменты на цоколе вращались с бешеной скоростью, издавая пронзительный свист. Звезда, к которой смещалось изображение, увеличивалась в размерах. Появилось наше Солнце, потом Меркурий.

Скорость вращения фрагментов поражала воображение, державший их обруч давно расплавился, но ничто теперь не могло нарушить их единства. Камни приобрели цвет индиго. Я снова взглянул на стену. Мы, вне всяких сомнений, приближались к Земле и уже могли различить океаны и три континента. Проекция сместилась на растущее на глазах изображение Африки, и начался головокружительный спуск к восточной ее части. Резкий звук, издаваемый вращающимися фрагментами становился непереносимым, и Айвори прикрыл уши ладонями. Убах готов был в любой момент выключить лазер. Кения, Уганда, Судан, Эритрея и Сомали исчезали по мере смещения к Эфиопии. Вращение фрагментов замедлилось, и картина стала четче.

– Нужно остановиться! – умоляющим тоном произнес Убах. – Лазер не может больше функционировать на такой мощности!

– Нет! – выкрикнула Кейра. – Смотрите!

В центре картинки появилась едва заметная красная точка, увеличивавшаяся в размерах и яркости свечения.

– Это записывается? – спросил я.

– Все записано, – кивнул Убах, – теперь я могу наконец отключить установку?

– Прошу вас, подождите, – взмолилась Кейра.

Свист стих, фрагменты остановились, красная точка на стене застыла. Не спрашивая нашего согласия, Убах опустил рычаг, и лазерный луч погас. Через несколько мгновений исчезло и изображение со стены.

Мы были ошарашены, и Убах – больше всех. Айвори не произнес ни слова, и мне показалось, что он как-то разом состарился, черты лица

изменились, пожилой джентльмен превратился в дряхлого старца.

– Я тридцать лет мечтал об этом моменте, – сказал он. – Понимаете? Знали бы вы, на какие жертвы мне пришлось пойти ради этих предметов! Они стоили жизни моему единственному другу. Я должен чувствовать облегчение, избавление от непосильной ноши, но, как это ни странно, ничего подобного не происходит. Как бы я хотел сбросить несколько лет, прожить достаточно долго, увидеть, чем закончится это приключение, и узнать, что означает красная точка и о чем она нам расскажет. Впервые в жизни я боюсь умереть, понимаете?

Не дожидаясь ответа, он тяжело вздохнул и сел. Я повернулся к Кейре: она стояла и пристально смотрела на белую стену.

– Что ты делаешь? – удивился я.

– Пытаюсь вспомнить, – ответила она. – Пытаюсь удержать в памяти то, что мы сегодня пережили. Перед нами предстало изображение Эфиопии – я не узнала географических очертаний, но это точно была Эфиопия. Ты видел то же, что я?

– Да, последняя картина была отцентрована на Африканский Рог. Ты узнала место, отмеченное красной точкой?

– Не уверена. Есть одна мысль, но я не поручусь, что не выдаю желаемое за действительное.

– Мы очень скоро это узнаем, – пообещал я. – Где Вим?

– Он так разволновался, что дурно себя почувствовал и вышел подышать.

Я повернулся к Убаху:

– Сможете прокрутить последние минуты записи?

– Конечно, – ответил он, – если справлюсь с проектором, он у нас с норовом.

Лондон

– Итак?

– То, чему я стал свидетелем, просто невероятно, – доложил Вим.

Амстердам во всех деталях описал сэру Эштону события, развернувшиеся в лазерной лаборатории Свободного университета.

– Я немедленно пошлю к вам своих людей, – сказал англичанин, – необходимо положить этому конец, пока еще есть время.

– Сожалею, но вынужден отказаться, на голландской территории они в моем ведении. Я сам вмешаюсь в нужный момент.

– Вы новичок, и вам не пристало говорить со мной в подобном тоне, Амстердам!

– Оставьте, сэр Эштон, я выполню все, что должен, без малейшего вмешательства со стороны дружественного государства или одного из его представителей! На своей территории каждый ведет дела по собственному разумению.

– Предупреждаю: как только они покинут пределы Нидерландов, я приму меры, чтобы их остановить.

– Полагаю, совет вы об этом предупреждать не собираетесь. Я ваш должник и не выдам вас, но в дальнейшем покрывать не стану. Как вы сами изволили заметить, я еще новичок и мне нельзя рисковать, чтобы не скомпрометировать себя.

– Я вас об этом и не прошу, – огрызнулся Эштон. – Не играйте в ученика чародея, Амстердам, вы не осознаете последствий успеха этих ученых, они слишком далеко продвинулись. Что вы собираетесь предпринять, раз уж они у вас в руках?

– Конфискую все материалы и выдворю на родину.

– Айвори с ними, так ведь?

– Да, я ведь уже сказал. Тут я бессилен, у нас ничего на него нет, и он волен делать что вздумается.

– Хочу попросить вас о небольшой услуге, будем считать это благодарностью за пост, который вы были так рады занять.

Амстердамский свободный университет

Убах включил подвешенный к потолку проектор. Изображение, заснятое камерами в высоком разрешении, попало на университетский сервер, оставалось дождаться обработки. Нас с Кейрой больше всего интересовал последний кадр, и Убах послал несколько команд на центральный компьютер. Мы сидели и ждали, а графические процессоры считали алгоритмы.

– Потерпите, – сказал Убах, – осталось недолго. Сегодня утром система слегка тормозит, не мы одни посылаем запросы.

Проектор наконец ожил, и мы увидели на стене семь последних секунд записи.

– Остановите вот здесь, – попросила Кейра.

Картина застыла, но осталась четкой, и я понял, почему нам пришлось так долго ждать. Разрешение было очень высоким, а количество обрабатываемой в каждом кадре информации просто колоссальным. Кейру технические изыски не волновали, она внимательно вглядывалась в изображение.

– Я узнаю эти изгибы, – сказала она, – эту змеящуюся линию, эти очертания, напоминающие человеческую голову, эту прямую линию, эти четыре петли. Я почти уверена, это отрезок реки Омо, но что-то не так, вот здесь. – Она указала на то место, где светилась красная точка.

– Что не так? – спросил Убах.

– Если эта та самая часть Омо, о которой я думаю, справа должно быть озеро.

– Но ты узнаешь это место? – спросил я.

– Конечно, узнаю, я провела там три года моей жизни! Местоположение точки соответствует окруженной зарослями крошечной долине у кромки реки Омо. Мы даже собирались проводить там раскопки, но не стали: она лежит далеко к северу от треугольника Илеми[23]. Я несу чушь: будь это то самое место, о котором я думаю, здесь должно было появиться озеро Дипа.

– Найденные нами фрагменты – не только карта, Кейра. Диск наверняка содержит миллиарды единиц информации, и сейчас не важно, что на недостающем фрагменте, возможно, находился самый интересный для меня кадр. Этот диск памяти продемонстрировал нам

картину развития космоса с самого начала и до того момента, когда была сделана запись. Возможно, в те далекие времена озеро Дипа просто не существовало.

Подошедший Айвори внимательно вгляделся в изображение.

– Эдриен прав, теперь нам нужны точные координаты. На ваших серверах есть подробная карта Эфиопии? – спросил он Убаха.

– Полагаю, что смогу скачать карту из Интернета.

– Действуйте, а потом попробуйте наложить современную карту на это изображение.

Убах так и поступил.

– Совпадение почти идеальное, если не считать небольшого отклонения русла реки! – сообщил он. – Назовите координаты этой точки.

– 5° 10' 2" 67 северной широты, 36° 10' 1" 74 восточной долготы.

Айвори обернулся к нам:

– Вы знаете, что нужно делать…

– Я должен освободить лабораторию, – сказал Убах, – ради вас я уже сдвинул график, о чем нисколько не жалею, но не могу дольше монополизировать установку.

Вим вошел в тот момент, когда Убах все выключил и погасил свет.

– Я что-то пропустил?

– Нет, – ответил Айвори, – мы как раз собирались уходить.

На полпути к кабинету Убаха старик почувствовал себя нехорошо, у него закружилась голова, голландец переполошился и собрался вызывать «скорую», Айвори отговорил его, сославшись на обычную усталость. Он сказал, что отдохнет у себя в номере и все будет в порядке. Вим предложил подвезти нас.

В холле Айвори поблагодарил нашего спутника и пригласил его на послеобеденный чай, Вим поблагодарил и откланялся. Мы под руки отвели Айвори в его номер, Кейра сняла покрывало, и я помог ему лечь. Айвори скрестил руки на груди и вздохнул.

– Благодарю вас, – сказал он.

– Не будьте смешным, позвольте мне вызвать врача.

– Не позволю. Но окажите мне другую маленькую услугу.

– Конечно, – ответила Кейра.

– Подойдите к окну, осторожно отодвиньте штору и скажите, убрался этот болван Вим или нет.

Кейра бросила на меня удивленный взгляд, но подчинилась.

– Да, кажется, он ушел. Во всяком случае, перед входом никого нет.

– А черный «мерседес» с двумя гориллами, что стоял у противоположного тротуара?

– Черная машина стоит, но есть ли кто-то внутри, отсюда не видно.

– Есть, уж вы мне поверьте! – буркнул Айвори, вскакивая с кровати.

– Вам следует лежать…

– Я не поверил в недомогание Вима, как он ни на мгновение не поверил в мое, так что времени у нас немного.

– Разве Вим – не наш союзник?.. – удивился я.

– Он и был им, пока не заработал повышение. Сегодня утром вы беседовали не с бывшим помощником Вакерса, а с его преемником. Вим – новый Амстердам. Сейчас некогда вникать в детали. Отправляйтесь к себе и собирайте вещи, а я займусь вашими билетами. Приходите сюда, как только будете готовы, и поторопитесь: вы должны покинуть город, пока западня не захлопнулась… если еще не поздно.

– И куда мы отправляемся? – спросил я.

– Что значит – куда? В Эфиопию, конечно!

– И речи быть не может! Слишком опасно. Если эти люди, о которых вы так ничего и не рассказали, сидят у нас на хвосте, я не поставлю жизнь Кейры под угрозу, и не пытайтесь меня переубедить!

– Когда самолет? – спросила Кейра у Айвори.

– Мы туда не полетим! – рявкнул я.

– Ты обещал! Не думай, что я забыла. Идем, у нас мало времени!

Полчаса спустя Айвори вывел нас на улицу через кухню.

– Не торчите у всех на виду. Как только пройдете паспортный контроль, разделитесь и прогуляйтесь по магазинчикам. Не думаю, что Вим достаточно умен и разгадает наш маневр, но кто его знает… И пообещайте как можно скорее дать о себе знать.

Айвори протянул мне конверт, взяв слово, что я вскрою его только после взлета. Мы сели в такси, и он дружески помахал нам на прощание.

Посадка в аэропорту Скипхол прошла без осложнений. Мы не последовали совету Айвори и сели за столик в кафе, чтобы побыть вдвоем. Я пересказал Кейре разговор с профессором Убахом.

Расставаясь, я попросил его о последней услуге: в обмен на обещание информировать его о ходе поисков он согласился хранить молчание, пока мы не опубликуем подробный отчет о своей работе. Он сделает копию записи и отошлет на электронный адрес Уолтера, которому я велел не открывать письмо до нашего возвращения из Эфиопии. Я добавил, что, если с нами что-нибудь случится, он волен будет распоряжаться информацией по собственному усмотрению. Последнюю фразу Уолтер проигнорировал, заявил, что ничего с нами не произойдет, и, не прощаясь, повесил трубку.

Весь полет Кейра терзалась угрызениями совести из-за того, что не попрощалась с сестрой, и я пообещал, что мы позвоним Жанне, как только сядем.

Аддис-Абеба

В аэропорту Аддис-Абебы было не протолкнуться. Мы прошли таможню, и я направился к окошку с вывеской маленькой частной компании, услугами которой уже не раз пользовался. За шестьсот долларов пилот согласился доставить нас в Джинку. Кейра пришла в ужас:

– Это безумие, Эдриен, ты же на мели, поедем на машине.

– Прежде чем испустить дух в номере парижской гостиницы, Оскар Уайльд сказал: «Умираю не по средствам». Впереди нас ждут те еще неприятности, так позволь мне, по примеру великого англичанина, сохранить достоинство!

Я достал из кармана конверт, где лежала небольшая пачка зеленых купюр.

– Откуда эти деньги? – удивилась Кейра.

– Прощальный подарок Айвори. Он сунул мне конверт в дверях.

– И ты взял?

– Старик заставил меня поклясться, что я вскрою его только после взлета. Не выкидывать же их было с высоты десять тысяч метров…

Мы покинули Аддис-Абебу на борту «Пайпера». Самолет летел на небольшой высоте, и пилот показывал нам то стадо бредущих на север слонов, то вышагивающих по бескрайней прерии жирафов. Через час мы начали снижаться. Внизу появилась короткая посадочная полоса маленького аэропорта в Джинке. Шасси коснулось земли, самолет подпрыгнул, остановился и развернулся в конце полосы. В иллюминатор я увидел бегущую к нам ватагу ребятишек. Мальчик чуть старше остальных сидел на поваленном стволе дерева и смотрел, как «Пайпер» выруливает к соломенной хижине – местному зданию аэропорта.

– Кажется, я узна́ю этого парня, – сказал я Кейре, указывая на него пальцем. – Именно он помог мне найти тебя в прошлый раз.

Кейра наклонилась к иллюминатору, и ее глаза мгновенно наполнились слезами.

– Я точно его узна́ю, – сказала она, выбралась наружу и побежала к хижине, не обращая внимания на скакавших вокруг нее детишек.

Мальчик встал и пошел прочь.

– Гарри! – истошным голосом закричала Кейра. – Это я, Гарри.

Он обернулся и застыл на месте. Кейра бросилась к нему, пригладила взлохмаченные волосы, прижала к себе.

– Видишь, я сдержала слово, – горько всхлипнув, прошептала она.

Гарри поднял на нее глаза:

– Долго же ты собиралась!

– Делала что могла, – ответила она, – но теперь я здесь.

– Твои друзья все перестроили, теперь стало еще лучше, чем до того урагана. Ты останешься?

– Не знаю, Гарри, ничего я пока не знаю.

– Когда уезжаешь?

– Я только что вернулась, а ты меня уже выпроваживаешь?

Мальчик высвободился из объятий Кейры и отошел в сторону. Поколебавшись, я побежал следом и остановил его:

– Послушайте-ка меня, молодой человек! Не было и дня, чтобы она не говорила о тебе, каждую ночь, засыпая, она думала о тебе. Может, будешь полюбезней?

– Теперь она с тобой, так зачем сюда явилась? Ради меня – или снова станет копаться в земле? Возвращайтесь домой, а у меня полно своих дел.

– Можешь не верить, Гарри, но Кейра тебя любит. Знал бы ты, как ей тебя не хватало! Не отворачивайся от нее. Прошу тебя как мужчина мужчину, не отталкивай ее.

– Оставь его, – шепнула Кейра. – Поступай как знаешь, Гарри, я все понимаю. Я буду любить тебя, как бы ты ко мне ни относился.

Кейра взяла сумку и, не оборачиваясь на нас, пошла к соломенной хижине. Гарри не выдержал и побежал следом:

– Куда ты?

– Не знаю, дружок, нужно попробовать найти Эрика и остальных, мне необходима их помощь.

Мальчишка сунул руки в карманы и пнул ногой камень.

– Понятно, – буркнул он.

– Что тебе понятно?

– Что тебе без меня не обойтись.

– Ну, это я поняла в день нашей первой встречи, мой милый.

– Хочешь, чтобы я тебя туда проводил?

Кейра присела на корточки и взглянула ему в глаза.

– Давай сначала помиримся, – предложила она, раскрывая объятия.

Гарри заколебался, потом протянул ей руку, но Кейра спрятала ладонь за спину.

– Не так, хочу, чтобы ты меня обнял.

– Я уже слишком взрослый, – очень серьезно сообщил он.

– Но не для меня. Так ты меня обнимешь или нет?

– Я подумаю. Идем, вам нужно где-то переночевать, а завтра я тебе отвечу.

– Идет, – кивнула Кейра.

Гарри с вызовом взглянул на меня и пошел по дороге к деревне, а мы, подхватив вещи, последовали за маленьким тираном.

Стоявший перед хижиной мужчина в обтрепанной майке узнал меня и радостно замахал руками.

– Не знала, что ты пользуешься такой популярностью в этих местах! – съязвила Кейра.

– Возможно, все дело в том, что в первый раз я представился одним из твоих друзей…

Гостеприимный хозяин выдал нам две циновки и накормил. Пока мы ели, Гарри сидел напротив и не сводил с Кейры глаз, потом вдруг встал и направился к двери.

– Приду завтра, – бросил он через плечо и вышел из дома.

Кейра кинулась за ним, я последовал за ней, но мальчик уже удалялся по тропинке.

Я попытался утешить Кейру:

– Дай ему время…

– У нас его не слишком много, – печально ответила она и вернулась в дом.

На рассвете меня разбудил приближающийся шум автомобиля. Я вышел и увидел джип со стелющимся за ним шлейфом пыли. Внедорожник остановился, и я узнал итальянцев, которые помогли мне во время первого посещения долины Омо.

– Какая неожиданная встреча! – воскликнул тот, что повыше, выходя из машины. – Что вас снова сюда привело?

Его нарочито дружелюбный тон сразу меня насторожил.

– Как и вас – любовь к этим местам. Кто хоть раз тут побывал, не устоит и обязательно вернется.

Из комнаты появилась Кейра и обняла меня за пояс.

– Вижу, вы таки нашли свою подругу, – сказал, подходя ближе, второй итальянец. – Такую красотку и впрямь стоило искать.

– Кто эти типы? – шепнула мне на ухо Кейра. – Ты их знаешь?

– Это слишком громко сказано… Я встретил их, когда искал твой лагерь, и они мне помогли.

– Был здесь хоть кто-нибудь, кто тебе не помогал?

– Не кидайся на них – это все, о чем я прошу.

Итальянцы подошли к нам.

– Не пригласите войти? – спросил здоровяк. – Еще рано, но уже чертовски жарко.

– Мы здесь гости, а вы не представились, – ответила Кейра.

– Он Джованни, а я Марко, теперь мы можем войти?

– Я же сказала, это не наш дом, – повторила Кейра не слишком любезным тоном.

– Да будет вам, – снова вступил в разговор крепыш, назвавшийся Джованни. – А как же знаменитое африканское гостеприимство? Позвольте нам отдохнуть в теньке и дайте чего-нибудь попить, я умираю от жажды.

Приютивший нас хозяин хижины вышел на порог и пригласил всех войти. Он поставил на ящик четыре стакана, разлил кофе и ушел работать в поле.

Тип по имени Марко бессовестно пялился на Кейру, и мне это совсем не понравилось.

– Вы вроде бы археолог, так? – спросил он.

– Вы хорошо информированы, – ответила она, – и у нас, кстати, много дел, так что расходимся.

– До чего вы неприветливая, а могли бы поблагодарить – несколько месяцев назад именно мы помогли вашему другу отыскать вас, он разве не сказал?

– Ему все здесь помогали искать меня, хотя в этом не было никакой нужды – я не терялась. А теперь извините за прямоту, но нам действительно пора, – сухим тоном бросила она и встала.

Джованни вскочил и преградил ей дорогу. Я решил, что пора вмешаться:

– Что вам от нас нужно, в конце-то концов?

– Да ничего, просто хотим поговорить, только и всего, здесь редко встретишь европейца.

– Ладно, мы перекинулись парой слов, а теперь дайте мне пройти, – потребовала Кейра.

– Сядьте! – рявкнул Марко.

– Я не подчиняюсь чужим приказам, – ответила Кейра.

– Боюсь, вам придется поменять привычки. Сядьте и заткнитесь.

На сей раз этот тип перешел все границы, и я решил с ним разобраться, но он выхватил из кармана пистолет и наставил на Кейру.

– Не надо геройствовать, – посоветовал он, снимая оружие с предохранителя. – Не дергайтесь – и все пройдет спокойно. Через три часа прилетит самолет. Мы вчетвером покинем эту хижину, вы, не делая глупостей, дойдете до трапа и поднимете на борт. Джованни будет вас сопровождать. Сами видите, ничего сложного.

– И куда полетит этот самолет? – спросил я.

– Узнаете в свое время. А теперь, раз уж нам нужно убить время, расскажите, зачем сюда приехали.

– Хотели встретить двух зануд, чтобы они подержали нас на мушке! – огрызнулась Кейра.

– А она с характером, – хмыкнул Джованни.

– «Ее» зовут Кейра, – бросил я, – хамить не обязательно.

Мы два часа провели в молчании, Джованни ковырял спичкой в зубах, невозмутимый Марко смотрел на Кейру. Издалека донесся шум мотора, Марко встал и вышел на крыльцо осмотреться.

– Два джипа, – сообщил он, вернувшись. – Сидим тихо, ждем, когда проедут, и чтобы ни одна собака не тявкнула, всем ясно?

Искушение кинуться, сбить его с ног было велико, но Марко продолжал целиться в Кейру. В нескольких метрах от дома раздался скрип тормозов, хлопнули дверцы. Джованни подошел к окну:

– Черт, их человек двенадцать, не меньше.

Марко встал и подошел к Джованни, не переставая угрожать нам пистолетом. Дверь хижины с треском распахнулась.

– Эрик? – изумленно выдохнула Кейра. – Не представляешь, до чего я рада тебя видеть!

Я успел забыть, что Эрик такой здоровый детина, но сейчас это было как нельзя более кстати. Воспользовавшись тем, что Марко отвернулся, я изо всех сил ударил его ногой по яйцам. Я не жесток по природе, но уж если выхожу из себя, то выхожу! Марко задохнулся от боли, выронил пистолет, и Кейра отбросила его ногой в сторону. Джованни не успел среагировать, и я двинул ему кулаком в рожу, что

оказалось чувствительно не только для его челюсти, но и для моих костяшек. Марко попытался подняться, но Эрик схватил его за горло и прижал к стене.

– Во что это вы тут играете? Пострелять захотелось?! – выкрикнул он.

Марко не только не мог ответить, но и становился все бледнее, и я посоветовал Эрику ослабить хватку и дать ему глотнуть воздуха.

– Подождите, я все объясню, – взмолился Джованни. – Мы работаем на итальянское правительство, нам поручили препроводить двух этих чудиков на границу. Мы не собирались причинять им зла.

– Какого черта нужно от нас итальянскому правительству? – изумилась Кейра.

– Не знаю и знать не хочу, мадемуазель, меня это не касается. Вчера вечером мы получили инструкции и знаем только то, что я вам сказал.

– Вы натворили глупостей в Италии? – спросил Эрик, повернувшись к нам.

– Да мы там даже не были, эти типы врут без зазрения совести! И почем нам знать, что они те, за кого себя выдают?

– Мы что, грубо с вами обращались? Стали бы мы сидеть тут, если бы хотели вас шлепнуть? – прохрипел Марко, пытаясь откашляться.

– Как убили старейшину деревни на озере Туркана? – поинтересовался я.

Эрик по очереди оглядел Джованни, Марко, Кейру и меня, потом велел одному из своих людей принести из машины веревки, и минуту спустя парень вернулся с ремнями.

– Свяжите этих типов, и убираемся отсюда, – приказал Эрик.

– Мы, между прочим, археологи, а не легавые, – воспротивился другой член группы. – Если у них и впрямь мандат от правительства, у нас будут неприятности.

– Не беспокойтесь, я этим займусь, – сказал я.

Марко пытался сопротивляться, и Кейра наставила на него его же оружие.

– Я совсем не умею обращаться с такими штуками, – процедила она. – Как уже сказал мой товарищ, мы всего лишь археологи и владение огнестрельным оружием – не самая сильная наша сторона.

Кейра держала итальянцев на мушке, пока мы с Эриком вязали их по рукам и ногам, усадив спинами друг к другу. Когда дело было

сделано, Кейра сунула револьвер за пояс и опустилась на корточки рядом с Марко.

– Я знаю, что это подло, можете обозвать меня трусливой сволочью – не стану возражать, но «она» хочет кое-что сказать вам напоследок…

И Кейра залепила обидчику оплеуху, свалив его на пол.

– Ну вот, теперь можем идти.

Покидая комнату, я думал о приютившем нас бедолаге: когда он вернется, ему придется иметь дело с двумя ужасно злыми гостями…

Мы забрались в один из джипов и обнаружили на заднем сиденье Гарри.

– Видишь, я тебе нужен, – сказал он Кейре.

– Можете его поблагодарить, это он позвал нас на помощь.

– Но как?.. – изумилась Кейра.

– Я узнал машину. В деревне никто не любит этих двоих. Я подкрался к окну, увидел, что происходит, и помчался за твоими друзьями.

– Но как тебе удалось так быстро добраться до раскопа?

– Лагерь совсем недалеко отсюда, Кейра, – объяснил Эрик. – Когда ты уехала, мы его перенесли. После смерти старейшины нас не слишком жаловали в долине Омо, ты понимаешь, о чем я… В любом случае в том месте, где ты копала, мы ничего не нашли. Там стало небезопасно, люди вымотались, и мы переместились севернее.

– Вижу, ты действительно взял все под свой контроль, – заметила Кейра.

– Вспомни, сколько времени ты не давала о себе знать, и не читай мне мораль.

– Брось, Эрик, не держи меня за идиотку. Сменив место раскопок, ты не только уничтожил все следы моей работы, но и обеспечил себе авторство возможных находок.

– Мне такое и в голову не приходило. Думаю, это у тебя, а не у меня проблемы с эго, Кейра. Не хочешь объяснить, почему эти итальяшки к вам прицепились?

Дорогой Кейра поведала Эрику о наших приключениях после отъезда из Эфиопии. Рассказала о путешествии в Китай, о том, что мы нашли на острове Наркондам, умолчав о пребывании в тюрьме Гартар, упомянула о поисках на плато Мань-Пупу-нёр и о своих выводах насчет

шумерской эпопеи. Она не стала делиться воспоминаниями ни об обстоятельствах отъезда из России, ни о ночной переделке в поезде, зато в мельчайших деталях описала потрясающее зрелище, свидетелями которого мы стали в лазерном зале Амстердамского свободного университета.

Эрик затормозил и обернулся:

– Что ты плетешь? Запись первых мгновений Вселенной, сделанная четыреста миллионов лет назад? Чушь собачья! Как такая образованная женщина могла додуматься до подобного абсурда? Кто записал твой диск, четвероногие девонского периода? Не смеши меня.

Кейра не стала переубеждать Эрика и взглядом дала мне понять, чтобы я не встревал. Мы приехали в лагерь.

Я ждал, что члены экспедиции обрадуются возвращению Кейры, но ошибся: казалось, они все еще не простили ей случившегося на озере Туркана. Однако лидерство было у Кейры в крови. Она дождалась, когда археологи закончат работу, и попросила свою бывшую команду собраться, чтобы поговорить об очень важных вещах. Эрик был в бешенстве, и я шепнул ему, что деньги на раскопки в долине Омо дали не ему, а Кейре, и, если Фонду Уолша станет известно, что ее оставили не у дел, щедрые благодетели из комитета урежут финансирование в конце месяца. Эрик сдался.

Как только солнце скрылось за горизонтом и стало достаточно темно, Кейра достала три имевшихся у нас фрагмента и соединила их. Камни приобрели тот волшебный густо-синий цвет, что так восхитил нас, когда мы впервые это увидели. Произведенное впечатление стократно превзошло любые объяснения. Даже Эрик был поражен и зааплодировал первым.

– Очень красивая вещица, – сказал он, – спасибо за сеанс магии, но коллега не все вам объяснила. Она утверждает, что этим светящимся игрушкам ни много ни мало… четыреста миллионов лет!

Раздались смешки, но так отреагировали не все. Кейра взобралась на ящик:

– Кто-нибудь из вас в прошлом замечал во мне хоть малейшую склонность к фантазерству? Согласившись отправиться в экспедицию в долину Омо и на долгий срок расстаться с семьями и друзьями, вы наверняка выяснили, с кем будете работать. Кто-нибудь из вас сомневался в том, что мне можно доверять, когда шел к самолету? Думаете, я вернулась, чтобы попусту тратить ваше время и выставлять

себя дурой перед коллегами? Разве не я вас выбрала, не я сплотила нашу команду?

– Чего конкретно вы от нас ждете? – спросил один из археологов по фамилии Вольфмайер.

– Этот наделенный поразительными свойствами предмет – карта, – продолжала Кейра. – Знаю, в это трудно поверить, но, стань вы свидетелями того, что видели мы, поверили бы. За несколько последних месяцев я научилась смирению и не боюсь подвергать сомнению все, в чем прежде была уверена! 5° 10' 2" 67 северной широты, 36° 10' 1" 74 восточной долготы – вот точка, указанная на карте. Прошу вас довериться мне всего на неделю. Предлагаю погрузить необходимое оборудование в джипы и завтра же отправиться на раскопки.

– И что же мы будем искать? – возмутился Эрик.

– Пока не знаю, – призналась Кейра.

– Просто замечательно! Великому археологу мало того, что нас прогнали из долины Омо, она просит пустить коту под хвост целую неделю, когда у нас каждый час на счету, и отправиться неизвестно куда искать неизвестно что! Да за кого она нас принимает?

– Помолчи, Эрик, – перебил его Вольфмайер. – Что мы, собственно, теряем? Мы копаем не первый месяц и пока ничего убедительного не нашли. В одном Кейра права: мы согласились работать именно с ней, и она вряд ли звала бы нас с собой, не имея на то веских причин.

– Но ты-то этих причин не знаешь! – взорвался Эрик. – Она даже не может внятно объяснить, что ищет. Напомнить, во что обходится неделя нашей работы?

– Если ты о нашем жалованье, – перебил Эрика Карвелис, – неделя никого не разорит, к тому же, насколько я знаю, за деньги отвечает Кейра. Когда она уехала, все мы стали делать вид, будто ничего не случилось, но эти раскопки – ее идея. Не вижу причин, почему бы не сделать то, о чем она просит.

Слово попросил Норман, один из работавших в команде французов:

– Координаты, которые сообщила нам Кейра, довольно точны, так что, даже если площадь раскопок там составит около пятидесяти квадратных метров, мы можем не сворачиваться здесь. Оборудования потребуется немного, а недельное отсутствие не повлияет на ход работы.

Эрик наклонился к Кейре, попросил о приватном разговоре, и они отошли в сторону.

– Браво, дорогая, красноречия ты не утратила и почти убедила их последовать за тобой. Почему бы и нет? Но в конце концов последнее слово за мной, я могу подать в отставку, заставить их выбирать между нами или поддержать тебя.

– Скажи, чего ты хочешь, Эрик? Я проделала долгий путь и очень устала.

– Что бы мы ни нашли – при том условии, что мы что-нибудь найдем! – я хочу быть соавтором открытия. Я работал в поте лица много месяцев, пока ты жила-поживала в свое удовольствие, путешествуя по миру, и не собираюсь вновь довольствоваться положением твоего ассистента. Я заменил тебя, когда ты нас бросила, я руководил здесь всеми работами. Мне ты обязана тем, что команда действует сплоченно и эффективно, и я не позволю тебе оттеснить меня на вторые роли на территории, которая стала моей по праву.

– Минуту назад кто-то, кажется, говорил о раздутом эго? Отлично, Эрик! Если мы сделаем фундаментальное открытие, это будет заслугой всей команды, а значит, и твоей, и Эдриена, чей вклад в наше дело просто неоценим. Ну что, я тебя убедила? Могу рассчитывать на твою поддержку?

– Неделя, Кейра, даю тебе одну неделю, и учти – если мы останемся с пустыми руками, ты соберешь вещички, возьмешь своего приятеля и вы отсюда свалите.

– Скажи это Эдриену, уверена, он придет в восторг…

Кейра вернулась к нам и снова забралась на ящик:

– Место, о котором я говорю, находится в трех километрах к западу от озера Дипа. Если выйдем завтра на рассвете, к полудню туда доберемся и сможем сразу приступить к работе. Кто хочет ко мне присоединиться – добро пожаловать!

Люди начали перешептываться. Первым к Кейре подошел Карвелис, за ним последовали Альваро, Норман и Вольфмайер. Кейра выиграла пари, и вскоре вокруг нее и Эрика – он не отходил от нее ни на шаг – собралась вся команда.

К рассвету мы погрузили оборудование, и с первыми лучами солнца два джипа выехали из лагеря. Один вела Кейра, за рулем другого сидел Эрик. Через три часа мы остановились на опушке леса, дальше

предстояло идти пешком. Гарри шел первым, прорубая дорогу мачете. Я предложил свою помощь, но он отказался, сказав, что я могу пораниться.

Вскоре мы вышли на поляну, о которой рассказывала Кейра. Очертания площадки диаметром восемьсот метров в излучине реки Омо странным образом напоминали человеческий череп.

Карвелис с GPS-навигатором в руке вывел нас в центр участка.

– 5°10'2"67 северной широты, 36°10'1"74 восточной долготы: мы на месте, – сообщил он.

Кейра опустилась на колени и погладила землю ладонью.

– Нужно было совершить столь головокружительное путешествие, чтобы в конце концов вернуться обратно! – тихо произнесла она. – Знал бы ты, как мне страшно!

– Мне тоже, – признался я.

Альваро и Норман начали размечать периметр раскопа, остальные ставили палатки в тени гигантского вереска.

– Не возитесь с сеткой, ограничьтесь участком в двадцать квадратных метров, копать будем вглубь, – сказала Кейра Альваро.

Он смотал проволоку и последовал ее указаниям. К вечеру, когда было вынуто тридцать кубов земли, стали вырисовываться контуры захоронения. К наступлению темноты мы так ничего и не нашли.

Работы возобновились с восходом солнца. В одиннадцать утра Кейра начала проявлять признаки нервозности, и я решил ее подбодрить:

– Впереди целая неделя.

– Не думаю, что нам понадобится столько времени, Эдриен. Координаты очень точные, и они либо верны, либо нет, третьего не дано. Кроме того, глубже, чем на десять метров, мы пройти не сможем, оборудование не то.

– На каком мы этапе?

– На середине пути.

– Значит, ничего не потеряно, я уверен: чем глубже мы копаем, тем больше у нас шансов.

– Если я ошиблась, – вздохнула Кейра, – все будет кончено.

– Я думал, что все потерял в тот день, когда наша машина упала в Хуанхэ, – сказал я и ушел.

Вторая половина дня результатов не принесла. Кейра отправилась отдохнуть в тени вересков. В четыре часа без устали работавший

лопатой Альваро огласил окрестности торжествующим кличем.

Кейра поднялась и как сомнамбула пошла к раскопу. Из ямы выглянул Альваро. Никогда прежде я не видел такой счастливой улыбки. Кейра ускорила шаг, потом не выдержала и побежала. И тут послышался сердитый детский голос.

– Сколько раз тебе повторять, чтобы не бегала по площадке? – произнес, подходя к ней, Гарри.

Он взял Кейру за руку и потянул за собой к краю ямы, где собрались остальные. Альваро и Карвелис нашли кости – окаменелые, идеально сохранившие форму человеческого тела: это был почти идеально сохранившийся скелет человека.

Кейра спрыгнула в раскоп и опустилась на колени. Кости едва выступали из земли, так что предстояло еще много часов кропотливой работы, чтобы освободить их из долгого плена.

– Ты заставил меня побегать, но я тебя все-таки нашла, – прошептала Кейра, нежно погладив череп. – Мы дадим тебе имя – потом, когда расскажешь, кем ты был, и назовешь свой возраст.

– Что-то здесь не так, – сказал Альваро. – Впервые вижу такую степень окаменелости костей. Простите за двусмысленность, но этот скелет слишком хорошо развит для своего… возраста.

Я взял Кейру за локоть и отвел в сторонку:

– Думаешь, обещание, что я тебе дал, исполнилось и эти кости настолько древние, как мы предполагаем?

– Ничего пока не знаю, это кажется почти невероятным, и все же… Только развернутые анализы покажут, стала наша мечта реальностью или нет. Но если она сбылась, это величайшее открытие, относящееся к истории человечества.

Кейра вернулась к коллегам. Они копали до захода солнца, возобновили работу рано утром, и никто больше не думал о времени.

Третий день преподнес нам еще один сюрприз. Кейра работала не разгибая спины, с непостижимой тщательностью. Действуя кисточкой на манер художника-пуантилиста, она миллиметр за миллиметром расчищала кости, освобождая их из земляного плена, и вдруг замерла. Она объяснила мне, что почувствовала некоторое сопротивление материала и поняла, что должна обвести кисточкой контур предмета и попытаться определить его форму, но сделать это на сей раз не сумела.

– Очень странно, – сказала она, – похоже, это что-то шарообразное. Может, коленная чашечка? Но откуда ей взяться на грудной клетке?

Жара стояла невыносимая, со лба Кейры на пыльную землю падали капли пота, и она тихо чертыхалась.

Отдохнувший Альваро предложил сменить Кейру, и она, хоть и неохотно, уступила ему место, умоляя действовать максимально внимательно и осторожно.

– Идем, – позвала она, – река недалеко, за лесом. Хочу искупаться.

Кейра разделась на песчаном берегу Омо и нырнула, не дожидаясь меня. Я сбросил рубаху и штаны, вошел в воду и крепко ее обнял.

– Пейзаж вполне романтический и идеально подходит для любовных игр, – сказала она, – и желание присутствует, но если ты не сбавишь обороты, у нас будут гости.

– Что еще за гости?

– Оголодавшие крокодилы. Не стоит здесь бултыхаться, я всего лишь хотела освежиться. Обсохнем и вернемся на раскоп.

Я так никогда и не узнал, была ли история об аллигаторах правдой, или Кейра придумала изящный предлог, чтобы вернуться к занимавшей все ее мысли работе. Альваро ждал нас – да нет, не нас, Кейру – у захоронения.

– Что мы откапываем? – спросил он, понизив голос, чтобы не услышали остальные члены экспедиции. – Ты можешь хотя бы предположить?

– В чем дело? Ты чем-то встревожен?

– Вот… – Альваро протянул Кейре круглый предмет, по виду – довольно большой шарик из агата.

– Это с ним я возилась, пока мы не ушли купаться?

– Я нашел его в десяти сантиметрах от первых спинных позвонков.

Кейра взяла шарик и с озадаченным видом обтерла с него пыль.

– Дай воды, – попросила она.

Альваро открыл фляжку.

– Подожди, не здесь, вылезай из ямы.

– Нас все увидят… – прошептал Альваро.

Кейра выпрыгнула из раскопа, зажав шарик в ладонях.

– Лей тихонько, – велела она.

Никто не обращал внимания на Кейру с Альваро. Издалека они выглядели как люди, помогающие друг другу помыть руки.

Кейра осторожно терла шарик, счищая с него наслоения времен.

– Еще чуть-чуть, – сказала она.

– Что это за штука? – спросил археолог, озадаченный не меньше Кейры.

– Давай вернемся к костям.

Они спрыгнули вниз. Кейра закончила протирать шарик и поднесла его ближе к глазам.

– Он прозрачный, – сообщила она, – внутри что-то есть.

– Покажи! – взмолился Альваро.

Взяв шарик, он взглянул на него против солнца.

– Так гораздо лучше видно: похоже, там какая-то смола. Думаешь, это украшение или что-то вроде того? Никогда не видел ничего подобного. Черт побери, Кейра, сколько лет нашему скелету?

Кейра забрала у Альваро шарик.

– Возможно, этот предмет даст нам ответ на твой вопрос, – с улыбкой ответила она ученому собрату. – Помнишь святилище в Сан-Дженнаро?

– Давай, освежи мою память.

– Святой Януарий был епископом Беневентским и принял мученическую смерть близ Поццуоли в 305 году, во время гонений Диоклетиана. Избавлю тебя от деталей жития этого святого. Януария осудил на смерть проконсул Кампаньи Тимофей. Святого отправили на костер, но он не сгорел, тогда его бросили на растерзание львам, но те его не тронули, и Януария обезглавили. Палач отрубил ему голову и палец. По обычаю того времени одна из родственниц казненного собрала кровь в два сосуда, с которыми он служил последнюю мессу. Останки святого часто перевозили с места на место. В начале IV века, когда мощи епископа доставили в Антиньяно, хранившая сосуды с кровью женщина поднесла их к останкам, и высохшая кровь вновь стала жидкой. Все повторилось в 1492 году, когда мощи поместили в часовню, построенную в память о Януарии. С тех пор каждый год, в присутствии архиепископа Неаполя, происходит чудо оживания крови Януария. Неаполитанцы отмечают день поминовения святого, где бы они в этот момент ни находились. Высохшая кровь хранится в двух герметично запаянных флаконах, их выносят из собора, и на глазах тысяч паломников порошок превращается в жидкость, которая иногда даже вскипает.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил я.

– Пока ты читал Шекспира, я читала Александра Дюма, – ответила она.

– И ты полагаешь, что, по аналогии со святым Януарием, в прозрачном шарике из захоронения находится кровь того, кто там покоится?

– Вполне вероятно, что затвердевшее красное вещество внутри шарика действительно кровь, и тогда это чудо. Мы сможем узнать о жизни этого человека практически все – его возраст, его биологические особенности. Если удастся «разговорить» его ДНК, у него не останется от нас секретов. Теперь нужно спрятать находку в надежном месте и проанализировать содержимое в специализированной лаборатории.

– Кому ты хочешь это поручить? – поинтересовался я.

Кейра бросила на меня взгляд, не оставлявший ни малейших сомнений насчет ее намерений.

– Даже не думай! – выпалил я, не дав ей раскрыть рта. – Это даже не обсуждается.

– Эдриен, я не могу поручить это Эрику, а если снова брошу свою команду, они мне не простят.

– Я плевать хотел на твоих коллег и твои исследования, на этот скелет и даже на шар! Если бы с тобой что-нибудь случилось, я бы никогда этого тебе не простил! Я не уеду отсюда без тебя даже ради наиважнейшего научного открытия на свете.

– Прошу тебя, Эдриен!

– Слушай внимательно, Кейра, мне очень непросто говорить то, что я собираюсь сказать, и повторять я не буду. Большую часть жизни я наблюдал за галактиками, искал мельчайшие следы первых мгновений жизни Вселенной. Я считал себя лучшим в своей области, самым передовым, самым дерзким всезнайкой и гордился этим. Думая, что потерял тебя, я ночи напролет смотрел на небо и не мог вспомнить названия ни одной звезды. Мне плевать, сколько этому скелету лет, плевать, что он нам расскажет о человеческом виде. Если тебя не станет, мне будет все равно, сколько ему лет – сто или четыреста миллионов.

Альваро, о чьем присутствии я напрочь забыл, деликатно кашлянул:

– Не хочу встревать, но после находки, которую ты нам подарила, можешь вернуться через полгода и заставить нас бегать в мешках вокруг Мачу-Пикчу – держу пари, все согласятся, и я охотней всех.

Кейра смотрела на кости в раскопе, и я чувствовал, что она колеблется.

– Матерь Божья! – вскричал Альваро. – Неужели после того, что сказал тебе этот мужчина, ты предпочтешь проводить ночи со скелетом? Убирайся и возвращайся поскорее: мне не терпится узнать, что находится внутри волшебного шарика!

Кейра протянула мне руку, чтобы я помог ей выбраться из захоронения, и поблагодарила Альваро.

– Вали отсюда, кому сказали! Попроси Нормана отвезти тебя в Джинку, можешь ему доверять, он умеет держать язык за зубами. Остальным я все объясню, как только вы исчезнете.

Пока я собирал вещи, Кейра отправилась поговорить с Норманом. На наше счастье, другие члены группы ушли купаться. Мы прошли лесом и увидели, что у джипа нас ждет Гарри. Мальчик стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на нас.

– Снова хотела уехать не попрощавшись? – поинтересовался он, смерив Кейру укоризненным взглядом.

– На этот раз я вернусь скоро, через несколько недель.

– На этот раз я не буду ждать тебя в Джинке, потому что ты не вернешься, я знаю, – ответил Гарри.

– Обещаю, все будет совсем иначе, Гарри, я никогда тебя не покину, а в следующий раз возьму с собой.

– Мне нечего делать в твоей стране. Ты ведь ищешь мертвых и должна была бы знать, что мое место там, где похоронены мои настоящие родители, моя земля здесь. А теперь уходи.

Кейра подошла к Гарри:

– Ты меня ненавидишь?

– Нет, но мне грустно, а я не хочу, чтобы ты видела, как я грущу, вот и уходи.

– Мне тоже грустно, Гарри. Я вернулась один раз – вернусь и во второй, не сомневайся.

– Ладно, тогда я, может, и отправлюсь в Джинку, только не знаю когда.

– Поцелуешь меня?

– В губы?

– Нет, Гарри, не в губы, – рассмеялась Кейра.

– Я уже слишком старый для поцелуйчиков, но хочу, чтобы ты меня обняла.

Кейра раскрыла ему объятия, поцеловала в лоб, мальчик побежал к лесу и ни разу не обернулся.

– Если обойдется без сюрпризов, – сказал Норман, – мы будем в Джинке до прилета почтового самолета. Я знаю пилота, он возьмет вас на борт и доставит в Аддис-Абебу, а оттуда вы прямым рейсом улетите в Париж. В крайнем случае полетите через Франкфурт.

Самолет выруливал на дорожку, и я повернулся к Кейре, чтобы задать мучивший меня вопрос:

– Что бы ты стала делать, не заступись за меня Альваро?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что видел, как ты переводила взгляд со скелета на меня, и спрашивал себя, кто из нас двоих тебе нравится больше.

– Я здесь – думаю, это ответ на твой вопрос.

– Угу, – промычал я и обернулся, чтобы взглянуть на дорогу.

– Что это за «угу»?.. Ты что, сомневался?

– Нет, конечно нет.

– Если бы Альваро не был так красноречив, я бы, наверное, осталась на раскопе, но уже через десять минут после твоего отъезда умоляла бы кого-нибудь посадить меня в джип и броситься за тобой в погоню. Теперь доволен?

Париж

Мы помчались в аэропорт в надежде успеть на парижской рейс. У стойки «Эр Франс» нам сообщили, что посадка заканчивается, но десяток свободных мест остался, и любезная бортпроводница согласилась провести нас через металлодетектор в обход ждавших своей очереди пассажиров других направлений. Пока самолет выруливал на взлет, я успел сделать два коротких звонка: Уолтер спал и ответил не сразу, а вот Айвори откликнулся немедленно. Я сообщил, что мы возвращаемся в Европу, и задал обоим один и тот же вопрос: какая лаборатория может лучше и надежней всего сделать сложные тесты ДНК?

Айвори велел сразу ехать к нему домой. Мы приземлились в 6 утра, прыгнули в такси и поехали на остров Сен-Луи. Айвори открыл нам в халате.

– Не знал, когда вы приедете, – объяснил он, – прилег и задремал.

Он попросил подождать его в гостиной, сварил на кухне кофе, вернулся с подносом, расставил чашки на столике и опустился в кресло напротив нас.

– Итак, что вы нашли в Африке? После вашего звонка я так разволновался, что места себе не находил.

Кейра вытащила из кармана шарик и протянула профессору. Айвори надел очки и принялся внимательно изучать загадочный предмет:

– Это янтарь?

– Пока не знаю, но красные пятна внутри – вероятней всего, кровь.

– Какое чудо! Где вы его отыскали?

– В том самом месте, на которое указали фрагменты.

– На груди лежавшего в захоронении скелета, – пояснила Кейра.

– Фундаментальное открытие! – воскликнул Айвори.

Он подошел к секретеру и достал из ящика листок:

– Прочтите, это последний вариант перевода текста на геэзе.

Я взял страничку, которой старик размахивал у меня перед носом, и начал читать вслух:

Я разделил диск памяти, передав духовным наставникам колоний части, из которых он состоял. Пусть тени бесконечности останутся сокрытыми под звездными треугольниками. Пусть никто не ведает, где находится подземная гробница. Ночь первого хранит истоки происхождения. Пусть никто не осмелится тревожить его, ибо, когда сойдутся мнимые времена, наступит конец пространства.

– Полагаю, эта загадка теперь обрела смысл, согласны? – спросил профессор. – Благодаря тому что проделал Эдриен в Лазерном центре, мы заставили диск говорить, и он указал нам местоположение захоронения. По всей вероятности, диск был найден в четвертом тысячелетии до нашей эры в подземной гробнице. Обнаружившие диск люди поняли его значение, разъяли на части и отправили посланцев, чтобы те разнесли их по четырем сторонам света.

– Но зачем? – спросил я. – С какой целью понадобилось совершать столь трудное и опасное путешествие?

– Что значит – с какой? Чтобы никто не нашел тело, что вы откопали, то самое, на котором находился диск памяти. *«Ночь первого хранит истоки происхождения»,* – объяснил Айвори.

Лицо его покрылось смертельной бледностью, на лбу выступила испарина, ему было трудно говорить.

– Вам нехорошо? – встревожилась Кейра.

– Я посвятил поискам всю жизнь, и вы наконец нашли его, а ведь никто не хотел мне верить! Я прекрасно себя чувствую, как никогда в жизни, – отвечал он, страдальчески морщась.

Профессор прижал ладонь к груди и опустился в кресло, побелев как полотно.

– Ничего страшного, я просто устал. Так какой он? – В голосе Айвори звучало жадное нетерпение.

– Кто? – не понял я.

– Боже правый, скелет, конечно!

– Полностью окаменелый и великолепно сохранившийся, – ответила Кейра, с тревогой вглядываясь в лицо Айвори.

Старик застонал и согнулся пополам.

– Я вызываю врача, – объявила Кейра.

– Ни в коем случае, – не терпящим возражений тоном сказал Айвори. – Говорю вам, все сейчас пройдет. Слушайте внимательно, у нас мало времени. Нужная вам лаборатория находится в Лондоне, я

записал адрес в блокноте, он в прихожей, на столике. Удвойте бдительность! Если им станет известно о вашей находке, они пойдут ва-банк. Сожалею, что подверг вас опасности, но теперь уже слишком поздно.

– Кто эти люди? – спросил я.

– Я не стану тратить время на объяснения, есть более важные и неотложные дела. Откройте ящик секретера и достаньте другой текст.

Айвори рухнул на ковер.

Кейра схватила с низкого столика телефонную трубку, набрала номер «скорой», но старик ухватился за шнур и вырвал его из розетки.

– Убирайтесь отсюда, прошу вас!

Кейра опустилась на колени и подложила ему под голову подушку.

– Мы ни за что вас не оставим, понятно?

– Вы еще упрямей меня, дорогая, и я вас за это просто обожаю. Оставьте дверь открытой и вызовите помощь с улицы. Боже, как больно… – простонал он, прижимая ладонь к груди. – Умоляю, продолжите мое дело, цель близка.

– Что за цель, Айвори?

– Вы сделали самое сенсационное открытие на свете, милая девочка, вам будут завидовать все коллеги. Вы нашли «нулевого» человека, первого из нас, и шарик с кровью подтвердит это. Но я почти уверен, что вас ждут новые сюрпризы. Эдриен уже знаком со вторым текстом, читайте внимательно, вы в конце концов поймете.

Айвори потерял сознание. Нарушив его последние указания, Кейра вызвала по сотовому помощь, пока я рылся в секретере.

Мы вышли из дома, и нас охватило раскаяние.

– Мы не должны были бросать его.

– Он выставил нас за дверь…

– Чтобы защитить. Давай вернемся.

Вой сирены приближался.

– Послушаемся его хоть раз, – сказал я, – не стоит медлить.

Я остановил ехавшее по Орлеанской набережной такси и попросил отвезти нас на Северный вокзал. В ответ на удивленный взгляд Кейры я показал ей вырванный из блокнота Айвори листок с адресом: Лондон, Хаммерсмит-Гроув, 10, Британское общество генетических исследований.

Лондон

Я предупредил Уолтера о нашем возвращении, и он приехал на вокзал Сент-Панкрас. На нем был габардиновый плащ, он стоял у спуска с эскалаторов, заложив руки за спину.

– Похоже, вы не в лучшем расположении духа? – поинтересовался я.

– Я плохо спал, догадайтесь сами, по чьей вине!

– Простите, что разбудил.

– Вы оба тоже не слишком хорошо выглядите, – констатировал он, вглядевшись в наши лица.

– Ночной полет оказался утомительным, да и последние недели были не самыми легкими. Ну что, можем идти? – спросила Кейра.

– Я нашел тот адрес, что вы просили, – сообщил Уолтер, ведя нас к стоянке такси. – Надеюсь, это действительно важно и я не зря пожертвовал сном.

– Вы расстались с вашей маленькой машиной? – спросил я, залезая в черный автомобиль.

– В отличие от некоторых – имен называть не стану, – отвечал Уолтер, – я прислушиваюсь к советам друзей. Малолитражку я продал и приготовил вам сюрприз, но об этом позднее. Хаммерсмит-Гроув, 10, – бросил он шоферу. – Мы едем в Общество генетических исследований Великобритании, именно туда вы хотели попасть.

Я решил не говорить Уолтеру о лежавшей в кармане бумаге Айвори.

– Итак, – произнес он, – могу я узнать, чем мы там будем заниматься? Хотите сделать тест на отцовство?

Кейра показала Уолтеру шар.

– Красивая штучка, – констатировал он, вглядевшись в нашу драгоценную находку. – А что там красное, внутри?

– Кровь, – сообщила Кейра.

– Бррр!

Уолтер сумел договориться о встрече с доктором Пуэнкарно, руководителем лаборатории по исследованию палео-ДНК. «Королевская Академия много чего понаоткрывала, так почему бы не воспользоваться!» – со смешком сказал он.

– Я позволил себе щегольнуть вашими заслугами. Не волнуйтесь, о характере работ я не распространялся, но чтобы ускорить дело, пришлось сообщить, что вы летите из Эфиопии, где нашли нечто из ряда вон выходящее, и это нечто необходимо исследовать. Большего я рассказать не мог, поскольку Эдриен был более чем лаконичен!

– Посадка уже закончилась, у меня было всего несколько минут, к тому же мне показалось, что я вас разбудил…

Уолтер бросил на меня испепеляющий взгляд.

– Так вы расскажете, что нашли в Африке, или дадите мне умереть идиотом? Думаю, за все мои страдания я заслужил толику информации. Работая вашим посыльным, личным водителем, письмоношей…

– Мы нашли потрясающий скелет, – прервала брюзжанье Уолтера Кейра, дружески похлопав его по колену.

– Значит, вы впали в такое состояние из-за каких-то костей? Должно быть, в прошлой жизни вы оба были собаками. Кстати, Эдриен, в вас есть некоторое сходство со спаниелем. Не находите, Кейра?

– А я, по-вашему, похожа на кокера? – Кейра замахнулась на Уолтера газетой.

– Но-но, я ничего подобного не говорил!

Такси остановилось перед зданием Британского общества генетических исследований. Внутренняя отделка помещений поражала воображение дорогим современным дизайном. Длинные коридоры вели в исследовательские лаборатории, оборудованные капельницами, центрифугами, электронными микроскопами, холодильными камерами и множеством других «умных» приборов. Ученые в красных лабораторных халатах работали в полной тишине. Пуэнкарно провел нас по лаборатории.

– Наши исследования имеют широкие научные перспективы. Фразу Аристотеля «Все живое питается, растет и отмирает» можно было бы переиначить следующим образом: «Во все живое заложены программы, своего рода программное обеспечение». Организм должен иметь возможность развиваться, избегая анархии и беспорядка, и для последовательного построения необходим план. Где скрыт план жизни? В ДНК. В ядре любой клетки вы найдете нити ДНК, содержащей закодированную генетическую информацию вида. ДНК – носитель наследственности. Мы провели масштабный клеточный анализ населения земного шара, что позволило нам обнаружить неизвестные ранее родственные связи и проследить крупные миграции

человечества, происходившие в разные эпохи. Изучение ДНК тысяч индивидуумов помогло нам расшифровать процесс эволюции, происходившей в ходе этих миграций. ДНК передает информацию от поколения к поколению, программа эволюционирует, заставляя эволюционировать нас. Все мы происходим от одного предка, так? Найдем его – найдем истоки жизни на Земле. У народа инуитов есть родственное сходство с народностями, населяющими север Сибири. По их общим чертам мы можем определить, откуда пришли их далекие предки… Мы изучаем также ДНК насекомых и растений и недавно заставили говорить листья магнолии, которая росла двадцать миллионов лет назад. Мы научились извлекать ДНК из таких мельчайших частиц, где как будто не осталось даже пикограмма[24] материала.

Кейра протянула Пуэнкарно шарик.

– Янтарь? – спросил он.

– Не думаю, скорее синтетическая смола.

– Что значит – синтетическая?

– Это долгая история. Сможете проанализировать содержимое?

– Если сумеем проникнуть под оболочку. Идемте! – сказал Пуэнкарно, с интересом разглядывая шарик.

В лаборатории царил красноватый полумрак. Пуэнкарно зажег лампы дневного света, сел на высокий табурет, поместил шарик в миниатюрные тиски и попытался сделать надрез скальпелем. Когда ничего не вышло, он сменил скальпель на алмазное сверло, но оно даже не поцарапало поверхность. Мы перешли в другое помещение, где доктор пустил в ход лазер, но не преуспел.

– Ладно, попробуем иначе. Тяжелые болезни лечат сильнодействующими средствами. За мной!

Мы вошли в бокс, где доктор приказал нам облачиться в странные комбинезоны, надеть очки, перчатки и плотно прилегающие к голове шапочки.

– Мы собираемся оперировать? – спросил я из-под маски.

– Нет, но мы должны избежать риска загрязнения пробы чужеродным ДНК, например вашим. Входим в стерильное помещение.

Пуэнкарно устроился перед герметично закрытым резервуаром, поместил шарик в первое отделение, закрыл его, вставил руки в резиновые раструбы и после очистки переместил шарик на подставку

во втором отделении, после чего повернул небольшой вентиль. Резервуар заполнился бесцветной жидкостью.

– Что это? – спросил я.

– Жидкий азот, – пояснила Кейра.

– Ниже 195,79° по Цельсию, – добавил Пуэнкарно. – Низкая температура жидкого азота тормозит действие энзимов, способных повредить ДНК, РНК или протеины, которые нужно извлечь. Перчатки защищают руки от ожогов. Оболочка шарика должна поддаться.

Пуэнкарно ошибся, но не сдался, заинтригованный природой предмета, который пытался «взломать».

– Использую гелий-3, чтобы существенно понизить температуру. Этот газ позволит приблизиться к абсолютному нулю. Если ваша штучка устоит, я сдаюсь, другого решения у меня нет.

Пуэнкарно повернул небольшой кран, но зрительно ничего не произошло.

– Газ невидим, – сказал он. – Подождем несколько секунд.

Мы затаили дыхание и уставились на стекло камеры, не в силах смириться с неожиданным препятствием. Приложить столько усилий и не справиться с какой-то фитюлькой, просто немыслимо! Неожиданно на прозрачной оболочке появилась крошечная трещина. Пуэнкарно приник к окулярам электронного микроскопа, пустил в ход тонкую иглу и издал победный клич.

– Я взял пробу! Мы можем приступать к анализам. Это займет несколько часов, я позвоню, как только будет результат.

Мы расстались с Пуэнкарно, вышли из стерильного помещения и сняли комбинезоны.

Я предложил Кейре поехать домой. Она напомнила о предостережениях Айвори, и Уолтер пригласил нас к себе, но я мечтал принять душ и переодеться, и мы расстались. Уолтер поехал на метро в Академию, а мы с Кейрой прыгнули в такси и отправились на Крессвелл-плейс.

Дом в наше отсутствие никто не убирал, постели не менял, да и в холодильнике было пусто. Собрав остаток сил, мы навели некоторое подобие порядка и уснули, тесно прижавшись друг к другу.

Телефон звонил громко, настойчиво и очень противно. Я снял трубку, не открывая глаза, и услышал возбужденный голос Уолтера:

– Чем вы там занимаетесь, в конце-то концов?

– Представьте себе, отдыхаем, вы нас разбудили, так что мы квиты.

– А на часы вы смотрели? Я уже сорок пять минут пытаюсь дозвониться вам из лаборатории!

– Я не слышал звонка. Но почему такая срочность?

– Доктор Пуэнкарно желает разговаривать только в вашем присутствии, хотя сам вызвал меня из Академии как на пожар, так что одевайтесь и пулей летите сюда.

Уолтер повесил трубку. Я разбудил Кейру, она мгновенно натянула джинсы и свитер и ждала на улице, пока я закрывал окна. Мы добрались до Хаммерсмит-Гроув около семи. Пуэнкарно ходил по пустому холлу, с трудом скрывая нетерпение.

– Не очень-то вы торопились, – буркнул он. – Нам нужно поговорить, пойдемте в мой кабинет.

Он усадил нас напротив белой стены, задернул шторы, погасил свет и включил проектор.

Изображение на первом слайде напоминало компанию пауков в паутине.

– То, что я увидел, граничит с абсурдом. Хочу знать, что это – наглый подлог или розыгрыш весьма дурного толка. Я согласился встретиться с вами сегодня утром, приняв во внимание ваши научные заслуги и рекомендации Королевской Академии, но случившееся переходит все границы, и я не стану рисковать репутацией, доверяясь двум мошенникам, которые вынуждают меня попусту тратить время.

Мы с Кейрой никак не могли взять в толк, отчего доктор так разгорячился.

– Что вы обнаружили? – спросила Кейра.

– Прежде чем я отвечу, расскажите, где и при каких обстоятельствах вы нашли этот шарик из окаменевшей смолы.

– В захоронении, на севере долины Омо. Он лежал на груди окаменелого человеческого скелета.

– Быть не может, вы лжете!

– Послушайте, доктор, мое время не менее драгоценно, чем ваше, хотите считать нас мошенниками – воля ваша! Эдриен – уважаемый астрофизик, у меня тоже есть кое-какие заслуги. Скажите же наконец, в чем вы нас обвиняете?

– Знаете, мадемуазель, даже если вы украсите все стены моего кабинета вашими дипломами, это ничего не изменит. Что вы видите? – спросил он, демонстрируя нам следующий диапозитив.

– Митохондрии и нити ДНК.

– Именно так.

– И в чем проблема? – вмешался я.

– Двадцать лет назад нам удалось извлечь и проанализировать ДНК застывшего в янтаре жука-долгоносика. Насекомое нашли в Ливане, в районе Джеззина. Окаменевшая смола сберегла его в целости и сохранности. Мы определили возраст того жука: сто тридцать миллионов лет. Думаю, вы представляете, как много мы узнали, изучая сложный живой организм, и по сей день считающийся древнейшей находкой.

– Рад за вас, но какое отношение это имеет к нам?

– Эдриен прав, – вмешался Уолтер, – я по-прежнему не понимаю, в чем проблема.

– А проблема, господа, заключается в том, что ДНК, анализ которой вы попросили сделать, в три раза древнее. Таков, во всяком случае, результат спектроскопии. Этой ДНК четыреста миллионов лет! – сухо пояснил Пуэнкарно.

– Фантастическое открытие! – воскликнул я.

– Несколько часов назад мы были того же мнения, хотя кое-кто из моих коллег проявлял скептицизм. Взгляните на третий слайд: идеальное состояние запечатленных на нем митохондрий вызывает определенные вопросы. Ладно, допустим, что особая смола, состав которой мы пока так и не идентифицировали, все это время защищала митохондрии, хотя лично я в этом сильно сомневаюсь. Теперь взгляните на следующий слайд – это сделанное под электронным микроскопом увеличение предыдущего снимка. Подойдите к стене, не хочу, чтобы вы что-нибудь упустили.

Мы подчинились.

– Итак, что вы видите? – спросил Пуэнкарно.

– Это хромосома X, первый человек был женщиной! – воскликнула потрясенная Кейра.

– Конечно, найденный вами скелет – женский, а не мужской, однако не думайте, что в бешенство меня привело именно это обстоятельство, я не женоненавистник.

– Не могу поверить, – шепнула Кейра, не в силах сдержать счастливую улыбку. – Ева родилась прежде Адама. Фантастика!

– Мужскому эго будет нанесен сокрушительный удар, – хмыкнул я.

– Мне нравится ваше чувство юмора, – продолжил Пуэнкарно. – Дальше будет еще забавней! Вглядитесь повнимательней и скажите, что вы видите.

– У меня нет настроения играть в угадайку, доктор, ваше открытие просто ошеломительно, для меня оно венчает десять лет упорного труда и самопожертвования. Так скажите наконец, что вас так разозлило, это сэкономит время всем нам – мне показалось, что свое вы цените весьма высоко.

– Вы правы, мадемуазель. Ваше открытие было бы воистину невероятным, существуй в эволюции возвратный принцип, но вам не хуже моего известно требование природы: она хочет, чтобы человек прогрессировал, а не давал задний ход. Между тем хромосомы, на которые вы смотрите, во много крат совершеннее ваших и моих!

– И моих тоже? – поинтересовался Уолтер.

– Они совершеннее хромосом всех живущих сегодня на земном шаре людей.

– Смелое утверждение! И на чем же оно основано? – продолжил допрос Уолтер.

– На маленькой частице, которую мы называем аллелем. Это различные формы одного и того же гена, расположенные в одинаковых участках гомологичных, или парных, хромосом. Вот эти были генетически модифицированы, и я сомневаюсь, что подобная операция могла быть сделана четыреста миллионов лет назад. А теперь объясните, как и зачем вы устроили все это грандиозное надувательство? Или мне обратиться напрямую в административный совет Академии?

Потрясенная Кейра опустилась на стул.

– Но с какой целью были модифицированы эти хромосомы? – спросил я.

– Операции на генах не являются предметом нашего обсуждения, но я все-таки отвечу на ваш вопрос. Мы экспериментируем с такого рода вмешательством, имея целью предупредить наследственные болезни и некоторые виды рака, вызвать мутации, чтобы приспособиться к условиям жизни, которая эволюционирует быстрее нас. Генная инженерия позволяет выровнять алгоритм жизни, который мы сами же и нарушаем, короче говоря, медицинские интересы безграничны, но сегодня речь не о них. Женщина, найденная в столь дорогой вашему сердцу долине Омо, не может одновременно быть

частью далекого прошлого и иметь в ДНК начатки будущего. Зачем вы прибегли к обману? Мечтаете о Нобелевской премии? Хотели заручиться моей поддержкой, одурачить меня столь грубым образом?

– Мы вас не обманули. Ваше недоверие мне понятно, но мы ничего не придумали, клянусь вам. Шарик, что вы исследовали, находился на груди скелета, два дня назад лежавшего в захоронении, и степень его окаменелости невозможно было бы подделать. Вы ни на секунду не усомнились бы в нашей искренности, если бы знали, чего нам стоило отыскать этот скелет.

– Предположим, я вам поверю. Вы понимаете, что из этого воспоследует? – спросил доктор.

Пуэнкарно неожиданно сменил тон – похоже, он решил выслушать нас, сел за стол и зажег свет.

– Две вещи, – ответила Кейра. – Во-первых, Ева родилась прежде Адама, и, во-вторых, праматерь человечества намного старше, чем мы предполагали.

– Не только, мадемуазель. Если митохондриям, которые я исследовал, действительно четыреста миллионов лет, это позволяет сделать множество других предположений, которые ваш сообщник-астрофизик наверняка вам уже объяснил, поскольку я уверен, что вы идеально отрепетировали свой номер, прежде чем прийти сюда.

– Ничего подобного мы не делали! – возмутился я. – О какой теории вы говорите?

– Не считайте меня распоследним невеждой. Вам прекрасно известно, что исследования, которыми каждый из нас занимается в своей области науки, иногда пересекаются. Многие ученые сходятся во мнении, что жизнь на Земле могла зародиться после метеоритной атаки. Я прав, господин астрофизик? Эта теория получила подтверждение после обнаружения в хвосте кометы глицина. Вам это, конечно, известно?

– В хвосте кометы обнаружили растение? – изумился Уолтер.

– Не глицинию, Уолтер, а глицин – простейшую из аминокислот, играющую важнейшую роль в зарождении жизни. Зонд «Стардаст» взял пробу из хвоста кометы «Вилд-2», когда она пролетала в трехстах девяноста миллионах километров от Земли. Протеины, из которых состоят все органы, клетки и энзимы живых организмов, образованы из цепей аминокислот.

– И к превеликому удовольствию астрофизиков, это открытие подкрепило идею о том, что жизнь на Землю была занесена из космоса и что Вселенная населена куда гуще, чем предполагалось раньше. Я ничего не перепутал? – перебил меня Пуэнкарно. – Но попытки заставить нас поверить, что Земля была населена столь же сложными, как мы, существами, прибегая к грязному обману, граничат с безумием.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила Кейра.

– Что ваша Ева не может быть из прошлого и иметь генетически измененные клетки, если только вы не пытаетесь заставить нас поверить, что первый обитатель – вернее, обитательница – Земли прибыл в долину Омо с другой планеты!

– Не хочу вмешиваться в то, что меня не касается, – подал голос Уолтер, – но, если бы вы рассказали моей прабабушке, что из Лондона до Сингапура можно будет добраться за несколько часов, летя на высоте десять тысяч метров в консервной банке весом пятьсот шестьдесят тонн, она немедленно вызвала бы к вам деревенского эскулапа, а тот тут же наладил бы вас в психушку! Что уж говорить о сверхзвуковых полетах, о высадке на Луне или о зонде, зачерпнувшем немного аминокислот из хвоста кометы, путешествовавшей в сотнях миллионов километров от Земли! Ну почему у самых выдающихся ученых такое убогое воображение?

Разгневанный Уолтер бегал по комнате, и никто не осмелился перебить его. Внезапно он остановился и угрожающе нацелил указательный палец в грудь Пуэнкарно:

– Вы, ученые, тратите время на самообман. Мусолите ошибки коллег и свои собственные – и не разубеждайте меня, я облысел, пытаясь сбалансировать бюджеты, чтобы вам хватало денег на переизобретение уже изобретенного. Но всякий раз, стоит появиться новаторской идее, и вы начинаете причитать: невозможно, невозможно и еще раз невозможно! Просто немыслимо! Сто лет назад никто даже не задумывался об изменении хромосом. Как вы полагаете, нашелся бы в начале XX века хоть один человек, поверивший в ваши исследования? Уж точно не мое начальство… В лучшем случае вас назвали бы пустым фантазером. Господин доктор генетических технологий, я знаком с Эдриеном не первый день и запрещаю вам – слышите, запрещаю! – подозревать его в коварном обмане. Честность сидящего перед вами человека порой граничит… с глупостью!

Пуэнкарно обвел нас взглядом:

– Вы выбрали не ту профессию, господин управделами Академии наук, из вас вышел бы превосходный адвокат! Что ж, ладно, я не стану ничего сообщать в административный совет, и мы продолжим исследовать эту кровь. Я засвидетельствую результаты, но не более того. В моем отчете будут отмечены выявленные нами аномалии и нестыковки, но я не выдвину никакой гипотезы и не поддержу ни одной теории. Вы вольны публиковать все, что угодно, но ответственность целиком и полностью ложится на вас. Если вы хоть раз упомянете мое имя или сошлетесь на меня, пытаясь обосновать свои идеи, я подам на вас в суд. Все ясно?

– Я не просила вас выдвигать гипотезы, – ответила Кейра. – Ваш вклад будет неоценим, если вы согласитесь установить и обоснованно подтвердить, что возраст клеток – четыреста миллионов лет. И не беспокойтесь насчет публикации – еще слишком рано обнародовать что бы то ни было. Мы, как и вы, совершенно обескуражены тем, что узнали, и пока не готовы делать выводы.

Пуэнкарно проводил нас до двери, пообещав позвонить через несколько дней.

Дождливым лондонским вечером мы с Уолтером и Кейрой вышли на мокрый тротуар Хаммерсмит-Гроув. Стемнело, было холодно, мы чувствовали себя совершенно измотанными. Уолтер предложил поужинать в баре по соседству, и у нас недостало духа отказаться и оставить его в одиночестве.

Мы сидели за столиком у окна, и Кейра в подробностях описывала Уолтеру нашу эфиопскую эпопею. Он подпрыгнул на стуле, когда она рассказала, как мы нашли скелет. Уолтер был благодарным слушателем, Кейра увлеклась и не жалела красноречия, ей нравилась непосредственность нашего друга. Веселый смех Уолтера и Кейры заставил меня забыть о пережитых за последние месяцы неприятностях.

Я спросил Уолтера, что он имел в виду, сказав Пуэнкарно: «Честность Эдриена порой граничит с глупостью…»

– Что вы и сегодня будете платить по счету! – ответил он, заказывая шоколадный мусс. – Не злитесь, я слегка преувеличил – ради дела.

Я попросил у Кейры ее кулон, достал из кармана два других фрагмента и протянул их Уолтеру.

– Почему вы отдаете мне то, что принадлежит вам? – растерялся он.

– Потому что моя честность порой граничит с глупостью, – объяснил я. – Если наша работа завершится фундаментальной публикацией, я поставлю на ней свое имя как сотрудник Академии наук и хочу, чтобы ваше имя тоже было упомянуто. Может, это наконец позволит вам починить крышу над вашим кабинетом. А пока сохраните их в надежном месте.

Уолтер убрал камни в карман. Я по глазам понял, как сильно он растроган.

Невероятное приключение одарило меня нежданной любовью и настоящей дружбой. Я провел большую часть жизни в самых отдаленных уголках мира, наблюдая за Вселенной, и искал далекую звезду, а теперь сидел в старом пабе на Хаммерсмит-Гроув и смотрел, как моя любимая женщина смеется и болтает с моим лучшим другом. В тот вечер я понял, что два этих человека изменили мою жизнь.

В каждом из нас живет Робинзон, жаждущий открыть новый мир и встретить своего Пятницу.

Паб закрывался. Мы вышли последними, посадили Уолтера в такси, и Кейра захотела пройтись.

Вывеска у нас за спиной погасла. На Хаммерсмит-Гроув опустилась тишина, в проулке не было ни одной живой души. Вокзал Хаммерсмит-Гроув находился неподалеку, там мы легко найдем такси.

Звук мотора разорвал тишину, и припаркованный у тротуара фургон тронулся с места. Когда он поравнялся с нами, из боковой двери выпрыгнули четверо в масках. Мы не успели понять, что происходит, Кейра закричала, но было поздно: нас схватили, забросили внутрь, и минивэн рванул с места.

Мы отбивались, мне удалось повалить одного из похитителей, Кейра едва не вырвала глаз тому, кто прижимал ее к днищу, но нас все-таки связали, заткнули рты, завязали глаза и усыпили. Это было последнее воспоминание о вечере, который так замечательно начинался.

Неизвестное место

Очнувшись, я увидел склонившуюся надо мной Кейру. Она попыталась улыбнуться, но вышло не слишком убедительно.

– Где мы? – спросил я.

– Понятия не имею, – ответила она.

Я огляделся: вокруг были голые бетонные стены без единого окна, неоновая лампа на потолке горела тускло и бледно.

– Что произошло?

– Мы не прислушались к советам Айвори.

– Судя по всему, спали мы долго.

– Что заставляет тебя так думать?

– Твоя щетина, Эдриен. Когда мы обедали с Уолтером, ты был гладко выбрит.

– Ты права, мы здесь давно, я проголодался и хочу пить.

– У меня тоже рот пересох, – кивнула Кейра, встала и принялась барабанить в дверь.

– Дайте нам воды! – прокричала она, но в ответ не раздалось ни звука.

– Береги силы. Рано или поздно сами придут.

– Или не придут!

– Не глупи, вряд ли те, кто нас сюда запихнул, захотят, чтобы их пленники умерли от жажды и голода.

– Не хочу тебя огорчать, но в поезде в нас стреляли отнюдь не каучуковыми пулями. Ну почему, за что нас преследуют?! – в отчаянии воскликнула она, усаживаясь на пол.

– Все дело в твоей находке, Кейра.

– Но почему кости – пусть даже невероятно древние! – так сильно кого-то разозлили?

– Твоя находка не абы какой скелет. Не думаю, что ты до конца уяснила причину растерянности Пуэнкарно.

– Этот болван обвинил нас в том, что мы подделали отданную на исследование ДНК.

– Твои слова подтверждают мою догадку: ты не осознала значения своего открытия.

– Не моего – нашего открытия!

– Пуэнкарно пытался объяснить тебе, с какой дилеммой столкнулся, проведя анализ ДНК. Все живые организмы состоят из клеток, простейшие – из одной, в человеке их больше десяти миллиардов, но все строятся по единой модели, из двух базовых элементов – нуклеиновых кислот и белков. Эти живые кирпичики – результат произошедшего в воде слияния четырех элементов – углерода, азота, водорода и кислорода, это мы можем утверждать с полной уверенностью. Но как все началось? Ученые рассматривают два сценария. Либо жизнь на Земле зародилась в результате целого ряда сложнейших химических реакций, либо занесенные из космоса вещества запустили процесс зарождения жизни на Земле. Все живые существа эволюционируют, а не регрессируют. Если ДНК твоей эфиопской Евы содержит генетически измененные аллели, значит, ее тело в сравнении с нашим стояло на более высокой ступени эволюционной лестницы, что невозможно, если только…

– Если только что?

– Если только твоя Ева умерла на Земле, но родилась… в другом месте…

– Это немыслимо!

– Будь здесь Уолтер, твои слова привели бы его в бешенство.

– Знаешь, Эдриен, я потратила десять лет жизни на поиски недостающего звена не для того, чтобы потом объяснять себе подобным, что первый человек прибыл на Землю из другого мира.

– В данный конкретный момент шестеро астронавтов сидят в кессонной камере где-то под Москвой и готовятся к полету на Марс. Я ничего не выдумываю. Ракета на космодроме не стоит, но исследователи Европейского космического агентства и Российского института биомедицинских проблем проводят эксперимент, имеющий целью выяснить, может ли человек выдержать космический полет на дальнее расстояние. Эксперимент рассчитан на сорок лет, но что такое четыре десятилетия в сравнении с вечностью? В 2050 году шестеро астронавтов полетят на Марс, как это сделали восемьдесят лет назад те, кто первым высадился на Луне. А теперь вообрази такой сценарий: один из них умирает, находясь на Марсе. Что, по-твоему, сделают товарищи покойного?

– Съедят его полдник!

– Прошу тебя, Кейра, побудь серьезной хоть минуту!

– Прости, что нервничаю, сидя взаперти.

– Вот и позволь мне отвлечь тебя от мрачных мыслей, ответь на вопрос.

– Не знаю, как поступят остальные. Думаю, похоронят тело.

– Именно так! Вряд ли они захотят взять на борт разлагающийся труп, отправляясь в обратный путь к Земле. Итак, усопшего решают похоронить, но под марсианской пылью обнаруживается слой льда, как на плато Мань-Пупу-нёр, где археологи нашли шумерские усыпальницы.

– Не совсем так, – поправила Кейра. – Шумеры хоронили в земле, а вот в Сибири действительно много подобных захоронений в вечной мерзлоте.

– Не суть важно… Итак, в надежде на прилет следующей экспедиции астронавты оставляют в могиле радиомаяк и образец крови.

– С какой целью?

– Целей две. Радиомаяк позволит найти захоронение, даже если песчаные бури изменят пейзаж, а кровь позволит точно идентифицировать того или ту, кто будет лежать в могиле… как это сделали мы сами. Экипаж покидает Марс, как улетели на Землю астронавты, первыми побывавшие на Луне. С точки зрения науки в моих словах нет ничего особенного, за сотню лет мы только научились чуть дальше перемещаться в пространстве. Но между первым полетом Адера, пролетевшего над землей всего несколько метров, и первым шагом Армстронга по Луне прошло каких-то восемьдесят лет. Трудно даже представить размах технического прогресса и объем знаний, потребовавшихся человечеству, чтобы поднять в воздух многотонную ракету. Ладно, продолжим. Наш экипаж вернулся на Землю, а их усопший товарищ покоится в марсианских льдах. Вселенной на это наплевать, она живет своей жизнью, планеты нашей Солнечной системы вращаются вокруг своей звезды, а она не перестает отдавать им тепло. Через несколько миллионов лет – небольшой срок в масштабах Вселенной – Марс настолько разогреется, что начнут таять подземные льды. Соответственно, тело астронавта будет разлагаться. Говорят, достаточно нескольких семян, чтобы вырос лес. Предположим, что фрагменты ДНК твоей эфиопской Евы растворились в воде, когда ледниковый период на Земле подходил к концу, что запустило процесс оплодотворения жизни. Программа, содержащаяся в каждой клетке, довершит дело, и через несколько сотен миллионов лет результатом эволюции станут живые существа с такой же сложной организацией,

какой была при жизни наделена Ева… «Ночь первого хранит истоки происхождения». Другие люди прежде нас с тобой это поняли…

Лампа на потолке погасла.

Мы оказались в полной темноте.

– Не пугайся, мы вместе, – сказал я, беря Кейру за руку.

– Ты веришь в то, что рассказал мне, Эдриен?

– Не знаю, Кейра, но если ты спросишь, считаю ли я подобный сценарий возможным, отвечу «да». Хочешь знать, насколько он вероятен? Исходя из найденных нами свидетельств, вполне вероятен. Как в любом расследовании или исследовательском проекте, необходима гипотеза. Со времен Античности самые великие открытия совершали те, кто решался взглянуть на вещи под другим углом. В колледже преподаватель естествознания говорил нам: «Чтобы сделать открытие, необходимо выйти за рамки собственной системы. Изнутри много не разглядишь, а того, что происходит снаружи, – уж точно». Будь мы свободны и опубликуй подобные выводы, подкрепив их полученными доказательствами, реакция была бы более чем разнообразной – от интереса до недоверия, не говоря уж о том, что ревнивые ученые собратья наверняка обвинили бы нас в ереси. А ведь многие люди веруют, Кейра, они верят в Бога, не имея ни малейшего доказательства его существования. То, что открыли нам фрагменты камня, найденные близ Дипы кости и невероятные результаты анализа ДНК, заставляет задать множество вопросов на тему зарождения жизни на Земле.

– Я хочу пить, Эдриен.

– Я тоже.

– Думаешь, они дадут нам вот так умереть?

– Не знаю, но эта история начинает мне надоедать.

– Кажется, смерть от жажды ужасно мучительна: без воды язык через какое-то время распухает, и человек задыхается.

– Не думай об этом.

– Ты сожалеешь?

– О том, что мы заперты здесь, – конечно, но ни об одном мгновении, проведенном с тобой.

– Кажется, я ее все-таки отыскала, бабушку человечества, – вздохнула Кейра.

– Можешь считать, что нашла его прапрабабушку, с чем я тебя, кстати, еще не поздравил.

– Я люблю тебя, Эдриен.

Я крепко обнял Кейру, нашел в темноте ее губы и поцеловал. Мы слабели с каждым часом.

– Уолтер, должно быть, беспокоится.

– Он привык к нашим исчезновениям.

– Мы всегда его предупреждали об отлучках.

– На сей раз он, возможно, встревожится всерьез.

– Не он один, поскольку наши поиски не будут тщетны, – прошептала Кейра. – Пуэнкарно продолжит работать с ДНК, моя команда привезет скелет Евы.

– Ты правда хочешь так ее окрестить?

– Нет, я собиралась назвать ее Жанной. Уолтер спрятал фрагменты в надежном месте, команда Амстердамского свободного университета изучит запись. Айвори проложил путь, мы на него вступили, другие продолжат… без нас. Рано или поздно общими усилиями они сложат все элементы мозаики в единое целое.

Кейра замолчала.

– Ну же, продолжай.

– Я так устала, Эдриен…

– Не засыпай, борись.

– А зачем?

В ее словах была доля истины: смерть во сне – легкий конец.

Когда лампа на потолке снова зажглась, я успел утратить всякое представление о времени и не смог бы сказать, как долго мы были без сознания. Глаза с трудом привыкали к свету.

Перед дверью стояли две бутылки воды, на полу лежали шоколадки и печенье.

Я растолкал Кейру, смочил ей губы и принялся качать на руках, умоляя открыть глаза.

– Ты приготовил завтрак? – прошептала она.

– Вроде того, только не пей слишком быстро.

Утолив жажду, Кейра набросилась на шоколад. Мы съели печенье и слегка взбодрились, на ее лицо вернулись краски.

– По-твоему, они передумали? – спросила она.

– Мне известно не больше твоего, так что давай подождем.

Дверь открылась. Первыми вошли двое в капюшонах, за ними следовал мужчина в безупречно сшитом твидовом костюме, не

посчитавший нужным прятать лицо.

– Поднимайтесь и следуйте за нами, – скомандовал он.

Мы вышли из камеры и оказались в длинном коридоре.

– Там душ, – указал мужчина, – приведите себя в порядок, вы в этом нуждаетесь. Когда будете готовы, мои люди проводят вас ко мне в кабинет.

– Могу я узнать, с кем мы имеем честь разговаривать? – поинтересовался я.

– Мне нравится ваша дерзость, – ответил он. – Я Эдвард Эштон. До скорого.

Мы обрели почти пристойный вид, и подручные Эштона повели нас по его роскошному загородному владению. Оказалось, что нас держали в подвале здания рядом с большой оранжереей. Мы прошли ухоженным садом, поднялись по ступенькам крыльца и оказались в огромной гостиной со стенами, обшитыми деревянными панелями.

Сэр Эштон ждал нас, сидя за бюро.

– Вы причинили мне немало хлопот, – бросил он.

– Взаимно, – ответила Кейра.

– Вижу, с чувством юмора у вас тоже все в порядке.

– Я не нахожу ничего смешного в том, что́ вы заставили нас пережить.

– Вините за это только себя, вас неоднократно предупреждали, но вы не отступались и не желали прекращать поиски.

– С какой стати нам было что-то прекращать? – возмутился я.

– Если бы решение принимал я, вы бы тут не стояли и не задавали мне вопросов, но это – увы! – не так.

Сэр Эштон встал, обошел стол, нажал на кнопку, резные деревянные панели на стенах раздвинулись, и пятнадцать экранов словно по волшебству синхронно зажглись. На одном из них я увидел нашего амстердамского знакомца. Мужчины и женщина представлялись по очереди: Афины, Берлин, Бостон, Стамбул, Каир, Мадрид, Москва, Нью-Дели, Париж, Пекин, Рим, Рио, Тель-Авив, Токио.

– Кто вы такие? – спросила Кейра.

– Официальные представители наших стран, мы занимаемся вашим досье.

– Что за досье? – вмешался я.

Женщина с одного из экранов первой обратилась к нам. Сказав, что ее зовут Исабель, она задала странный вопрос:

– Предположим, у вас появилось бесспорное доказательство, что Бога нет. Вы абсолютно уверены, что людям это нужно? Вы хорошо взвесили последствия обнародования такой информации? Два миллиарда человек существуют за чертой бедности. Половина населения Земли ведет жизнь, полную лишений. Вы спрашивали себя, что удерживает в равновесии этот зыбкий мир? Надежда! Надежда на существование высшей и милосердной силы, надежда на лучшую жизнь после смерти. Зовите ее Богом или верой, это не важно.

– Простите, что перебиваю, мадам, но люди не переставали убивать друг друга во имя Бога. Дать им доказательство, что Бога нет, значит раз и навсегда освободить от взаимной ненависти. Вспомните, сколько людей погибло в религиозных войнах, сколько по-прежнему гибнет каждый год, сколько диктаторских режимов делали религию своим знаменем.

– Человек не нуждался в Боге, чтобы убивать, – возразила Исабель, – но ему была необходима вера, чтобы выживать и продолжать свой род, как велит природа.

– Животные в этом деле прекрасно обходятся без веры, – съязвила Кейра.

– Но человек – единственное живое существо на этой Земле, осознающее свою смерть, мадемуазель, он один ее боится. Вам известно, к какому времени восходят первые проявления религиозности?

– Около ста тысяч лет назад близ нынешнего Назарета Homo sapiens впервые в истории похоронили останки двадцатилетней женщины. У ее ног покоилось тело шестилетнего ребенка. Те, кто вскрыл могилу, обнаружили в ней охру и ритуальные предметы. Оба тела лежали в молитвенной позе. К горю из-за потери близких добавилась настоятельная потребность воздать почести смерти… – заключила она, повторив урок Айвори.

– Сто тысяч лет, – повторила Исабель, – тысяча столетий верований… Если вы принесете людям научное доказательство того, что жизнь на Земле создана не Богом, мир рухнет. Полтора миллиарда человеческих существ живут в немыслимой, недопустимой, невыносимой нищете. Какой мужчина, какая женщина, какой ребенок согласится страдать, лишившись надежды? Кто удержит человека от

убийства ближнего, от того, чтобы силой взять чужое, если его сознание свободно от любого трансцендентного порядка? Религия убивала, но вера спасла множество жизней, придала сил множеству обездоленных. Вы не можете погасить этот свет. Вы, ученые, считаете, что смерть необходима, наши клетки отмирают, чтобы другие жили, мы умираем, уступая место потомкам. Рождение, развитие и смерть в порядке вещей, но для большинства смерть – всего лишь этап, переход в лучший мир, где будет все, чего не хватало в земной жизни, где ждет встреча с теми, кто ушел раньше. Вы не знали ни голода, ни жажды, ни нужды, вы следовали за своей мечтой, и вам был дан шанс воплотить ее – вне зависимости от того, заслуживаете вы этого или нет. А вы думали о тех, кто был лишен подобного шанса? Неужели у вас достанет жестокости сказать людям, что их страдания на Земле не имели иной цели, кроме эволюции?

Я сделал шаг к экранам, чтобы взглянуть в глаза нашим судьям:

– Это унылое заседание напоминает мне суд над Галилеем. Человечество в конце концов узнало то, что хотели скрыть его гонители, но мир не погиб! Совсем наоборот. Когда освободившийся от страхов человек решился шагнуть к горизонту, тот отступил перед ним. Где бы мы сегодня были, если бы религиозным фанатикам удалось тогда задушить истину? Знание – часть эволюции человека.

– Если вы обнародуете свои открытия, в первый же день погибнут сотни тысяч человек в государствах, истощенных нуждой и гражданскими войнами, в течение первой недели в странах третьего мира будут убиты миллионы. На второй неделе начнется самая масштабная миграция человечества. Миллиард голодающих пересечет континенты и моря, чтобы взять все, чего они лишены. Каждый постарается прожить в настоящем все то, что оставлял на будущее в лучшем мире. Пятая неделя станет началом первой ночи.

– Почему вы освободили нас, если наши открытия так опасны?

– Мы не собирались этого делать, пока не узнали из вашего разговора в камере, что вы не единственные носители знания. Внезапное исчезновение заставит ваших ученых собратьев довести дело до конца. Только вы сумеете их остановить. Можете идти, решение за вами, и только за вами. Никогда еще со времен расщепления урана на плечах одного мужчины и одной женщины не лежала столь тяжкая ответственность.

Экраны один за другим погасли. Сэр Эштон подошел к нам:

– Моя машина в вашем распоряжении, шофер отвезет вас в Лондон.

Лондон

Мы провели несколько дней, не выходя из дома, и почти все время молчали. Нам не хотелось говорить банальности. Уолтер оставил на моем автоответчике гневное послание, он был в ярости из-за нашего исчезновения и не знал, где нас искать – в Амстердаме или в Эфиопии. Я набрал номер его мобильника, но механический голос сообщил, что абонент недоступен.

Атмосфера на Крессвелл-плейс была гнетущая. Кейра не могла разговаривать даже с Жанной, я понял, что дело плохо, и решил увезти ее на Гидру. Солнце пойдет на пользу нам обоим.

Греция

Афинский паром высадил нас в порту Гидры в десять утра. С причала я заметил Элену: моя тетка, надев фартук, энергично орудовала кистью, подновляя выкрашенный в голубой цвет фасад магазина.

Я поставил чемоданы и шагнул к ней, рассчитывая сделать сюрприз, но тут… из лавочки появился Уолтер в клетчатых шортах, смешной панаме, огромных темных очках и с мастерком в руке. Он во весь голос, чудовищно фальшивя, распевал песню из «Грека Зорбы».

– Где вы пропадали?! – сердито воскликнул он, торопясь нам навстречу.

– Сидели под замком в погребе! – ответила Кейра, обнимая его. – Нам вас недоставало, Уолтер.

– Что вы делаете на Гидре в разгар рабочей недели? – вмешался я. – Разве вам не нужно быть в Академии?

– Во время последней встречи в Лондоне я сказал, что продал машину и приготовил вам сюрприз. Вы никогда меня не слушаете!

– Ничего подобного! – возмутился я. – Но вы не уточнили, что́ это за сюрприз.

– Уточняю: я решил переменить работу, отдал остатки моих скромных сбережений Элене, и мы, как вы сами могли убедиться, обновляем магазин. Расширим торговый зал, и уже через год я надеюсь удвоить доход. У вас нет возражений против такого плана?

– Я счастлив, что моя тетка наконец нашла себе столь выдающегося управляющего, – ответил я, похлопав старину Уолтера по плечу.

– Отправляйтесь-ка поскорее к вашей матушке, Элена уже звонит ей…

Калибанос одолжил нам двух осликов – самых резвых, по его словам. Мама подготовилась к встрече, как это от века было принято на острове, устроив грандиозную вечеринку. За столом Уолтер и Элена сидели рядом, что означало: они не просто соседи.

После трапезы Уолтер увел нас с Кейрой на террасу и вынул из кармана перевязанный веревочкой носовой платок.

– Отдаю вам эти фрагменты. Я перевернул страницу. Академия наук осталась в прошлом, мое будущее – здесь, – сказал он, указав рукой на море. – Решайте сами, что с ними делать. И последнее, – продолжил он, глядя на меня, – я оставил в вашей комнате письмо, Эдриен, но прошу повременить с прочтением неделю-другую…

И Уолтер вернулся к Элене.

Кейра пошла в комнату и убрала узелок с фрагментами в ящик ночного столика.

На следующее утро она захотела отправиться в бухту, где мы купались в ее первый приезд на остров. Мы устроились на краю длинного каменного мола, Кейра достала узелок и подняла на меня полные печали глаза.

– Отдаю их тебе… Я понимаю, что значит это открытие для нас обоих, но мне неизвестно, насколько правдивы слова и обоснованны страхи тех людей, мне недостает ума, чтобы правильно все оценить. Знаю только, что люблю тебя. Если решение обнародовать наше открытие станет причиной смерти хотя бы одного ребенка, я нам этого не прощу и не смогу остаться с тобой, хотя жить в разлуке будет невыносимо. Во время нашего невероятного путешествия ты не раз говорил, что решать должны мы оба. Возьми эти фрагменты, поступи с ними так, как сочтешь нужным, и знай, что я приму любое твое решение и буду всегда уважать тебя.

Она вложила мне в руку узелок и оставила одного.

Я столкнул в воду стоявшую на песке лодку и сел на весла.

Отплыв от берега на милю, я развязал веревочку и долго смотрел на лежавшие в платке фрагменты. Перед моим мысленным взором пронеслись тысячи километров пути, пройденного нами в поисках сокровищ. Я видел озеро Туркана с островом в самом центре, храм на вершине горы Хуашань, монастырь в Сиане и ламу, спасшего нам жизнь; я слышал, как шумят двигатели самолета, летящего в небе над Бирмой; вспоминал, как мы сели для дозаправки на рисовое поле, как весело подмигнул нам пилот после приземления и как мы плыли на корабле на остров Наркондам; мысленно я снова побывал в Пекине и в тюрьме Гартар, в Париже, Лондоне и Амстердаме, в России и на плато Мань-Пупу-нёр; я восхищался красотой живописной долины Омо,

видел будто наяву лицо Гарри. И самым прекрасным в каждом из этих воспоминаний было лицо Кейры.

Я вытряхнул содержимое платка в море…

***

Едва я вернулся на берег, как завибрировал мой сотовый. Я узнал голос звонившего.

– Мы благодарны вам за мудрое решение, – торжественно провозгласил сэр Эштон.

– Но откуда, черт возьми, вам это известно?! Я только что…

– Вы были у нас на мушке с самого отъезда. Возможно, однажды… но не сейчас: человечеству предстоит пройти еще очень долгий путь.

Я был в таком бешенстве, что зашвырнул телефон в море, не дослушав высокопарную тираду Эштона, сел на ослика и вернулся домой.

Кейра ждала меня на террасе. Я отдал ей платок Уолтера:

– Думаю, будет правильно, если ты вернешь ему это.

Кейра молча сложила платок и повела меня в спальню.

Первая ночь

В доме все спали. Стараясь не шуметь, мы с Кейрой прокрались к изгороди, где были привязаны ослики. На пороге появилась моя мать:

– Если собираетесь на пляж – что само по себе чистое безумие в это время года, – возьмите хотя бы полотенца, иначе простудитесь, сидя на влажном песке.

Она сунула нам в руки два полотенца, два фонарика и удалилась.

Мы устроились у самой кромки воды, и Кейра положила голову мне на плечо. Полная луна заливала берег таинственным светом.

– Не жалеешь? – спросила она.

Я взглянул на нее и подумал об Атакаме.

– Каждое человеческое существо состоит из миллиарда клеток, эта планета населена миллиардами людей, и с каждым годом нас становится все больше; во Вселенной миллиарды миллиардов звезд. А что, если эта Вселенная, пределы которой, как я полагал, мне известны, всего лишь ничтожная частица еще большего целого? Что, если наша Земля – только клетка в утробе матери? Рождение Вселенной подобно чуду рождения новой жизни, всякий раз повторяется одно и то же чудо – от неизмеримо огромного до бесконечно малого. Можешь себе представить потрясающее зрелище – рождение нового мира глазами его матери? Нет, все-таки жизнь – невероятная, фантастическая программа.

– Но кто написал столь совершенную программу, Эдриен?

Эпилог

Айрис родилась девять месяцев спустя. Мы не крестили дочь, но, когда ей исполнился год, впервые взяли с собой в долину Омо, где она познакомилась с Гарри и получила от нас в подарок кулон…

Не знаю, какой путь в жизни выберет Айрис, когда вырастет, но, если она захочет узнать, что за странную подвеску носит на шее, я прочту ей строки из древнего текста, который передал мне один старый профессор.

Есть легенда о том, что младенец в утробе матери знает тайну сотворения Вселенной, происхождения мира и конца времен. Когда он появляется на свет, некий посланец, проходя мимо его колыбели, касается пальцем его уст, чтобы никогда он не мог выдать доверенную ему тайну – тайну жизни. Этот палец, приложенный к устам, навсегда лишает младенца памяти и оставляет отметину. Все, кроме меня, имеют посреди верхней губы эту отметину.

В тот день, когда я родился, посланец забыл прийти ко мне, а потому я помню все…

Айвори, с благодарностью
от Кейры, Айрис, Гарри и Эдриена.

Мои благодарности

Полине.

Луи.

Сюзанне Ли и Антуану Одуару.

Эмманюэль Ардуэн.

Раймону, Даниель и Лоррен Леви.

Николь Латтес, Леонелло Брандолини, Антуану Каро, Элизабет Вильнев, Анн-Мари Ланфан, Арье Сберро, Сильвии Бардо, Тине Жербер, Лидии Леруа, Жоэлю Ренода и всем сотрудникам издательства «Робер Лаффон».

Полине Норман, Мари-Эве Прово.

Леонару Антони, Ромену Рётчу, Даниеле Мелконян, Кэтрин Ходапп, Мари Гарнеро, Марку Кесслеру, Лауре Мэмлок, Лорен Вендельken, Керри Гленкорс, Мойне Масе.

Брижит и Саре Фориссье.

Камелю и Кармен Варела.

Игорю Богданову.

---

notes

Примечания

1

Насильно, принудительно *(лат.)*.

2

Северный ветер в районе Эгейского моря.

3

Архипелаг в южной части Эгейского моря, состоящий из 200 островов.

4

«Талис» – международный оператор скоростных поездов, занимающийся перевозками по линии Париж – Брюссель – Кельн – Амстердам.

5

Гуалтерус Арсениус (1530–1580) – фламандский мастер.

6

Фризиус Гемм (1544–?) – голландский астроном, физик, математик и картограф.

7

Хабермель Эразм (1538–1606) – голландский механик, математик, гравер и золотых дел мастер.

8

Народы, жившие на территории Ближнего Востока, но не относящиеся к семитам.

9

Пеласги – имя, которым древнегреческие авторы именовали народ (или совокупность народов), населявший Грецию до возникновения микенской цивилизации.

10

Гипогеи – подземные или высеченные в скале склепы, места погребения.

11

Источники: Сьюзен Энтон, Нью-Йоркский университет; Элисон Брукс, Университет Джорджа Вашингтона; Питер Форстер, Кембриджский университет; Джеймс Ф. О’Коннелл, Университет штата Юта; Стивен Оппенгеймер, Оксфорд; Спенсер Уэллс, Национальное географическое общество; Офер Бар-Юсеф, Гарвардский университет. *(Прим. автора.)*

12

Устойчивый северо-западный ветер на побережье Красного моря и Персидского залива.

13

Джодрелл-Бэнк – радиоастрономическая обсерватория Манчестерского университета, графство Чешир.

14

Площадь озера составляет 31 500 км^2.

15

Саргон – царь Аккада и Шумера, правил в I пол. 3-его тысячелетия до н. э.

16

Герой одноименного романа Жюля Верна.

17

Название, придуманное Леви.

18

Абгалы, или Апкалы, – «Великие отцы», мифологические персонажи, основатели цивилизации Междуречья.

19

Общепризнанный мировой лидер по производству чемоданов и предметов багажа.

20

Браге Тихо (1546–1601) – датский астроном, реформатор практической астрономии.

21

Кеплер Иоганн (1571–1630) – немецкий астроном, один из основоположников астрономии нового времени.

22

Бюрги Йост (1552–1632) – швейцарский часовщик и мастер астрономических приборов.

23

Участок спорной территории в Восточной Африке, на который претендуют Эфиопия, Судан и Кения.

24

Пикограмм – 10^{-12} грамма (одна триллионная часть грамма).